Альманах

№ 11

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 11

Составитель: В.М. Авцен
«Цифровая типография», 2011 – 264 стр.

«Семейка» – альманах для взрослых и детей, из которых, собственно, и состоит этот мир...

© Авцен В.М., составление
© Лозенко В.И., обложка
© Маша Лавринюк, рисунки обложки
В оформлении альманаха использованы рисунки Евгения Мокина.

ISSN 1862 - 7781

Литературно-художественный альманах

Семейка

выпуск одиннадцатый

Вупперталь
2011

Уважаемые читатели, взрослые и маленькие!

Составив десятый, юбилейный номер «Семейки», получивший немало доброжелательных, а случалось, и весьма лестных отзывов, я взял и почил на лаврах. То есть, попросту говоря, какое-то время альманахом не занимался. Но однажды обнаружил, что за окном метёт столь редкий в наших краях снег, а на календаре значится 2011 год, и понял – пора! В общем, открыл я портфель с авторскими материалами, которые, несмотря на «почивание», собрал. Обнаружил там много чего, на мой взгляд, интересного.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что кинотеатральная и литературно-музыкальная (в том числе и самодеятельная) жизнь на планете сегодня прямо-таки бьёт ключом? Даже просто перечислить все случившиеся на планете за прошлый год разноуровневые конкурсы, турниры, фестивали и слёты – не хватит места на этой странице. Правда, как писал когда-то по другому поводу Михаил Светлов, здесь «зачастую хохот пишущих заглушает смех читающих». Но, к счастью, именно зачастую, а не всегда. А коли так, то наше читательское, слушательское и зрительское дело самим по мере сил отделять зёрна от плевел. Не говоря уже о деле составительском…

К чему я всё это? А к тому, что в прошлом году я присутствовал в Мюнхене на юбилейном 10-м, как всегда замечательном, бардфестивале имени Виктора Шнейдера, участвовал в отборе стихотворений на соискание премии имени Ольги Бешенковской, а также имел честь быть членом жюри двух новорождённых литературных фестивалей: «Камбала» – в память о поэте Наталье Хаткиной (Донецк, Украина) и «Лёгкое дыхание» (Гютерслоо, Германия). Одно из этих событий нашло отражение на страницах выпуска.

География публикуемых авторов: Германия, Украина, Америка, Израиль, Россия, Франция. Кстати, о Франции. С удовольствием прочитал и впервые разместил на страницах альманаха стихи парижанина Виталия Амурского и оттуда же – очередной материал уже известного вам, дорогие читатели, Василия Бетаки: на этот раз о хороших, но малоизвестных или забытых поэтах. Разумеется, в альманахе представлено и много чего другого, чем я надеюсь вас не огорчить, а напротив – порадовать.

С наступившим 2011-м. Всех благ!

Составитель

Стихи

и проза

Ольга Бешенковская

Штутгарт, 1947-2006

В прошлом году Международной Гильдией Писателей учреждена литературная премия имени Ольги Бешенковской.

Пушкин и Керн

1

Его толкали, обнимали,
Он ничего не замечал.
Он видел в зеркале рояля
Как лиру – линию плеча...
Опять Она... Опять фатально...
Опять смертельно и шутя
Влюблен в гостиной на Фонтанке
Повеса, гений и дитя.
Метелит бальная погода,
Заносит в дерзости опять...
Ещё до Юга – больше года.
И до Михайловского – пять...

2

Потом смотрел почти спокойно
На приоткрытое плечо...
Потом арапской масти кони
Раздули ноздри горячо...
Адье, салонное позёрство
И платьев трепетных пурга –
На шаловливую позёмку
Свалились тяжкие снега...
И тешит светом серебристым
Уже не люстра, а луна,
Хотя ещё по декабристам
Звонить не начала она...

Ещё запястья их сковали
Манжеты, а не кандалы,
А он уже в пути...
Едва ли
Мечты о будущем светлы.

3

Переложить на тяжесть трости
И тяжесть изгнанной души...
Он ходит к Осиповым в гости,
Французским балуясь в глуши.
Течёт брусничная водица.
Не стынет яблочный пирог.
И новый снег заносит лица
Далёких женщин...
И порог...
Что день – что месяц – одинаков.
Столица творчества – и глушь.
А ночь смеялась черным лаком
И разливала лунный пунш!
И он застыл на полуслове,
И в пальцах дрогнула свеча:
Откуда здесь – надменный профиль,
Как лира – линия плеча?

4

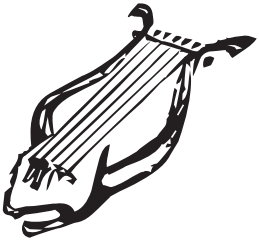
Аннет – как нет...
Зизи, потише!
Что это, сказка или быль?
С крыла рояля фирмы «Тышнер»
Как будто вдруг смахнули пыль...
Как неожиданно и странно:
Луна и пруд... Она и он...
О как продлить мгновенье, Анна!
Вечерний звон... Печальный звон...
Поскольку встреча и прощанье –
Мгновенье чудное одно,

Ему ли верить в обещанья –
Давал и сам... И не одно...

5

Пусть губы стонут, очи стынут,
И в сердце – ноющая боль,
Поэту жаловаться стыдно
На безответную любовь...
Звенели по снегу полозья,
И становилось веселей,
И линовали тени сосен
Страницы чистые аллей
Не для неё...
Она оценит
Не грустный воск луны и свеч.
Она объявится на сцене –
Живая подлинная вещь...
Опишет юных строк рожденье
В морщинах дряблая рука...
... Век – мимолетное виденье,
Мгновенье Гения – века...

1964 год



Камбала-2010

НЕ ТОЛЬКО БАЛЕТ...

О необходимости донецкого литературного фестиваля говорили давно. Мол, как же так: повсюду бурлит литпроцесс, колесят из города в город поэты и барды, куролесят слэмеры и рокеры, а в Донбассе – самой, между прочим, густонаселенной части Украины – ничего подобного, только шахты и «Шахтер», да еще балет. А литературы будто и нет. Но она есть, и не слабая. Рассказывать обо всех донецких авторах – выйдет долго, пока только об одном, коротко.

Наталья Хаткина. Из тех немногих, о ком можно сказать с полной убежденностью: поэт. Пушкин донецкой литературы: проста и легка, умна и современна, сложна и магнитна. Кому еще, как не ей, стать центром и камертоном фестиваля?

Так и случилось. Но для этого ей пришлось уйти из жизни. В день похорон друзья твердо решили: фестиваль – будет. Имени Хаткиной.

Тут же пришло название: Cambala. Для тех, кто не в курсе: это ник Хаткиной в Живом Журнале. Все равно неясно? Тогда ее комментарий:

камбала была мальком. у камбалы-малька были глазики, как у всех – на каждый профиль по глазику.
потом камбала стала старая.
жизнь ее расплющила.
камбала лежит на боку. на другом боку у нее два глазика. камбала смотрит в небо. только на самом деле там не небо, а вода, титаники и мусор, который бросают люди.
камбала обучилась мимикрии. если с титаника упадет шахматная доска, камбала использует ее как подстилку. и станет в клеточку.
все завидуют камбале, потому что она лежит на дне.

Вот так и мы: живем в степи, на дне воздушного океана, сплющенные обстоятельствами. Смотрим в небо – сквозь дым заводских труб. Учимся жить в своем времени. Но время проходит сквозь нас, как дым, а небо не становится ближе.

Кое-кого название дезориентировало – приехали поэты-маринисты, среди которых даже начальник порта. Кое-кто, наверное, получил не то, что ожидал. Оно и понятно: другие фестивали, должно быть,

красочнее, забористее, размашистее, веселее. Может, когда-нибудь и наш станет таким. Пока же у нас были более скромные намерения: чтобы он был честным и осмысленным.

А.К.

Организаторы

Бизнесмен и бард Вадим Гефтер, редактор Донецкой областной государственной телерадиокомпании Ирина Черниченко, редактор журнала «Дикое поле», профессор Донецкого национального университета Александр Кораблёв, дочь поэта Маша Хаткина.

Немного статистики

Интерес к фестивалю выразили 226 автора из 7 стран (Украина, Россия, Казахстан, Молдова, Израиль, США, Швейцария).

Возраст участников – от 13 до 84 лет. Среди них как известные авторы, так и начинающие.

Присланные стихи в основном на русском языке, 14 подборок – на украинском, 16 – двуязычные.

4 сентября 2010 в Донецке, в областной научной библиотеке имени Н.К. Крупской, состоялся заключительный тур поэтического конкурса «Cambala-2010». На этой стадии в конкурсе участвовали 43 автора из 23 городов Украины, России и США.

Стихи ушедших из жизни Влада Клена и Алины Остафийчук читали их друзья.

Качество звучавших текстов определяли 14 экспертов, среди которых известные донецкие поэты, критики, редакторы, издатели, филологи: Владимир Авцен, Вениамин Белявский, Григорий Брайнин, Юлия Гаврилова, Владимир Завгородний, Олег Завязкин, Светлана Заготова, Алексей Куралех, Светлана Куралех, Станислав Медовников, Владимир Рафеенко, Элина Свенцицкая, Маша Хаткина, Сергей Шаталов.

В результате оцифровки поэтических текстов, производимой каждым экспертом индивидуально, была определена степень их поэтического воздействия:

I степень

Бильченко Евгения (Киев)

II степень

Сокрута Катерина (Донецк)
Алымов Сергей (Мариуполь)

III степень
Борозенцев Леонид (Винница)
Миннуллин Олег (Макеевка)
Мокин Евгений (Донецк)

IV степень
Мороз Мария (Харьков)
Левчин Рафаэль (Чикаго)
Максименко Андрей (Донецк)
Коваленко Ксана (Николаев)

Результаты I и II туров и общий итог:

1 Бильченко Евгения (Киев)	12 + 27 = 39
2 Сокрута Катерина (Донецк)	11 + 24,5 = 35,5
3 Алымов Сергей (Мариуполь)	12 + 20,5 = 32,5
4 Борозенцев Леонид (Винница)	11 + 21,1 = 32,1
5 Миннуллин Олег (Макеевка)	7 + 25,1 = 32,1
6 Мокин Евгений (Донецк)	8 + 23,2 = 31,2
7 Мороз Мария (Харьков)	8 + 23,1 = 31,1
8 Левчин Рафаэль (Чикаго)	5 + 25,6 = 30,6
9 Максименко Андрей (Донецк)	8 + 21,6 = 29,6
10 Коваленко Ксана (Николаев)	11 + 18,5 = 29,5
11 Оранская Марина (Харьков)	7 + 22,2 = 29,2
12 Панчехина Мария (Макеевка)	8 + 21,1 = 29,1
13 Савенков Александр (Горловка)	8 + 21,1 = 29,1
14 Сиромолот Юлия (Ясиноватая)	9 + 20,1 = 29,1
15 Петрушенко Владимир (Рубежное)	8 + 19,2 = 27,2
16 Мельник Анатолий (Марганец)	9 + 18,1 = 27,1
17 Александров Арсений (Донецк)	5 + 22 = 27
18 Морозова Елена (Донецк)	9 + 17,2 = 26,2
19 Остафийчук Алина (Краматорск)	7 + 19 = 26
20 Буратынская Людмила (Донецк)	11 + 14,5 = 25,5
21 Клён Влад (Запорожье)	6 + 19,5 = 25,5
22 Матвеева Любовь (Балаклава)	10 + 15,1 = 25,1
23 Стойко Сергей (Симферополь)	6 + 19 = 25

Евгения БИЛЬЧЕНКО
Киев

Венский вальс

Давай побежим по крышам.
Юрий Крыжановский

Я видела эти вены
Со шрамами от штыря...
Не плачь! Мы поедем в Вену
На первое января.

Я знаю, что жизнь – паскуда,
И все перед ней равны;
Я сделаю тебе чудо:
Метель посреди весны.

Снег будет светло кружиться
И падать на тротуар,
На кепочки и на джинсы,
На гривы родных гитар.

Я видела эти слезы
В каком-то чужом кино...
Мы будем читать Делеза
И Борхеса заодно.

Мы умными станем – ужас! –
Добро отличив от зла.
Мы будем бродить по лужам
И слушать колокола

И крик черепицы рыжей
На брачной постели крыш...
«Давай побежим по крышам», –

Ты снова мне повторишь.
Нас тучи возьмут за гребень,
На вены кладя зажим...

И, может быть, мы до неба
По крышам тем добежим.

Катерина Сокрута
Донецк

***

Когда ты пьяный, и смелый, и горький – ночью по встречной,
Развилки и светофоры сжимали тебя кольцо,
Когда не хотелось долго, и страшно подумать – вечно,
Ты, правда, не видел ангелов, глядящих тебе в лицо?
Не видел, как несся Первый, сметая с дороги ветки,
Отшвыривая с обочин машины или столбы,
Не слышал, кричал Второй – уклон, поворот, разметка,
Не помнишь, как Третий мучил потрепанный том судьбы,
Пытаясь найти лазейку – мол, просто доехал. Точка.
А лучше – заглох в ужасной осенней сырой грязи.
И пальцем водил прозрачным по непреклонным строчкам.
Хоть что-то. Оштрафовали? Не рассчитал бензин?
Ангелы ровно в полночь ходят меж нас по трое.
Снимают с маршрутов пьяных, а с окон – самоубийц.
Бросают на счет десятку, в обойму – патрон герою,
Поддерживают самолеты над крышами всех столиц.
Меняют в бокалах яд на грог, перелом – на вывих,
Вытаскивают из-под завалов, депрессий, аварий, драм.
Сигналят наверх: без жертв. Все живы. Нашлись живыми.
Бьют по щекам, запястьям, по стеклам и тормозам.
А после дышать, не верить, всхлипывать, ужасаться,
Благодарить врачей, и – нижней дрожать губой,
У ангелов тьма заданий – но, чтоб увеличить шансы –
Я всех своих отсылаю приглядывать за тобой.

Сергей Алымов
Мариуполь

Акросонет

Памяти Наталии Хаткиной

Над рукописями плывёт
Алмазное крыло рассвета.
Тревожны осени приметы.
Ах, знать бы долю наперёд!
Легко иль тягостно живёт
Искатель собственных сюжетов,
Явившийся на свет поэтом,
Хула ему или почёт?
Акростиха неровный вдох,
Трепещущая ткань сонета, –
Кто это чувствовал, тот мог
Из слёз и слов слагать букеты...
Нам это позволяет Бог,
А сколько спросит. Нет ответа!

Леонид Борозенцев
Винница

* * *

Никогда не читал ни Клару, ни даже Маркса,
Не воровал кораллы, клавир, маслины,
Не возводил напраслину вслед Хармсу
И не плевал незаметно врагам в спину –

Бабушки падали, Карл разводил нищих,
Рос Капитал, Энгельс писал ксивы –
Много ли нужно тем для мозгов пищи?
Чтобы спастись, нужно ли быть красивым?

Время течёт гулко и ткёт струны
Наших с тобой жизней, гитар, нервов,
Если тебе будет со мной трудно –
Только скажи – я оборвусь первым.

Олег МИННУЛЛИН
Макеевка

***

В моем дому горят окошки света,
А я живу снаружи и внутри,
И, может быть, мне чудится все это...
В ночную тишь окошко отвори:
Жилище, храм – куда текут все реки,
Куда пути ведут одной тропой,
Там в тишине ночной не дует ветер,
Там мертвецы бредут одной толпой.
Их путь лежит по саду вдоль забора,
Глядят в окно и вот заходят в дом,
И свет в окне уже погаснет скоро,
И мы исчезнем в облаке одном.
Но, мертвецы – пока еще все живы,
Пока во мне их теплится тепло,
И я живой. И дом, где вместе жили
Воспоминаньем дышит тяжело.

Евгений МОКИН
Донецк

Позднее расставание

1

Ходи, приплющенный ногами
К земле
и ветром в стены вой.
Какие ангелы над нами

Входили в пламенный запой!
И нити в пальцах провисали…
Мы – куклы, брошенные вниз:
Нас бронзой в мрамор муровали
И купидонами – в карниз.

2

Входи. Садись. Ты будешь светел:
Листать тетради у окна,
И целовать и тех и этих,
И тех и этих обнимать,
За талию водить по кругу
Хрустальную, как звон подругу.

3

Свивался ветер в толстый жгут
Деревья намертво стояли
И лампочка, как парашют,
Треща, парила между нами.
Мы так спешили, зря пришли:
Пал ангел.
Воды отошли.

4

Смотри чуть-чуть наискосок:
Тут кто-то рядом, ненадолго.
Пушком подёрнутый висок
И сон – как молока и сока
Под веками густая связь…

И нить в два дерева сплелась.

Мария МОРОЗ
Харьков

***

А происходит вот что: осень в зените –
Паутинки пристают к волосам намертво.
Цепочки слов распадаются – не соединить.
А из молчания вьются крепчайшие нити –
Час, когда утро ещё не заря – марево...

И что выдумывать вздор про хореи и ямбы –
Для рождения строк – как и жизни – нужны двое.
В воздухе – аромат недозревших яблок,
И мотыльки, налетевшие за ночь, падают с лампы,
И очень хочется знать, что не будет покоя...

Рафаэль ЛЕВЧИН
Чикаго

Стоянка мореплавателей

Робинзон и Америго
доставали дрель,
дно сверлили свово брига,
чтоб словить макрель.

– То ж не бриг, то каравелла! –
возразят мне тут.
Та... кому какое дело,
как кого зовут!

Как у той ли у макрели
плавники густы.
Не боится она дрели
и блюдет посты.
Буря мглою небо кроет,
вихри шелестят.

Трудно плыть, когда нас двое,
и вперед, и взад.

Море – корабли, а жажда
нас с тобой грызет.
Возвращается не каждый
смелый мореход.

А едва угаснет ветер –
паруса пусты...
Ничего, за мной в кильватер
доплывешь и ты!

Позади осталось много-
много глупых ссор,
впереди – любимец Бога,
остров Сальвадор.

В белом утреннем тумане
показался он.
Он поможет, не обманет,
остров Гранфаллон!

Там до черта муравьедов
и другой муры!
Не дошли туда комбеды-
инквизиторы́!

И малиновые блюдца
с голубой каймой
с мескалином расстаются...
Ах ты боже мой!

Робинзон и Америго,
прячьте вашу дрель!
Даже Прыгов, долго дрыгав,
не поймал макрель.

И тихонько Ингварь Вынов
Скрючику сказал,
что, мол, зомби-вольверинов
полон весь вокзал

Киевский...

Андрей МАКСИМЕНКО

Донецк

У Кальмиуса

С реки тянуло мокрой псиной,
Был вечер, как воздетый перст.
Балдея от спектральной сини,
Часы показывали шесть.

Фонарь был будто собутыльник,
Похмельный на чужом пиру:
Подмигивал его светильник,
Выпрашивая стертый рубль.

Мы шли, как будто, чуть сутулясь,
Тянули якорную цепь,
Своих шагов широкоскулость
Спешили выдать за акцент.

Беседа отдавала йодом,
Разматывался мокрый ус
Вдоль берега – до точки схода
У магазина «Беларусь».

Мы точно справочник листали
С цедящим звуком на губе,
Переползали, как составы
От точки «А» до точки «Б».

Бренчала мелочь по карманам,
Двух-трехкопеечная медь,
А город кутался туманом,
Невидимый уже на треть.

Природа пахла мокрой шерстью,
Стирала день до самых дыр.
Острее, чем от камня в перстне,
Ходили блики от воды.

Природа сбрасывала кожу –
Царапалась о серп Луны
И отзывалась крупной дрожью
На «Стеньки Разина челны».

Ксана Коваленко
Николаев

Взрослеют ранами

Взрослеют под кожей –
ранами,
спайками,
язвами,
когда болит...
Ты взрослеешь из Кая в Каина,
Я из Лолиты в Лилит.

Взрослеют из плоти в глину,
из моря – в песок.
Наша синяя птица
взрослеет в ворону
из пластилина,
кровь – в березовый сок...

Александр Кораблёв.
Граждане, послушайте меня!

Члены жюри Владимир Авцен, Владимир Завгородний, Григорий Брайнин, Станислав Медовников.
Они явно что-то замышляют...

Счастливые обладатели наград и подарков.
Слева направо: Леонид Борозенцев, Евгения Бильченко, Маша Хаткина, Олег Миннуллин, Катерина Сокрута, Мария Мороз

Елена МОРОЗОВА
Донецк

КЕША

Если бы я завела попугая, то научила бы его хвалить меня. Еще с порога, завидев хозяйку, он бы кричал: «Хор-р-рошая, хор-р-рошая!».

Потому что доброе слово и кошке...

Кошек рисует мой друг художник. Кошки у него получаются такие:

или такие:

Короче, кошки у Жени получаются приятные, дружелюбные, ласковые.

Когда я впервые увидела этого кота, в его серых ртутных глазах читалось откровенное: «Дура». И зачем я только притащила его домой? Еще в кошачьем взгляде я прочла уверенное: «Эта не прогонит». На улице стоял декабрь. Мороз.

Вид у Кеши, когда он появился в моем доме, был далеко не импозантный. Но при всем том он умудрился сохранить важ-

ную степенность и не потерять чувство собственного достоинства даже тогда, когда я понесла его в ванну – отмывать от следов уличной жизни. Кот был тяжел, упитан, что, кстати, мало вязалось с бездомностью. Впервые отрывая его от пола, я даже оглянулась: не прихватила ли заодно еще чего-нибудь.

Кот снисходительно позволил привести себя в порядок. Пепельно-серый – от кончика хвоста до закругленных небольших ушей – он был грязен, как все дворовые коты.

Кешей я назвала его сразу же. Не подумайте, что я не понимаю, какие имена дают котам, просто мне по-прежнему хотелось иметь попугая.

В первый же день я обнаружила Кешу бесцеремонно сидящим на столе с прогрызенным пол-литровым пакетом ряженки в лапах. Молочный продукт пролился на скатерть и тоненькой струйкой стекал на пол.

– Ах ты, бестия! Думаешь, тебе все позволено? – возмутилась я.

Животное с явным нежеланием покинуло стол. На его морде было написано: «Ну и зря. Вкусная ряженка».

Еще Кеша злил меня тем, что спал, растянувшись во весь свой крупный размер и сладко похрапывая, на диване в зале.

Поначалу я пыталась спихнуть его вниз, но он, вцепившись когтями в покрывало, держался намертво, или, если мне все же удавалось отодрать его, плюхался, словно мешок с картошкой, на пол. Глянув недовольно в мою сторону, неторопливо уходил на коврик к батарее. Но я твердо знала: котам место у ног.

Однажды я заметила, с каким презрением Кеша поглядывает на голубей. Он мог часами неподвижно сидеть на окне, наблюдая за воркующими голубками, расхаживающими по перилам балкона.

Когда я возвращалась домой, кот не встречал меня у дверей. Никогда. На кухню за едой являлся только после моего настырного «кис-кис» и, брезгливо обнюхав миску, потрусив при этом лапой или мордой, соизволял выпить немного молока или съесть кусок рыбы.

Но при всем том надо сказать, как менялся Кеша, стоило только войти кому-нибудь постороннему. При гостях Кеша пре-

ображался. Серое великолепие важно прохаживалось вдоль и поперек комнаты. Так я впервые услышала его мурлыканье.

– Какой славный котик! Где ты его взяла? – ахали мои друзья.

– Скоро туда и пойдет, где взяла, – злилась я на кошачьи перемены, ревниво поглядывая на теревшегося у чужих ног кота.

Но гости уходили. Кеша, растягиваясь на диване, демонстративно не смотрел в мою сторону.

Терпя наглость и, главное, безразличие кота к своей персоне, я тешила себя мыслью, что при первом же весеннем потеплении с радостью спущу его с лестницы.

В общем, кот вел себя в моем доме, как баловень-постоялец в отеле при обслуживании по типу «все включено», принимая заботу как должное и не проявляя благодарности.

За зиму Кеша еще потолстел. Шерсть заблестела, запереливалась. Розовым языком он вылизывался неспешно, долго.

И вот пришла весна: многоточием закапало с крыш, лужи вышли из берегов и потекли вдоль тротуаров грязными ручьями, на градуснике красный столбик поднялся выше нуля. Кот с каждым днем становился меланхоличнее. Я перестала ворчать на него, а просто, поглядывая во двор, прикидывала, достаточно ли тепло, чтобы отпустить животное на волю.

Но однажды – случилось это отчего-то неожиданно для меня – он ушел сам. Я и не поняла как. По балкону или выскользнул в дверь незаметно – только Кеша ушел.

Еще три дня я наливала молоко ему в миску. Но потом тщательно вымыла и спрятала посудину в кладовку.

Присев на диван, я вдруг подумала: «А сама ведь ни разу не сказала коту ни одного ласкового слова. Кормила – да. Купала – да. Заботилась. А вот слова приятного не сказала». Стало грустно.

В субботу затеяла уборку. Пылесося остатки кошачьей шерсти, заметила клочок бумаги в углу около батареи. Подняла. Поперек коряво было нацарапано: «Хор-р-рошая».

Больше серого кота я не видела.

А попугая с тех пор мне заводить расхотелось.

СИЛА СЛОВА

– Слушаю вас, – ровный девичий голос обратился ко мне.

Пожав плечами, я положила трубку.

Третий звонок за вечер.

И когда в очередной раз настойчиво зазвенел телефон, я решительно намерилась высказать все, что я думаю по поводу этой неразберихи. Голос на этот раз был вкрадчивым. Он произнес мягко:

– Слушаю вас.

– Это вы мне? – начала я диалог, в ходе которого прояснилась бы ситуация.

– Да, конечно.

– А по какому вопросу, извините, я должна высказаться?

В трубке повисла пауза.

Я обрадовалась: наконец-то они очнулись и сообразили, что спутали мой номер с чьим-то.

– По любому. Мы вас слушаем.

– А вы кто, простите?

– Открытая линия выслушивания.

– То есть психологическая помощь?

– Нет, мы общественные накопители энергии от голосов высказывающихся. Вы говорите, а мы потребляем вложенную в голос энергию и преобразовываем ее. Разве вас не предупредили? Ваш номер внесен в базу.

– А если я откажусь?

– Ваше право. Но не советую. Во-первых, для личности полезно проговаривать проблемы, во-вторых, так как вы у нас в базе, то, пока не наберется нужное количество баллов по вашей строке, автомат будет опрашивать вас.

– Хорошенькое дело. И сколько времени я должна говорить?

– Десять дней по полчаса. Это минимальный взнос. Благотворительный.

– Нет, это совершенно невозможно. Прошу вычеркнуть мой телефон из вашей базы.

Я бросила трубку, залезла с ногами в кресло и, положив подбородок на ладонь, задумалась.

Почитать им книгу вслух, что ли? Все же благотворительная помощь поиску резервов энергии. Я вспомнила, что видела рекламу этой новомодной программы, но не думала, что стану потенциальным клиентом. Как они формируют базу? Может, узнают по телефонным счетам количество проговоренных минут?

Телефон голосил. Я упорно не обращала на него внимания. Приняла решение так приняла. И вообще, я буду молчать. Молчание сохраняет столько энергии, что можно потом горы свернуть.

Я слышала, что если промолчать неделю, то могут открыться мистические способности. А если месяц? Нет, месяц не выдержу, точно. К тому же неудобно. Деловые разговоры, родственники позванивают из разных концов, друзья.

Обдумывая план молчания, я забылась и потянулась к верещавшей трубке. Но вместо того, чтобы снять ее, в последнее мгновение выдернула шнур, отключая аппарат от электропитания.

Я промолчала весь день: нужно же следовать обетам. И еще два следующих, благо они оказались выходными. Слова перекатывались у меня на языке, застревали в горле, когда я хотела их проглотить. Я крепко сжимала губы, и только блеск во взгляде выдавал мою невысказанность. Еще немного, и я освоила бы язык жестов. Я даже стала лучше понимать собак и кошек, встречая их любопытные или равнодушные взгляды во дворе.

Город стоял в снегу, улицы – словно белыми простынями застелены. Воздух, смешанный с хлопьями снега, пах чистотой. На душе от этого искрящегося великолепия было хорошо и спокойно.

К концу третьего дня я чувствовала, что от бурлящей в теле энергии почти взлетаю. Так упорно я промолчала всю неделю.

Самое сложное – выход из молчания. Звук накопившего энергию слова подобен мощному заряду. Я ходила по комнате, тянула из трубочки апельсиновый сок и готовилась шепотом произнести несколько первых слов. Но тут зазвонил телефон. Оказывается – включила его автоматически.

Я поднесла трубку к уху – оттуда женское сопрано пропело:

– Слушаю вас.

Это было выше моих сил.

– О боже! Вы до сих пор не удалили меня из базы, – возмутилась я и в тот же миг услышала, как на другом конце трубки дико заверещала сирена.

И все стихло.

О последствиях я узнала уже из газет. Мощный заряд неизвестного происхождения разрушил аппарат по накапливанию энергии от голосов добровольцев. Никто не пострадал. Но фирму прикрыли.

ТАНКИ

Современным машинам гараж ни к чему. Мощные, бронированные, они, как танки, оккупировали двор.

Чьи-то. Въезжают. Выезжают. Ночуют тут же. Равнодушные к дождям и морозам. Хотя, правда, декабрь еще дурака валял, даже трава на газонах и та наперекор зеленела.

Озеркаленные авто важно оплывали друг друга носами и оседали, как подводные лодки, на дне двора. Деревья же, наоборот, стали подвигаться, сторониться машин, сужать круг. Земля под колесами твердела, асфальтировалась сама собой. Двор годами, да что там, десятилетиями зеленый и просторный, незаметно превращался в мертвую автостоянку.

Безмашинные жители роптали. Незаметно мысленно пинали металлических наседок. Долготерпеливые и те начали ворчать, когда автомобильное море – как бы на чуть-чуть, в разведку – намыло пару-тройку машин в самую середину живого круга.

Но однажды утром, выйдя из подъезда, я удивилась: во дворе было пусто. В поле видимости ни одной машины: ни мерседесов, ни лексусов, ни тойот.

Только Михаил Захарович березовой метелкой поскребывал отвердевшую землю.

– Здрасьте, Михаил Захарович, сегодня что – забастовка шоферов? Или автомобильный вирус всех съел? Что так пусто? – приветствовала я дворника.

– Нет, Елена Юрьевна. Достали меня уже эти бронированные танки. Смел я их всех в мусор.

Я решила, что он шутит.

– В мусор? Правильно. Давно пора. Нечего посягать на жизненно важное пространство жильцов.

Возвращаясь, заметила, что двор оставался все так же пуст.

И на следующий день пуст, и через день. Тут-то уж я задумалась. Что-то не клеилось, не складывалось. До этого двор – автостоянка, а сейчас ни одной маломальской машины.

А главное – тихо, мирно, никто не побежал махать руками и кричать, вора выискивать.

Хотя с этим я ошиблась. Во дворе появился посторонний человек: руки – в карманах, глаза – в упор. Всех расспрашивает. По углам заглядывает. Даже мусор проверил. Я переживала за Михаила Захаровича: вдруг арестуют за хулиганство.

А тот метет себе безразлично, совершенно непричастно.

Человек покрутился, покурил в разных местах двора и исчез туда, откуда пришел.

Я вздохнула с облегчением. Совсем мне не жалко было танков. Танки двору не подходили. Пусть ангары строят, машинодромы, а во дворе деревья должны жить, цветочки, и земля постепенно из-под асфальта продышится, зарастет сорняками – все лучше.

Но еще заметила: во дворе появились новые жильцы. Важные, необъятные. Оказалось – бывшие владельцы лексусных танков стали пешком перемещаться, себя носить.

А Михаил Захарович рядышком подметает.

Переживаю: слишком близко от граждан этих подметает.

Дмитрий ТРИБУШНЫЙ

Донецк

***

Случайная зима.
Обиделись трамваи.
Над крышами коньки
Архангелов скользят.
Прохожие клянут
Периферию рая
И все равно спешат
В открытый снегопад.

Есть правда у него
И у грачей похмельных.
У дворников своя,
У продавцов газет.
И только ты один
Пускаешь пар бесцельно
И ничего уже
Не требуешь в ответ.

***

В соседнем доме гасят свет.
Пора и нам заняться ночью.
Войти туда, где брода нет,
Нет паузы и многоточья.

Войти в мерцающий покой,
То опаляющий, то нежный.
То опаляющий тоской,
То опаляющий надеждой.

Как первый снег, белеет плоть,
И с неба падает, и тает.
И все, что сотворил Господь,
Как в первый раз благословляет.

***

На кухне остывает ночь.
Темнеет поздний чай.
Снегирь бессонный, одиночь,
Храни свою печаль.

Не спят поземка и фонарь,
И видно сквозь просвет –
Погас еще один январь,
Уже сошел на нет.

Уснул, приблизился к нулю.
А ты тревожишь тьму
И снова говоришь «люблю»
В пространство никому.

***

Все объяснимо, ясно, просто
Сквозь воскресенье, сквозь стекло.
Кому натруженные звезды
Оставили свое тепло?

Над заколдованным покоем
Кого-то ищет поздний свет.
А там, где соберутся двое,
Ни смерти, ни разлуки нет.

***

Никто ни в чем не виноват.
Давай начнем считать сначала.
Не виноват печальный сад
И ледяная рябь канала.

Не виноват бездумный дождь,
Дождь затянувшийся, вчерашний.

Не виноват, когда войдешь
В одну и ту же воду дважды.

Не виноваты поезда –
Тепло с собой уносят птицы.
Не виноваты, как всегда,
И те, кому пора виниться.

Не виноват прощальный свет,
Который нас находит поздно.
Не виноваты звезды, нет,
Пусть даже опоздали звезды.

***

Еще не музыка, но все же.
Дугой согнулись дерева.
Слезит сентябрь непогожий.
Дрожит уставшая листва.

Чуть выше музыка, чуть выше.
Чуть выше крыш, чуть выше дна.
Не там, где ты ее услышал,
А там, где Бог и тишина.

***

Не быть, но несомненно сбыться.
Оставить даром небо птицам.
Землей надежною укрыться,
Как первозданной тишиной,

И все оставшееся время
Внутри наедине со всеми
Смотреть, как прорастает семя
Зачем-то названное мной.

О СИМВОЛЕ ВЕРЫ ИЛИ ОБ ОБЩИХ МЕСТАХ

«Современный читатель поэзии – явление не менее необъяснимое и неожиданное, чем само стихо-творение. С благодарностью читателю, Дмитрий Трибушный».

Это краткое предисловие предваряет сборник «Белая книга», вышедший в 2010 году в городе Донецке в издательстве «Новый мир». Чуть раньше в том же издательстве вышла ещё одна книга Трибушного – «Провинциальные стихи». Сборники включают в себя произведения последних восьми лет. Дмитрий Трибушный в 1997 году окончил филфак Донецкого государственного университета, в 2002 – Одесскую духовную семинарию. Участвовал в издании журнала «Андреевский вестник», был руководителем отделения духовной культуры при ДонГУ. В настоящее время входит в редакционный совет православного журнала «Живой родник».

И приведённое выше предисловие, и стихи, собранные в сборниках, и личность их автора так или иначе настраивают на размышления о взаимоотношениях поэта и читателя в современном мире. Могут ли сегодня стихи быть интересны кому-то, кроме узкого круга специалистов-филологов? А если да, то что рассчитывает найти в поэзии её неожиданный непрофессиональный читатель?

Ощущая себя одним из них, рискну предположить, что в первую очередь читатель ищет в книге, разумеется, поэтический талант, то есть чувство слова, умение органично и выразительно построить образы, выбрать нужный ритм и т.д. Скажем сразу, в книгах Дмитрия Трибушного талант присутствует безусловно. Более того, он огранён филологическим образованием и филологической практикой в качестве редактора и преподавателя. Автор прекрасно знает, как надо выстроить фразу, с чего начать, как подвести читателя к финалу, как избежать штампов. В его стихах есть мера и хороший литературный вкус.

Ты взвешен. Тяжелее свет.
Прозрачный свет, листва резная.
Итак, тебя на свете нет.
Ты умер, сам того не зная.

Через тебя бежит авто,
Струится улица, льёт дождик,
И смотрит сквозь твоё ничто
На мокрую сирень художник.

Ты найден лёгким, как всегда.
И где-то близко под тобою
Горит, горит твоя звезда
Ещё не света, но покоя.

Даже для непрофессионала очевидно, что это – хорошее стихотворение. Здесь удачны и тонко переданное ощущение бесплотности и прозрачности души во второй строфе, и звезда, которая горит теперь не вверху, а внизу, и отсылка к Булгакову и русскому романсу, не переходящая ни в постмодернистскую игру, ни в подражательность. В контексте стихотворения последние две строки становятся совершенно самостоятельным художественным образом. Быть может, на самый придирчивый вкус, техническое мастерство этого стихотворения видно чуть ярче, чем этого хотелось бы. Мы не только воспринимаем стихотворение, но и подсознательно сознаём, как оно умело сделано. Словно на написанной маслом картине остаются сделанные карандашом наброски и эскизы. Но это мимолётное ощущение нисколько не разрушает общего цельного впечатления от стихотворения.

Вместе с тем, свести впечатление от поэзии к благотворному действию одного таланта едва ли возможно. Даже очень талантливые стихи могут оказаться пустой игрой, интересной лишь узкому кругу избранных. Новизну приёмов, тонкость стиля, плетение рифм оценят филологи, а непрофессиональный читатель, как это ни банально, хочет найти в стихотворении ещё и смысловую глубину, отражение волнующих тем, найти переживание того, что для него по-настоящему значимо и важно. А лозунга «Искусство ради искусства» в силу своей поэтической необразованности он вообще имеет право не знать. В стихах Трибушного нет легковесности, нет игры, они всегда наполнены смыслом, глубоки. Жизнь, смерть, мир,

Бог, вера, любовь. Эти слова и то значение, которое они несут, наверное, так или иначе присутствуют в каждом стихотворении Трибушного. Постепенно, по мере чтения стихов, всё ярче проступает связь этих слов, авторская философия, в своей основе совпадающая с христианством. Окружающий мир печален и трагичен, но мы принадлежим иному, высшему миру света и добра. Жизнь коротка, но душа бессмертна, потому что создана Богом и наполнена его любовью.

Ты есть, и здесь, а смерти нет.
А если есть, то по-другому.
И свет во мне ещё не свет,
А первый шаг навстречу Слову.

Наверное, любой читатель, профессиональный и непрофессиональный, хочет услышать эти желанные слова. Христианин найдёт в них убеждённость брата по вере, неверующий – надежду и свет.

Итак, автор знает, как писать, и знает, о чём писать. Много это или мало? Достаточно ли для того, чтобы встреча автора и читателя состоялась?

Снег не рождается, и сад,
И ночь, и всё созвездье сущих.
И только я в тебе зачат
Твоей любовью всемогущей.

Сгорают звёзды позади,
И впереди, и где-то между,
А ты растёшь в моей груди,
Пресветлый мрак во тьме кромешной.

В этом стихотворении всё правильно. И с точки зрения христианской философии, и с точки зрения поэтической теории. Но почему-то оно напоминает школьное сочинение на заданную тему, написанное отличником. Отличник знает ответы, вложенные в него учителями; ему остаётся лишь пра-

вильно сформулировать вопросы и подвести к ним. Однако лишённое остроты поиска, остроты вопрошания стихотворение становится каким-то слишком общим, холодным, обезличенным. Та декларативность, сделанность, которая едва уловимым намёком присутствовала в строках «Ты взвешен. Тяжелее свет», здесь ложится в саму основу поэтической ткани. И стихотворение лишается чего-то очень важного. Убеждённости и сомнения. Отчаяния и надежды. Страдания и боли. Словом, того, из чего неизбежно складывается наша повседневная жизнь. Жизнь христианина и жизнь поэта. Описание правильной, но – стерильной, выхолощенной, не пропущенной через душу автора жизни подсознательно отторгается читателем как нечто чуждое его внутреннему миру и не находит отклика в его душе. Так кипячёная вода, несмотря на внешнее сходство, никогда не сравнится по вкусу с живой родниковой водой.

Совсем рядом в книге находится другое стихотворение – «Весенние строфы в комнате музыканта»:

По ступенькам каверзным
Грифельной доски
Бегают весёлые
Ноты-светляки.

Если бы не ходики,
Если б не сверчок,
В чёрном безголосии
Умер бы смычок.

Умер бы воистину,
Умер навсегда.
Но висит над пристанью
Спелая звезда.

И молчит, и молится,
И всю ночь поёт,
И сосредоточиться
Смерти не даёт.

Как ни странно, эти два стихотворения повествуют, в общем-то, об одном. О звёздах. О взаимоотношениях Бога и человека. О любви, которая сильнее смерти. Но как по-разному они воспринимаются читателем. Насколько теплее, искреннее, музыкальнее звучат «Весенние строфы»! Трёхстопный хорей, игривый, почти легковесный, не даёт слишком сосредоточиться на серьёзности содержания, он лишает содержание навязчивости и нарочитости, нисколько не отменяя его глубину. В этих строках ощущается не только холодная уверенность в вечной жизни, но и робость в присутствии смерти, и детский страх, так знакомый всем нам, и растущая надежда. В поэтических образах здесь нет исчерпывающей однозначности, а финал открыт будущему, которое для самого автора недосказано и не завершено и в котором читателю есть куда вставить собственное слово. На наш взгляд, в один ряд с этим стихотворением можно поставить стихи «Несли дары со всех концов земли», «В соседнем доме гасят свет» и другие.

Рискнём предположить: это те произведения, в которых так или иначе ощутим не литературный, а личный опыт, личное переживание мира поэтом. И, видимо, без этого опыта встреча читателя и автора едва ли может состояться, каким бы глубоким ни было содержание стиха и какой бы отточенной ни была его форма. Читателя поэзии не интересуют общие истины, общие места – он надеется найти в стихотворении личную правду другого человека во всей её сложности, противоречивости и полноте. Если автор искренен, если он честно, без остатка готов открыть читателю свой внутренний мир, чужая жизнь, затерянная между книжных страниц, пусть на одно короткое мгновенье, становится для читателя фактом его личной судьбы. В этот момент поэзия реализует себя в окружающем мире. В лучших стихах Трибушного происходит именно так.

Наверное, на этом можно было бы поставить финальную точку, отметив, что удачных, искренних, личных стихов особенно много среди недавно написанных, пожелав творческой удачи и т.д.

Но проблема в том, что общие места в стихах Трибушного – это не просто абстрактные избитые истины, но истины рели-

гиозные, вневременные и неизменные. Автор не может не говорить о них, не может не провозглашать их, если хочет быть правдивым перед самим собой. Но при этом он однозначно рискует превратить стихотворение в пафосную декларацию, в повторение банального и общеизвестного. Видимо, в данном случае, мы сталкиваемся с более сложной и глубокой проблемой, чем проблема общих мест и личного опыта – с проблемой разновекторности, разнонаправленности современного творчества и религиозного сознания. Следует признать: искусство и религия в отдельных своих моментах имеют совершенно противоположный вектор движения, тяготеют к противоположным полюсам. Искусство требует предельной обнажённости внутреннего мира человека, оно стремится понять и отобразить всю полноту человеческих мыслей, чувств и эмоций, в том числе – грех, в том числе – порок. Религия призывает к смирению перед лицом Истины, к тому, чтобы преодолеть греховное в себе, не дать ему голоса, не дать ему в любой форме вырваться наружу. Мастерство светского художника – открыть себя миру, донести до зрителя своё – неповторимое, индивидуальное. Мастерство монаха-иконописца – в умении уйти в сторону, скрыть своё я, оставить молящегося наедине с изображённым на иконе святым. Для поэзии общие места губительны, катастрофичны. Религиозное знание держится на традиции, иными словами, на общих местах – Предании, Символе Веры, передаваемом из поколения в поколение.

Читатель может найти в поэзии талант, глубину содержания, личную судьбу, но должен ли он искать в книге стихов, а не в храме Истину, Веру и Любовь?

Верующий человек, ощущающий себя поэтом, так или иначе сталкивается с этой проблемой. Кто-то принципиально бросает писать. Кто-то исчезает как художник в пафосности и общих местах. Требуется большое мужество, чтобы продолжать, подчас вопреки логике и здравому смыслу, идти одновременно к двум противоположным полюсам. Дмитрий Трибушный, очевидно, принадлежит именно к этим нелогичным, необъяснимым и мужественным людям. Но разве имеем мы право высокомерно утверждать, что проблема неразрешима?

У Бога нет общих мест. Его всемирная, всеохватная любовь обращена к каждому из нас, она абсолютно индивидуальна и неповторима. То, что пропущено через сердце, то, во что вложена любовь, перестаёт быть общим, абстрактным и становится личным. Наверное, это равно относится и к искусству, и к религии. А значит где-то за горизонтом нашего понимания может быть точка, где противоположные полюса сливаются в таинственном единстве, где стихотворение и молитва, освящённые любовью, становятся одним...

Алексей Куралех, Донецк

Сергей ЗУБКОВ
Франкфурт-на-Майне

Родился в 1956 в Крыму.
В прошлом – офицер ПВО, юрист, преподаватель.
Служил: Сахалин, Монголия, Урал.
Проводил семинары от Самары до Якутска.
Сейчас проживает в Германии, занимается охранной деятельностью.
Самоиздал в 2009 году маленький поэтический сборник «Маскировка грусти».
В 2010 году стихи были опубликованы в альманахе «Семейка».

Из цикла «Бабушки моей жизни»

БАБУШКА СО СТАНЦИИ ЛОНГЕРИ

Сахалин, 1981 год. Я в командировке на забытой Богом станции Лонгери на севере Сахалина.

Поезд «Ю.Сахалинск – Тымовск» приостанавливается здесь на 30 секунд. Вокруг глухая тайга и только два небольших домика – геологов и железнодорожная будка – говорят о присутствии здесь человека. До поезда минут сорок. Гуляю по лесу. Замечаю старушку. Плачет.

– Что случилось? Нужна помощь?

– Старик ушёл в лес. Контуженный он: бродит, бродит…

Поженились ещё до войны. Гоняли эшелоны с Запада на Дальний Восток. В каждой бригаде была женщина. Как в космос. Женился. Любил меня очень. В 1942 году под Курском эшелон разбомбили. Остались живы, но оба контужены. У деда с тех пор с головой проблемы, а мне почти все зубы взрывной волной выдавило. Так и не вставила. Привыкла.

– Откуда вы родом?

– Из Лохвицы, на Полтавщине.

– Так у меня бабушка оттуда: в одном дворе с композитором Дунаевским жила.

– Ох! (Переходит на украинский). Так и я ж з того двору... Маня? Мы разом гралыся, рыжа така...

– Да... рыжая, в веснушках... и ресницы... и...

Поезд. Запрыгиваю. Судьба только что подарила мне полчаса, чтобы встретиться в сахалинской тайге с детской подружкой моей бабушки. Произошло это за 9000 километров от того места и через 65 лет после того времени, как они играли в свои детские игры с будущим великим советским композитором Йосей Дунаевским!

Вышел в тамбур, попросил у кого-то «беломорину». Текут слёзы, а отчего – не могу понять. Какая-то правда, которую я уже не узнаю никогда.

БАБА АЛЯ

После службы на Сахалине я заменился в Челябинск и жил на квартире у бабы Вали. Вернее, снимал полдома с расчётом, что туда переедут с Украины моя супруга и пятилетняя дочь, переезд которых почему-то постоянно откладывался.

Хозяйка просила меня «посторонних не водить, следить за газом и платить за квартиру вперёд». Ну с деньгами проблем не было, офицерам получку – пока ещё – платили своевременно, а вот с «газом» и «посторонними», в лучших значениях этих слов, проблемы были. Особенно баба Валя боялась цыган: видно, был в её долгой жизни уже отрицательный опыт. Случалось, посмотрит на меня хитро снизу вверх:

– Ергей (так она произносила моё имя), а ты случаем не цыган?

– Да с чего вы взяли, баба Валя?

– Уж больно глаза у тебя хитрые.

– Я вас хоть раз обманул?

Недоверчиво качает головой:

– А вдруг омманешь?

– Баб Валь, я же офицер, коммунист...

Смотрит с тоской. Похоже, попортили ей кровушки не только цыгане.

– Омма-а-анешь...

Постепенно мы привыкли друг к другу, и она стала различать моих *гостий* по голосам.

Иногда специально дожидалась меня у калитки и говорила:

– Опять ты эту кликушу приводил? Нешто хорошо тебе с ней? Вон Танюшка у тебя была – толкова девка: и тихоня, и постирано, и наварено... А энта? Одно слово – кликуша.

Отвади ты её от себя!

– Баб Валь, – шучу, – так сегодня её очередь.

– Тода съехивай с фатеры! Не потерплю здеся такого лукавства.

У меня в коридоре стояли мешок гречки и 2 бочки красной рыбы, которые я вывез с Сахалина. По тем предперестроечным временам – целое богатство, которое я щедро раздавал направо и налево, а оно никак не хотело заканчиваться. Однажды баба Валя попросила:

– Продай мне твоей рыбки, хочу пирог на День Поминовения спекти.

– Не продаётся!

Обиделась.

Эх, думаю, сейчас порадую бабку. Шарюсь рукой в бочке и ничего не нахожу, кроме рассола и слоя соли сантиметров 15. Есть! На самом дне, в спрессовавшемся осадке, обнаружил ещё два «хвоста». Баба Валя довольна и светится, как... (дома у неё ничего и никогда не светилось) умытая луна.

– Ергей, зайдёшь? Я и для тебя нашего уральского пирога спекла. Ташши гитару.

Ничего себе! Ещё и с гитарой...

За столом три старушки, на столе еле початая бутылка водки и пирог.

Мне наливают. Себе наливают. Незнакомая бабушка командует:

– Помянём, не чокаясь.

Выпиваем. Все смотрят на меня. Наверное, нужно что-то спеть? А что я им могу спеть *из моего репертуара*? Вдруг вспоминаю, как в нашем дворе пацаны пели одну песню, и начинаю:

Это было давно, лет семнадцать назад,
Вёз я девушку трактом почтовым;
Голубые глаза, вся, как тополь, стройна
И платочком покрыта шелковым.

Неожиданно для меня бабушки вступают в повторе! Не просто вступают, а многоголосьем! И вот уже льётся в тёмной комнате разложенное и снова соединённое четырьмя голосами:

Голубые глаза, вся как тополь стройна
И платочком покрыта шелковым.

Зрение моё меняет ракурс, и я вижу всех нас со стороны: трёх уральских бабушек и полнокровного капитана с гитарой, слаженно поющих квартетом:

Кто-то выстрелил вдруг прямо в девичью грудь,
И она, как цветочек, увяла.

Мы ни разу не сбились! Мы пели одинаковыми словами и выводили одинаковую мелодию! И я вдруг понял, что эта штука теперь во мне на всю жизнь: как красота, как правда, как любовь, точного определения которым ещё пока никто не дал, да и дать их невозможно...

После этого я стал её называть ***баба Аля***. А чего здесь было больше: крови той самой незнакомки, которую подстрелил казачий разъезд, или ощущения всеобщего счастья из «Алых парусов», – сам не знаю. Так я её почувствовал.

Заезжал через несколько лет в гости: у неё жили какие-то другие люди, и баба Аля теперь не смотрела на меня подозрительными глазами. Да и разве могут быть подозрительными глаза, в которых уже живёт тоска расставания и страх Встречи?..

Потом мне сказали, что её не стало, дом продали, а белёные стены, которые помнили наше тогдашнее пение, заклеили толстыми, ещё советскими, обоями.

А адрес? Адрес остался прежний: улица Ржевская, 26.

БАБУШКА ИЗ ЯКУТСКА

Якутск, начало 1997 года. От челябинского общества «Знание» провожу семинар: «Защита прав торговых предприятий» с руководителями крупных якутских фирм. Живу на квартире родственницы бухгалтерши нашей челябинской организации. В квартире три женщины без мужей: мать, дочь, внучка. 80, 50, 30. Дочь, известный в Якутске хирург, больна раком. Держится. Готовит. Младшая улыбается виновато. Молчит. Бабушка вечером не вышла. Утро. Собираемся. Ко мне подходит бабушка. Руки, как у старого шахтёра. Светло-голубые глаза. В руках моя постиранная и отглаженная рубаха.

Подаёт и говорит: «Я люблю мужчин».

Всё.

БАБУШКА ИЗ АВТОБУСА

Челябинск, 1994 год. Мне 38. Я – юный военный пенсионер и студент факультета экономки и права университета. Еду в автобусе. Вчера крепко пили, но ночь была хороша.

Шучу с пассажирами и кондуктором.

Женщина с заднего сиденья:

– Ты уже подумал о душе?

– Нет, да и рано мне!

– Не рано, как раз…

Глубокие тёмные глаза, чистая одежда, возраст – непонятен. Может, 60, может, 70.

Смотрит с сожалением и жалостью. Постарался поскорее забыть.

А ведь была права: о душе нужно думать, пока ещё есть силы.

БАБА МАНЯ

Ты прости меня, любимая, что я пишу эти строки почти через 20 лет после того, как ты от нас ушла. Просто словам о

тебе нужен был такой срок, они должны были найтись перед тем, как их будет не стыдно положить на бумагу.

Светит старая настольная лампа с матовым стеклом и подставкой «под мрамор», и свет её, пробиваясь сквозь твои золотистые волосы, падает на мои дрожащие ресницы и отражается в моих зрачках. Ты, заметив, что я не сплю, ласково поглаживаешь меня по ногам, и я мгновенно проваливаюсь в сладкий детский сон.

Когда все дела сделаны, ты садишься штопать мужские носки, и в этом месте они больше никогда не порвутся. Уже есть пары, которые состоят целиком из твоей штопки: такие не рвутся вообще никогда. Мы не настолько бедны, чтобы нуждаться в штопке, но штопка – это твой тонус, это проверка готовности организма немедленно перейти на новый, более напряжённый режим работы. Так прогревают машины на Севере, перед тем как везти на них многотонные грузы по бездорожью.

Во сколько ты ложишься? Во сколько встаёшь? Когда спишь? Этого не знает и не видит никто. Когда мы просыпаемся, то еда на день уже приготовлена, на кухне всё сияет чистотой, а ты опять занимаешься штопкой, солнечно поглядывая на нас.

После войны, оставшись с ребёнком одна, ты работала продавцом в магазине, а потом – кассиршей в столовой, в центре небольшого города. Все инвалиды и юродивые приходили только в твою столовую.

– Баба Маня, дай макарон, – гнусавил горбатый Серёжка, который даже и не знал, что существуют деньги. Но, получив от бабушки чек на полный обед, он гордо нёс его на раздачу, где его уже ждали поварихи.

– Серёжа, тебе с картошкой? – спрашивали они всегда шутливо.

– Баба Маня макароны дала, – отвечал он с серьёзностью заведующего кафедрой марксизма-ленинизма и ждал, пока дадут положенное.

А вот дяде Андрею, который на Ленинградском фронте горел в танке, бабушка всегда давала от себя пирожное. Ведь воевал он рядом с моим дедом, умершим 18.01.1943 от болевого шока в медсанбате, где, кроме йода и бинтов, никаких лекарств не было.

С дядей Андреем каждый раз повторялась одна и та же игра: он отказывался – она повышала голос, потом умоляла – и он соглашался, заворачивая пирожное в тонкую папиросную бумагу. Стоило пирожному исчезнуть у него в кармане, как бабушка начинала улыбаться всеми золотыми зубами, а мне, трёхлетнему, побывавшему уже тогда несколько раз в церкви, казалось, что это блестит золотом церковный амвон и на столовую нисходит Божья Благодать.

Лживые, ленивые, жадные люди боялись даже приближаться к тебе и обходили тебя десятой дорогой. Похоже, была у тебя одна грань, острая, как бритва, о которой родным знать было совсем не обязательно, но которая и служила для нашей защиты.

Ты всегда всё успевала, и даже тогда, когда давление разорвало сосуды в твоей родной голове, ты смогла за год снова стать нам полезной. Когда семья возвращалась вечером домой, её ждал вкусный обед, идеальный порядок и улыбающаяся полупарализованная бабушка с видом победителя. Кто-нибудь когда-нибудь пробовал «одной левой» сделать уборку, почистить картошку, нарезать мясо, снять и поставить на плиту полную кастрюлю, застелить идеально кровать и т.п.?! Я тогда впервые подумал, что люди больны и даже мертвы ровно настолько, насколько они себе это позволяют.

Ты всегда была душой нашего дома, и все разговоры крутились вокруг тебя: а баба Маня знает? а что она сказала? подождём, пока баба Маня посмотрит… спросим у бабы Мани.

Теперь, бабушка, у тебя уже ничего не спросишь. Больше десяти лет живём мы далеко от твоей могилки. А там – всегда идеальный порядок и свежие цветы. Это приходят дети и внуки тех, кто тебя тоже очень сильно любил. Они приходят, а я ревную. Неужели свою любовь к тебе я должен делить теперь с другими?! Я ревную, а потом начинаю перебирать в памяти, какие подарки ты мне (нам) дарила… Я перебираю их в памяти и с ужасом понимаю, что не могу вспомнить ни одного своего подарка тебе. Я помню только одно: как я брал, брал, брал…

Евгений КАГАН
Дортмунд

Москва

Посвящается памяти великого поэта Беллы Ахатовны Ахмадулиной [1]

...В лавине дел, поэзий, партий,
храня и радость, и тоску, –
так, как когда-то Бонапарту, –
мне вредно забывать Москву.
Мне это вредно, как ему.
Хоть помню несколько иначе.
Он стрёмный путь в сплошном дыму
закончил здесь. А я... не начал.
...Я припаду к её лицу.
К её седеющему камню.
К её Садовому Кольцу.
К её мостам, веками тканным.
Я – припаду. Я – пропаду
в нелепой медленности спешки, –
когда к Москве не припаду –
устами: гения иль пешки.
...Мне вредно забывать Москву.
Я без Москвы сижу на ме́ли.
Ведь... столько всякого песку!
И – лишь Москвою – глыбы мерить!

[1] Стихотворение написано в январе 1966 года и ранее не публиковалось. При подготовке его к печати я заменил не вполне удовлетворявший меня эпитет в словосочетании «странный путь» на «стрёмный» – слово, сравнительно недавно возникшее в русском языке, но более соответствующее моему сегодняшнему ощущению. Во время подготовки стихотворения к публикации пришло скорбное известие о безвременной кончине поэтессы Беллы Ахмадулиной. Автору представляется, что как тема, так и вся интонация стихотворения дают ему нескромное право посвятить эти стихи её памяти.

А без неё живу устало.
Живу – не просто: торопясь –
боясь остаться у начала
и... в финишную пасть попасть.
...Проходят главы и предтечи
в истории моей тоски.
Живу – с Москвой желая встречи
иль... сотворения Москвы?!

СУДЬБА.
Ночной пассаж или ножной массаж?

(Автобиографическое: вместо – или для? – эпитафии)

«Я в молодости был хорош
и своевольно
я чувствовал вчерашний дождь
ещё сегодня.
Недолго в этом качестве
пребыть свободно
мне – после дождичка в четверг! –
сулила сводня...
...Делами по уши забит;
забот... вагоны!
Снежок вчерашний – позабыт,
как прошлогодний.
И – завтрашний! – хоть малый! – дождь
сегодня чую...
А также... краешком подошв
людей врачую».

...Так слушал дивны голоса,
убогий путник, я, –
ночной пассаж, ножной массаж,
местами, путая.

НАШИ ВЫБОРЫ, или: «ПРОВОЛОЧНЫЕ ВОЖДИ». ЯВЬ и СНЫ ЭДУАРДА КОЧЕРГИНА[1]

(Как бы монолог)

«Бродячая собака»...
Или – лошадь
с ухоженным названьем «Холстомер»?!..

Воспоминанья – радуют и гложут,
переча повседневной кутерьме.

«...Остистый колобок, – не знаю, где
в пайковый жмых России я вкатился
от всех фронтов, утрамбовавших тыл в снег.
Не убежав лишь от НКВД.

...Когда нас ночью питерской – «прохладной»
(мороз – крепчал!) с печного изразца
в сугроб! – из фараоновой парадной
ссадили два амбала-близнеца,

и по замёрзшей площади к трамваям
мы мчались к Петропавловке вовсю, –
в ампирах! – вызнавал я жизни сюр:
эмпирико-эпическую! – суть! –
назло врагам (авось не донесут!),

---

[1] Э.С. Кочергин – народный художник Российской Федерации, Заслуженный деятель искусств РСФСР, главный художник БДТ, писатель. Родители Эдуарда Степановича были репрессированы в Ленинграде. Во время войны эвакуирован с детдомом в Сибирь. История семилетнего ребёнка, сбежавшего из детприёмника НКВД под Омском и в течение шести лет добиравшегося до родного Ленинграда, легла в основу книги «Крещённый крестами». В 2010 году книга получила премию «Национальный бестселлер». (Но стихотворение было написано автором ещё до этого последнего события).

не ведавшим – ни «Вед», ни «Камасутр», –
вампирам. Мусорам и вертухаям.

Крещённая крестами деспотий, –
одна душа, – как ангелова кукла, –
в ледышке-тушке оной – не опухла,
чтоб – всё – в воспоминанья! – воплотить, –

обнажены, как нерв...
Поди, – одень их!
А впрочем...
Я художник-то – зачем?!
И – как! – крещён, – в том нет вины ничьей...
Пусть – беспризорник... да и – академик!

Побеги с Севера, – как и побеги юга, –
бесплодны одинаково, – когда
в твоём эгре́горе одна бушует вьюга,
перекрывая снегом города.

...Из русских этих вьюги и пурги,
свинцовых льдов, – но и снегов несметных
(что с возрастом особенно заметно!) –
и вышел я.
Художник.
Кочергин.

И если светит, – несмотря на ад, –
в шальной душе божественный источник, –
ты... вознесёшься (люди говорят, –
в прозреньях.
Ненаучных и неточных).

Без оного же – как: без-ног-без-ру́к – ты.
А – с ним (пускай – не в тыщу киловатт!), –
произрастут... не райские ли? – фрукты, –

что оплодотворят, – в черёд! – продукты,
которыми грядущий век чреват.

Начальники и их идеоло́ги
ко мне предпринимали... до ста! – «мер».
Кочуя от берлоги до берлоги,
я проклял их у смерти на пороге
и – вновь простил! – на жизненной дороге;
и... ожил. Так, как ожил Холстомер.

...Сценические эти короба!
Я оформлял театральные коробки,
как со-творец воистину не робкий,
чтоб – не по капле! – выдавить раба.

Я выпускал... особые! – спектакли.
И... вряд ли вы смеяться будете, –
что – не последний! – я на БДТ
(скажу без ложной скромности).
Не так ли?!..

Как я крещён, – в том нет вины ничьей...

Жаль: «мал» был – государственным стать мужем...».

...Адмиралтейству нужен казначей.
Но казначейству адмирал – не нужен!

Нехитрой диалектике ль времён
такими исполинами обязан
святой российский мыслящий Бомонд
и – универсум в целом (по рассказам)?!..

«...Сезон был – вечных льдов (а не – дождей), –
когда впервые – и... мороз по коже! –
свил проволочных я смурных вождей,
чтоб с них убогий кент не свёл очей.

И... ты... не сволочей бы... – выбрал! – тоже!..

А я их – свил. И – свёл. И: перевёл! –
в стальной, но точно выверенной, – стружке.

...Когда имел я первую подружку –
хотели все в вожди.
На/перебой».

ЛЕВКОИ или ЛАНДЫШИ? («ПОСТЕЛЬНАЯ ЛИРИКА», или ЛОСЬОН?)

Warum duften die Levkoien so viel schöner bei der Nacht?
Warum brennen deine Lippen so viel röter bei der Nacht?
Warum ist in meinem Herzen so die Sehnsucht auferwacht,
Diese brennend roten Lippen dir zu küssen bei der Nacht?
Theodor Storm («Abends»)

Что ж левкоев запах чудный столь отчаянней – в ночи?
Что ж твои – всё краше! – губы – разгораются! – в ночи?
Что ж разбуженное сердце страсть прекрасную влачит
Пламенеющие губы целовать твои в ночи?
Теодор Шторм. «Ввечеру»[1]

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
все катится и катится в бору.
А ты – японская сосна...[2]

В моём окне – японская сосна.
О стройненькой с недавних пор пекусь я:
спилить на пни её вот-вот покусятся, –
сообразя парковку, времена...

---

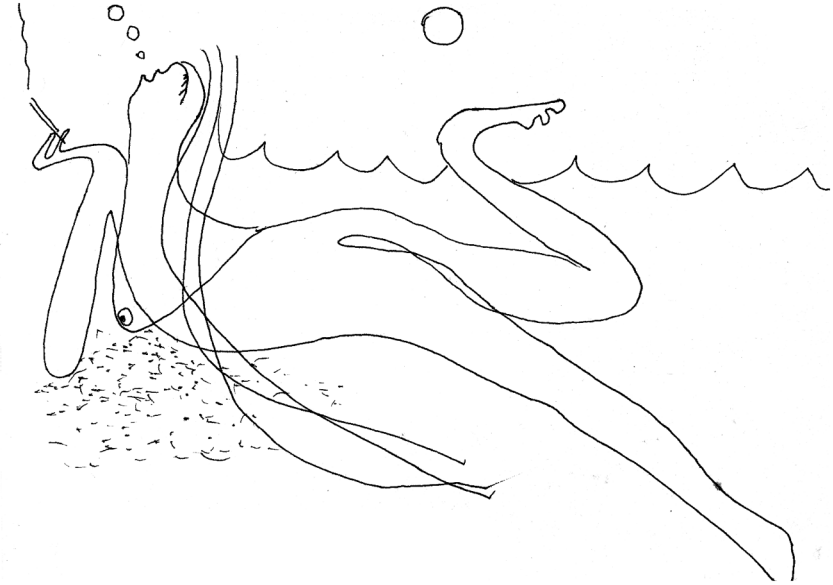
[1] Переложение с немецкого – Е.Каган.

[2] Вариация живущего в США поэта (и барда) Александра Городецкого на тему первой строфы (без последней строки, которая и была «добавлена» Городецким) стихотворения Булата Шалвовича Окуджавы из цикла «Подмосковье».

По правилам японского искусства
не до конца созревшая весна
(чьё – совершенство! – в том, что… не сполна!) –
незавершённые – весьма! – диктует чувства.
…В твоей руке – расправленном луче –
растёт цветок (подобие левкоя).
Твоя головка – на моём плече
покоится небрежно. И… вообще –
нам любо положение такое.
Твоя рука – которая: «лучом», –
до самой простирается до стенки…
Ты так – в кроватке нежишься. (Причём:
не – в «лирике постельной».
Впрямь: в постельке!)
При этом я – на краешке совсем.
…Красна цена! – за женщину в покое.
Я ловко балансирую по койке, –
и… счастлив я. Чего желаю всем.
«По койке» – нелегко: с… таким! – плечом.
…Хоть речь журчит проталенным ручьём, –
ты… бредишь – наяву! Всё нипочём! –
в просоночном сознанье с Зигги Фрейдом!
Но воздух – свеж. Не – спёрт. Ни – кипячён…
Ты – въявь!.. – во сне?! С кронпринцем?.. С палачом?..
Что ты там шепчешь?.. Сон – граничит с бредом?..
…Снаружи зачинается весна.
И там, и здесь наметились проталины.
И жаловаться грех, что ночь – без сна,
а гамма чувств – сложна и… не ясна;
еда убога и пуста казна;
как жаловаться грех, что ночь – темна,
как будто не темна она в… Италии.
…Хоть не приходится мечтать уже о талии[1], –

[1] Среди прочего: согласно последним данным науки, недостаток сна «компенсируется» повышенным аппетитом и, соответственно, подъёмом потребления пищевых продуктов, а вскоре же – и жирком отлагается…

зато не меркнет тела белизна!
И – что?! – нарушить может этот час:
и «от – души», и «лад души», и – «для – души»?!..
Не – «тихий час», но – предвесенний: «Щас!»
А впрочем... слушай («Тихо! Не дыши!»):
«На кой – левкой?» – подснежники кричат, –
«займи и – пей!» И... пузырёк – почат.
Но... под рукой... уже запахли ландыши.



Эрнест ОБМИНСКИЙ
Бонн

НЕМЕЦКИЕ «ПРИЧУДЫ»

Законопослушный немец исправно платит налоги. На эти средства существует госаппарат, в том числе органы правопорядка. Поэтому полиция, которую он «содержит», вызывается им по любому поводу, при малейшем ощущении дискомфорта со стороны окружающих его людей.

Особенно при этом достаётся бывшим русским, плохо вписывающимся в немецкий порядок.

Семья Озеровых живёт в Берлине в отдельной, естественно, квартире. Живёт тихо, никого не трогает. А полиция за первые месяцы их берлинского бытия трижды навещала их по заявлению соседей.

Обвинение первое. Соседка Мюллер жалуется, что Озеровы уехали в отпуск и оставили открытым окно в квартире. Поэтому она вынуждена держать своё окно закрытым, так как ветер может надуть ей пыль из преступно распахнутого жилища соседей. Полиция предупредила Озеровых и взяла с них штраф, который пойдёт на оплату её вызова.

Обвинение второе. Сосед Зеерфельд сообщил в полицию, что унитаз в туалете Озеровых чересчур громко шумит при спуске воды. А это, по письменному свидетельству домашнего врача, тяжело отражается на нервной системе заявителя. Полиция провела контрольный замер шума в унитазе Озеровых и обязала их в недельный срок вызвать мастера (стоимость вызова техника – 30 евро в час) для перенастройки спуска на более тихий.

Обвинение третье. Автомашина Озеровых оставила на парковке масляное пятно. Полиция, вызванная соседями, зафиксировала этот печальный факт, и вскоре Озеров-старший лично смывал пятно с помощью тряпки и стирального порошка.

При этом фрау Мюллер, гер Зеерфельд и другие соседи-немцы вежливо улыбаются Озеровым при встрече и после обя-

зательного приветствия непременно интересуются, как у них дела (знаменитое немецкое– «Wie geht's?»).

АВОСЬ ПРОНЕСЁТ!
(Рассказ соседа)

До чего же немцы интересный народ!

Получил я контракт на работу в берлинском филиале издательства «Максвелл». Ну сам «Максвелл», если помните, взял да и утонул, а филиал прикрыли. Я же, естественно, остался не у дел. И вот как-то через неделю после бесполезных поисков работы встречаю нашего управдома Пфеффера. Поздоровались, и он вдруг интересуется:

– Что-то у вас вид такой, как будто вы без работы остались?

Помню, я почему-то обиделся.

– Я? – говорю. – Я – без работы?!

– Вы меня не так поняли, – мягко говорит управдом. – Если вы временно не работаете, я хотел бы вам предложить один вариант.

– А, вариант – тогда другое дело. Слушаю вас.

– Дело серьезное, – говорит Пфеффер, – может, зайдем в пивную?

Зашли. Пфеффер больше дул на пену, чем пил, долго дипломатично говорил о погоде. Я же, вырвавшись на волю из-под неусыпного контроля супруги, вскоре спросил напрямик:

– Ты меня уважаешь?!

– Уважаю, – твердо ответил немец. – И предлагаю контракт. Уборка снега от дома 12 до дома 14. Контракт с 1 ноября до 1 апреля. Оклад – две тысячи евро в месяц.

Я про себя мигом перевел евро в рубли и обратно и хотел сразу поцеловать Пфеффера. Но все же решил соблюсти приличия и сказал:

– Позвольте подумать до завтра.

Вечером я поделился этой новостью с женой. И кто меня за язык тянул? А все из-за мелочного тщеславия: мол, кто это

лентяй, кто неудачник? Знай, мол, наших! Но жена нисколько этим не впечатлилась:

– Я тебя не для этого записала на платные курсы немецкого языка, – сухо сказала она. – Мне тоже тяжело, но я же не иду на улицу. Боже, ты – и какой-то Пфеффер!

Короче, утром я позвонил управдому и отказался.

Мы провели ужасную зиму. Денег катастрофически не хватало. Нас чуть не выселили за неуплату аренды. Меня вышибли с платных курсов немецкого языка...

Но главное: за все время с ноября по апрель снег не выпал ни разу. Знакомый юрист, да и сам Пфеффер заверили меня, что, не ударив палец о палец, свои десять тысяч за пять месяцев я бы получил, как из пушки!

Но даже и не это главное. Самое главное, что ни юрист, ни сам Пфеффер, ни другие мои знакомые немцы не сомневались в правильности действий управдома. Он был обязан подготовиться к зиме. И я вспомнил суровую морозную сибирскую осень и пельменную, где знакомый управдом говорил мне в преддверии зимы:

– А ничо, авось пронесет!

КАЗИНО

Моей первой читательнице Светлане

Не так давно я вновь посетил родное российское казино, где играл в «Блэк Джек» усовершенствованное наше «очко».

Карта шла отвратительная, я проигрывал, и наблюдавший за игрой незнакомый болельщик, кивнув головой в сторону девушки-дилера, дружески заметил:

– Слышь, земляк, да скажи ты этой падле, что все ноги ей переломаешь, если будет так сдавать...

Эту сценку я с мстительным удовольствием пересказывал дилеру в курортном немецком казино, одновременно предлагая выгодные контракты в России. Высокомерные местные дилеры и крупье приходили в ужас и наотрез отказывались от моих

заманчивых предложений. Здесь клиенту за угрозу работнику казино могут навсегда закрыть доступ в это заведение, хотя немецкому «цокеру» (игроку) такое вообще вряд ли придёт в голову. Скорее, он будет почтительно слушать, как дилеры, вроде бы призванные его обслуживать, оживлённо болтают между собой, не обращая никакого внимания на терпеливых клиентов. В немецких казино дилеры удобно сидят в креслах, а в России и Чехии стоят – дабы не отвлекаться. Даже ограбить здешнее казино (к чему немцы отнеслись бы с пониманием) крайне трудно. Однажды при мне была попытка устроить, выражаясь языком американских гангстеров, «холд ап». Сдававший карты дилер, которого я называл «обер-лейтенант» (служащим казино не рекомендуется называть свои имена), внезапно застыл на месте, устремив свои оловянные глаза в сторону кассы.

Я оглянулся и увидел какие-то две субтильные фигуры в масках, на которых уже набегали с десяток неведомо откуда вынырнувших охранников. Фигуры побросали пистолеты (как потом выяснилось – игрушечные) и успели удрать через чёрный ход. Наш «обер-лейтенант» остался явно недоволен такой быстрой развязкой и пожаловался мне:

– Скучно у нас, наверное?

– Зато у нас весело, – ответил я, – приезжайте!

«Обер-лейтенант» вздрогнул и снова отказался.

Вошедшие здесь в пословицу высокомерие и хамство немецких курортных дилеров (все, как некогда нацисты, с нордическим характером) имеют, однако, свои границы.

Какой ажиотаж поднимался, когда казино изволил навещать Гюнтер Вайль, владелец двух преуспевающих борделей в Кёльне! Этот тучный, совсем ещё не старый делец, «человек с косой», как я для себя его прозвал, прибывал в казино с дипломатом евро («Не меньше 500-600 тысяч», – упоённо сообщали крупье) и двумя бразильскими красотками, которым он давал по пять тысяч евро поиграть «по маленькой», чтобы не скучали.

Играл он исключительно в рулетку одновременно на трёх-четырёх столах. Крупье не начинали игру, пока он не пройдёт мимо, и, швырнув на стол 10-15 тысяч, не сделает ставки.

Я пытался обличить крупье в низкопоклонстве, а западную демократию в двойных стандартах, на что «смотрящий за столом» едко заметил:

– Вы можете за один раз поставить тысяч 50 евро? Нет? Тогда и нечего поминать какую-то демократию!

Поговаривали, что в связи с кризисом бережливые немцы перестали посещать бордели «Косы», и он понёс огромные убытки. Поэтому в казино он в последнее время не наведывался, не желая предстать перед обществом без знаменитого дипломата с полумиллионом евро.

Все казино в мире ориентированы на крупную наживу. Иначе они не могли бы обитать в помпезных зданиях и приносить владельцам сказочные доходы.

Но немецкие казино по жёсткости своих правил и утилитарности методов выкачки денег из посетителей не имеют себе равных! В других странах администрация стремится как-то привлечь клиентов: бесплатные закуски, возможность вполовину снизить потери при плохой карте, поощрение при определённых комбинациях карт (например, «три семёрки» при игре в «Блэк Джек»), бесплатные розыгрыши призов, лотереи и т.п. Конечно, это всё – «бесплатный сыр в мышеловке», но всё же... В Германии клиент должен платить за всё, причём в обязательно порядке. При выигрыше ты морально обязан дать чаевые крупье – иначе не избежать ропота и насмешек. За чай, воду, гардероб, туалет – плати, плати, плати...

Могут спросить – что же заставляет ходить в такие места?! Ответ на поверхности – азарт, который толкает человека к зелёному сукну. Так почему бы, считают практичные немцы, не выжать из играющего всё, что только можно? На немецких курортах казино заполнены с утра до ночи, они совершенно не нуждаются ни в дорогой рекламе, ни в «правах клиента».

Расхожие легенды об известных людях, проигравшихся в пух и прах в немецких казино (например, Достоевский в Баден-Бадене), предостерегают: азарт – тот же наркотик. Увы, это так же мало помогает, как предупреждения Минздрава курильщикам.

Но, как и во всём, здесь тоже бывают исключения. Как ни странно, именно из краёв, где жила знаменитая предсказа-

тельница Ванга, появляются изредка люди, обладающие феноменальным даром угадывать карты.

Один такой ясновидящий, некий Василий, встретился мне и «экстремалу» Андрею Заславскому на греческом берегу, где мы две недели отдыхали от всех, исключая, разумеется, приятных собеседниц.

Наш новый друг Василий, человек тихий и осторожный, дважды навестил местное казино и оставил ему на память крупные дыры в бюджете. После чего исчез по-английски, сказав нам перед этим, что не любит долго демонстрировать своё мастерство в одном и том же месте...

Появился в том же казино ещё один подобный мастер, назовём его «хорват». Стиль его игры заключался в следующем: он некоторое время играл по минимальной ставке в 10 евро. И вдруг в какой-то момент ставил на разные боксы (места, на которые дилер раздаёт карты, – ставка не более 500 евро) примерно 1500 евро и при этом выигрывал на любой карте!

Он тоже появился в казино дважды. В первый раз выиграл 40 тысяч, через неделю ещё 30. И куда девалась хвалёная немецкая невозмутимость! Дилеры стали шептаться, пришло начальство, и фишки нашему «хорвату» отказались менять на деньги. Он, однако, терпеливо ждал решения вопроса, и деньги ему выдали.

Когда я удивился беззаконному поведению персонала казино, он улыбнулся:

– Случается, не отдают. Но я человек неприхотливый. Могу жить в номере за тысячу евро в сутки, а могу и ночевать в машине.

Меня он называл «русский» и говорил:

– Я хочу, чтобы ты, русский, выиграл сегодня три тысячи. Делай, как я.

Когда я, изумлённый его мастерством, предположил, что «хорват», подобно болгарину, ясновидец, он ответил, что ясновиденье тут ни при чём: просто надо знать один секрет, который он мне обязательно откроет. Но назавтра «хорват», не прощаясь, как и Василий, исчез, и я так и не научился уносить из игорного зала по 40 тысяч евро за раз...

Изобилует игорными заведениями «сердце Европы» – Злата Прага. Мне нравилось казино «Саварин» в центре столицы, как говорят чехи, – «на Пржиконах». Там немноголюдно, дилеры внимательны, хочешь играть один – закажи «приватный стол», где ставки несколько выше, чем на других столах. Можно знакомиться с девушками-дилерами, и одну милую чешку я даже пригласил поужинать вместе. Но её подруга-дилер вмешалась в разговор:

– Меня, меня пригласите!

Она была ещё интереснее чешки, и, пока та размышляла, я уже переключился на новый объект.

Девушка-дилер оказалась Наташей из Петербурга, и на следующий вечер мы отправились в ресторан «Дипломат» в районе Дейвице. Всё шло превосходно, пока не настал критический момент, связанный с дальнейшими планами.

Наташа жила одна, но не спешила приглашать к себе. Я проявил всё своё дипломатическое искусство обольщения, и, наконец, она сдалась.

– Ну хорошо. Но сначала вы внесёте мне часть денег для обмена квартиры в Петербурге – тысяч, скажем, двадцать зелёными, а остальные я выплачу сама. Там тоже будем встречаться.

Я слегка остолбенел и пробормотал что-то насчёт коммерческого таланта двадцатилетней ленинградки. На том и расстались.

Вскоре я уехал в командировку в райскую, по африканским стандартам, страну – Камерун. Маршрут был сложный, включая однодневную остановку («стоп-овер») в столице Нигерии Лагосе. Этот многомиллионный город, где каждая жестянка имеет мотор и чадит, как старая доменная печь, напоминал тогда старый Чикаго, каким он мне запомнился в трофейном послевоенном фильме. Город, словно большой муравейник, круглые сутки находился в лихорадочном движении: горели костры на рынках, ломались и строились новые хибары, скрежетали моторы, трещали барабаны.

Я с наслаждением вернулся в аэропорт, окружённый густой зеленью, куда мы вышли прогуляться с моим африканским

приятелем. Внезапно буквально перед нашим носом на дорогу выскочило какое-то чудовище с доисторической мордой и таким же хвостом.

Я замер, а приятель поморщился:

– Пойдём обратно, хамелеон дорогу перебежал…

Мы вернулись в здание, и там обнаружилось (правильно!) казино.

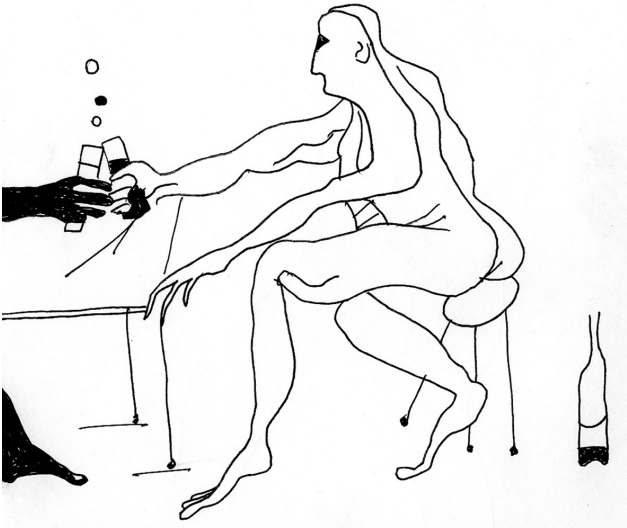
Я, разумеется, зашёл… и увидел Наташу!

Выяснилось, что её из Праги за какую-то провинность отправили сюда, и она прозябала в атмосфере запустения и одиночества.

Я не отказал себе в удовольствии поинтересоваться, остаётся ли в силе её предложение насчёт квартирки в Петербурге.

– Купите мне билет на родину, и я вас отблагодарю, – вздохнула Наташа…

Объявили посадку на самолет в заповедный Камерун, и наши пути разошлись, по-видимому, навсегда. Я летел, и грустные мысли о тщетности и суетности бытия одолевали меня. Оказывается, и казино – вместилище порочных страстей – может дать пищу для высоких философских раздумий.



Сергей ЧЕРНЯЕВ
Харьков, 1970-2002

Сергей Черняев родился 28 февраля 1970 года в селе Русская Лозовая Дергачевского района Харьковской области. Стихи писал с 12-ти лет на русском и украинском языках. Занимался спортом, стал кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике. В 1993 году окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета. Учился в аспирантуре. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии «Идеи дзен-буддизма в творчестве Дж. Д. Сэлинджера (философский аспект анализа)». С 1997 по 2002 год преподавал философию, культурологию, религиоведение и другие дисциплины на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного института Национальной гвардии Украины в городе Харькове (с 1999 года – Военный институт внутренних войск МВД Украины).

1 мая 2002 года Сергей трагически погиб.

При жизни поэта стихи печатались в «Антологии современной русской поэзии Украины» (Харьков, 1998. Т. 1.), в книге «Слобожанська муза. Антологія любовної лірики XVII–XX століть» (Харків, 2000), а также в немногочисленных журналах, альманахах и газетах. Переводил с английского языка на украинский стихи Э. Паунда, Т. С. Элиота, Э. Камингса; с японского – И. Такубоку, И. Кобаяси, Б. Ёса и др.

Поэт увидел изданной только одну свою книгу стихов и переводов – «Терези тиші» (Харків: Майдан, 1996, – 62 с.). Тогда же был принят в Национальный союз писателей Украины, впоследствии став членом Правления Харьковского отделения этой организации.

Посмертно вышли книги:

Янгол з безодні: [Поезії] / Передмова І. Перепеляка. – Х.: Майдан, 2004. – 148 с.

Вибране / Упоряд., підготовка тексту, передмова М. Красикова. – К.: Факт, 2005. – 172 с. – (Сер. «Зона Овідія»).

Зелёное солнце: Стихи / Предисл., сост. и подг. текста М.М. Красикова. – Х.: Эксклюзив, 2009. – 96 с.

Фрагменты из обширного поэтического наследия С. Черняева печатались в книгах: «Слобожанська яса: Антологія громадянської лірики кінця XVII – початку XXI століття». (Харків, 2006); «Украина. Русская поэзия. XX век. Антология. (Киев, 2008); журналах «Березіль» (Харків, 2004, №3–4), «Дикое поле» (Донецк, 2007/2008, №11), «Лава: журнал поэзии.» (Харьков, 2010, [№1]), «Sub Rosa. Дивный журнал идей». (Киев – Елизаветград, 2010, №2), «Лава: журнал поэзии» (Харьков, 2011, №3) и альма-

нахах «Каштановый дом» (Киев, 2008, вып. 4; 2009, вып.5), «Левада: Молодіжний літературно-художній альманах» (Харків, 2009, вип.8) .[1]

Март

День как циклоп таращится солнечным глазом
На детские шалости марта на вешних полях
Который бросает в зенит облакам-верхолазам
Стаи грачей как чёрные звёзды угля

Ему и тесна и скучна колыбель небосклона
На снежных пелёнках он вышил виньетки ручьёв
Омывших весёлой лазурью безгрешное лоно
Земли постигающей юность и девство своё

Пепел

Верни мне
Но не пыл души моей
А пряжу лун осенних
Сны акаций
Тоску свирели ветра
И паяца
Укрывшегося в склепе
Из ветвей

Как соловьиный гимн любви
Нелеп
Когда два сердца
Намертво разъяты
Когда в глазах
Стоят одни закаты
А солнца глаз
Сощурившись ослеп

[1] Биографическая справка и публикация текстов **Михаила Красикова.**

Ты душу поишь
Винами сует
И как судья
Винишь во всех крамолах
Пишу стихи –
Выходит мартиролог
И дрогнут губы
А молитвы нет

Колодец памяти

Меня сразил совиный крик волхвов
И ветер перемолотый грозою
Не спеленал расколотой души
В которую вошла хозяйкой Полночь

Дышал курган то кровью то росой
Из сердца в небеса змеились тени
И ветер тайно обретая плоть
Меня объятием приветствовал как брата

Невнятный шёпот безымянных трав
Он в волосы мне вплёл багряной лентой
На память о беспамятстве моём
И крыльях с оперением рассвета

Звездопад

Звёзды как мотыльки
Летящие ниоткуда
Откроют тебе тоски
Нерукотворное чудо

Знойное словно вино
Из лепестков жасмина

Или небес руно
В свете земного камина

И ты свой оставишь кров
Ради рассветного рая
Со стаей звёзд-мотыльков
В тёмную высь воспаряя

Кафа

Сверчки пронзают милицейским свистом
Округу лишь померкнет солнца ярь
Ночь нарядилась юным трубочистом
Мечтающим украсть луны фонарь

Его пугает мир теней и в свете
Холодного светила слышен всхлип
А утро тихо расставляет сети
На звёзды как на нерестовых рыб

За кулисами листопада

Срывают клёны разом парики
В театре осени сегодня многолюдно
И режиссёр предчувствует подспудно
Сухой и властный жест её руки

Она одна как целое жюри
Глядит из перелесков как из зала
Всепонимающе с грустинкою усталой
Из летних мини-сценок попурри

Движеньем облаков вершит свой суд
Столь явно недолюбливая ретро
Что кроме дрязга погремушек ветра
Аплодисментов клёны не сорвут

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо– или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Виталий АМУРСКИЙ
Париж

...Блажен поэт, собравшись в никуда,
Как яблоки, сложив слова в авоське.[1]

Памяти Бабеля

Революция – скажем ей «да»...
И. Бабель. «Конармия»

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет...
Б. Окуджава. «Сентиментальный марш»

За речкою поле, за полем лесок
И облако всадником наискосок
Галопом летит, да не может догнать
Буденновских орд раскаленную рать,
Что лавой ушла в Посполитую Речь,
Под «Яблочко» панские головы сечь.
За Белую Церковь, за Броды – туда,
Где мальчик шептал революции: «да!»,
Одесский очкарик, кудесник пера,
В атаках с братвою хрипевший: «ура!».
Ах, эти дороги, станиц огоньки,
Чужие пороги, родные клинки,
Горючая воля да доля, да свет...
Но все-таки лучше земля, где нас нет.
Взметнувшие алые флаги зари,
Не в гривы высокой травы полегли:
Чекистскою пулей за доблесть и стих
Отметила родина стольких из них!

[1] Подборка взята из книги автора «Земными путями». Санкт-Петербург, АЛЕТЕЙЯ, 2010.

О родина, родина – храм на крови…
Не надо, трубач, не зови, не дури.

* * *

Пока иероглифы и клинопись
Ученый в линзу разбирает,
К себе нас день вчерашний кличет
И лед форелью разбивает.

Как вызов, брошенный природе,
Сквозь века гул и птичий гам,
Строкой и волей высшей пробы
Там нас встречает Мандельштам.

Там Пастернак гудит, как фуга,
И в ночь уносят провода
Обрывки рокового круга:
Метель. Цветаева. Беда.

Давно эпохой волчьей смяты
Пророки, гении, творцы,
Но с ними – гуще запах мяты,
Сильней, пронзительней скворцы!..

Верней, надежней обещанья,
Неразведенные мосты,
Щедрее царских завещаний
Бумаги чистые листы.

* * *

На златом крыльце сидели:
Царь-царевич
Да Казимир Малевич.

– Ну что? – говорит царевич.
– Ничего, – отвечает Малевич.

Посидели они. Покурили,
Но так и не поговорили.

* * *

Опять дождинки тикают
О кровельную жесть.
Тоска. Россия. Тихая
Палата №6.

Опять вникаю в темную,
Безумья на краю,
Седую, неуемную
Судьбу ее – мою.

Греховною, невинною
Склоняюсь головой
Над книгой голубиною
Из волчьей кладовой.

Открытка без адреса

За всякое я грешен,
За всё гореть в огне:
За горсть твоих черешен,
Протянутую мне.

За осень глаз печальных,
За церковку, где Спас
И свет свечей венчальных
Не ожидали нас.

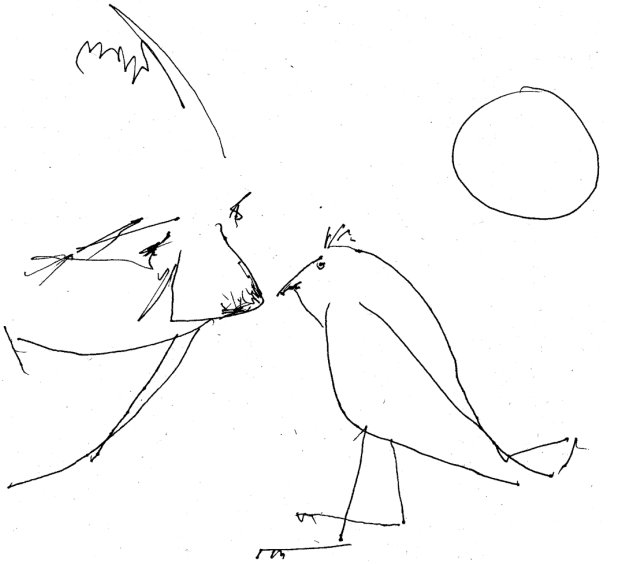
Ещё, конечно, грешен
За то, что неким днём
Остался не повешен,
Как Франсуа Вийон.

Бессвязная мелодия

Кисл и хрустящ, как антоновка, день садовода,
Птичья в нем радость и свет голубой в глубине.
Время меняется, но – бессезонна свобода
И никаких – не-не-не, не-не-не!..

Ночь, как колодец, темна и пьяняще беспечна,
Только поглубже попробуй в неё загляни, –
Может, увидишь звезду свою в мареве млечном
И никаких – ни-ни-ни, ни-ни-ни!..

Годы нюансов не знают, и дождик нас мочит,
Студит снежок, а у Леты на том берегу
Светит костер, и с Сальери беседует Моцарт.
Знать бы о чем – да о том: ни гу-гу, ни гу-гу...



Маргарита БОРЦОВА
Саратов

КОГДА Я БУДУ БАБОЧКОЙ

Вчера мой сын притащил домой зеленое глянцево поблескивающее существо с кокетливым, хотя и слегка, по-моему, гипертрофированным рогообразным выростом на головной части. Поскольку, кроме рога, голова этого создания мало чем отличалась от его же заднего отдела, а само оно подозрительным образом норовило то и дело завязаться в узел, я, несмотря на свои допотопные познания в биологии, осмелилась классифицировать оное чудище как гусеницу-гиганта бабочки-капустницы.

«Вчера» – тоже понятие весьма и весьма шаткое. Не подумаете же вы всерьез, что мой мальчишка откапывал этого зеленого червяка-переростка прямо из-под нагло расположившегося около нашей подъездной двери сугроба? Ибо что как не сугробы и наледи украшают в разгаре декабрьского солнцеворота многострадальные наши улочки и дворы? Нет. «Вчера» в данном случае понятие столь же относительное, как и «сегодня», не демонстрирующее ничего, кроме расположения предыдущего и последующего моментов на координатной, необратимой оси времени.

«Я так хочу», – три волшебных слова, заставляющие неуклюжего птеродактиля времени расправлять крылья и лететь птицей. Натягиваться до звона тугим вектором стрелы, неуклонно приближая вожделенный момент получения толики материальных благ, эквивалентной моей заработной плате. Хотя сама моя заработная плата давно уже не может считаться эквивалентом чему-либо. Но могу же я, в конце-то концов, чего-то хотеть?! Помечтать втихомолку о чем-то могу хотя бы? А, господа-граждане?

Итак, бедняжка гусеничка была обречена моим любознательным детищем на горести окукливания в близких к боевым, домашних условиях. Каждый день несчастное сущест-

во извлекалось юным естествоиспытателем-торопыгой из спичечного саркофага, тщательно визуализировалось и пальпировалось, стоически выдерживало сверхударные нагрузки, самым непостижимым образом ухитряясь подавать при этом признаки неугасающей жизни. Торжественный день неотвратимой метаморфозы приближался. Команческий крик сына: «Мама, мама! Она не дышит!» – однажды на заре возвестил факт превращения истощенной, испостившейся гусеницы в куколку. Все мои предложения оставить несчастную покоиться в спичечном коробке до весны вдрызг разбивались о настырность десятилетнего мальчишки. Вскоре от бедной, теперь уже куколки, тишком был отколупан первый злополучный хитиновый кусочек. На этом дело не остановилось.

– Мама, а там ничего нет, – возвестил слегка сконфуженно маленький вандал.

– Как это, нет? – теперь мы уже требушили гусеничку (пардон, куколку) вдвоем. За тонкими коричневатыми стенками гусеничкиного панциря действительно ничего не было. То есть совсем ничего. Ничегошеньки. Я ожидала, честно говоря, увидеть засохшую мертворожденную кроху бабочку или хотя бы недопревращенную частицу гусеницы. Но внутри маленькой темнички не было ни-че-го. Глухо и темно. Потрясенные, сами того не ведая, мы прикоснулись к чуду. Вернее, это именно мы не дали чуду свершиться настырным своим любопытствующим вторжением.

– Мама, а бабочка ведь – душа гусенички, – как-то совсем уж тихонечко пролепетал вдруг сын. – А мы с тобой не дали ей вылупиться на свет.

Бабочка и гусеница... Вечное «ab ovo». Что между ними общего? Гусеница ленива, безобразна и озабочена лишь ублажением собственной, вечно алчущей плоти. А бабочка? Что заботит ее, обитающую совершенно в других, отличных от земной сферах? Беспечная эфемерная красавица...

– Мам, а бабочка, она помнит, что была гусеницей? – и мы стали дискутировать на тему, обременены ли столь тонкие создания неподъемными веригами родовой памяти.

– Опять эти психи какую-то ахинею несут, – ликующе прорготала дочка-подросток, обратив наманикюренный всеми цветами радуги пальчик в сторону нашей семейной мини-коалиции.

– Да ну их на фиг, – расслабленно ответствовал почтенный глава семейства, любовно утрамбовывая в пробивающемся брюшке еще не успевший перевариться ужин. – Пошли лучше телек смотреть.

Что ж, оно и правильно. Телек благотворнейшим образом помогает пищеварению, успокаивает нервы, приглушая недужные всплески сознания, если только оный не захлебывается перманентной блевотиной рекламы.

Мы же продолжали обкатывать краеугольные камни доморощенной религии и философии.

– Мамочка, а если человека убьют, в нем тоже душа вызреть не успеет? – домогался сын.

– Вот видишь, как надо беречь друг друга, – пробовала я завернуть разговор в более безопасное, накатанное русло.

– А у старичков – душа спелая, – видимо, стрижиная его мысль переметнулась на нашу элегантную и моложавую бабушку. – Когда кто-нибудь старенький умирает, то душа у него просто в бабочку превращается, да? А морщины у них, как куколка у гусеницы?

Я мысленно сжалась. Но мои первые морщинки, видимо, пока еще доступны только моему сверхпристрастному взору.

Я вдруг представила, как душа моя, легкая, непомнящая, парит в мировом пространстве, свободная от тяжкого гусеничного бытоощущения.

Когда я буду бабочкой, у меня не будет ног, и они не будут болеть от ежедневной растительно-инсектицидной житейской суеты. И сердце тоже не будет болеть, и камни из почек выйдут, и радикулит никогда уже не начнется.

Когда я буду бабочкой, я не буду таскать с базара, словно набитые каменьями тяжеленные сумки, пробегая многие километры в поисках эрзац-продуктов, единственно доступных

моему дистрофичному кошельку. А какими же иными продуктами могу я ныне упитать и насытить моего вечно голодающего супруга на две наши, сложенные наподобие ладошек нищего, скорбные зарплаты?

Когда я буду бабочкой, у меня и мужа совсем не будет. И я избавлюсь от смрада его носков и не буду ночью тыкаться носом в запашистые заросли мужских подмышек, и никто не станет в шесть часов утра, когда сон наиболее тягуч и сладок, делать со мной нечто, по форме напоминающее акт любви, но по сути таковым давно уже не являющееся. И мне не понадобится для компенсации радостей телесных уединяться надолго в ванной. Любовь небесная, неземная, любовь самого Творца, будет омывать меня радостными своими, благодатными токами.

Когда я буду бабочкой, мне не придется вместе с моими бестолковышами грызть неподдающийся, не гранитный даже, а скорее, чугунный, пласт науки. Все эти бездарные физики, химии, геометрии и, не приведи господи, географии. Реликтовый этот французский и наглый, косноязычный, английский будут напрочь забыты мною. Там, в небесах, свободная и радостная бабочка, познаю я непревзойденный язык горних сфер, Самого Господа Бога язык.

– Мам, убери этого идиота. Он пихается! – трубный голос дочки выводит меня из блаженной глубокой задумчивости на очке ватерклозета.

Я совсем забыла, что потом, когда душа моя напитается неземным амброзийным опытом, я, бабочка, вынуждена буду, отложив яички, подарить свету еще нескольких маленьких рогатых гусеничек, которые напрочь не будут знать, в кого им со временем суждено превратиться. Пока, по счастью, я произвела только двух. И глотку перегрызу каждому, кто ненароком намекнет, что рожденный ползать...

Однако же самое главное с нами: со мной и детенышем моим, – пожалуй, случилось. Теперь я и еще раз я, в лице сынишки моего, больше не боимся смерти.

Окончательно. Совсем. Только изо всех гусеничьих сил стараемся как-нибудь доползти, дотянуть до того благодатного часа, когда свершится превращение обоих наших я в двух хорошеньких, похожих друг на друга бабочек, чьи прозрачные крылышки поднимут нас над этой бренной, не слишком удачно организованной для маленьких неприспособленных существ землей.

Наталья МЯГКОВА
Донецк

Мои ангелы

В Рождество полон ангелов город,
Слетевших с экранов
Телевизоров и компьютерных мониторов,
Восставших из свежих газетных строк и глянца журналов.
А также из телефонных сигналов
рождественских СМС.
Преодолевших барьеры бумаги, пластика и стекла
Взмахом мгновенным радужного крыла.
В разном качестве изображения,
Грубо вытесанные или нежно очерченные
Ангелы ходят за мной по пятам.
И, конечно, хранят,
как умеют хранить того,
Кто не верит.

***

В мире, в котором мы
не берегли друг друга,
добирались
до океанских глубин,
спасательного
не ожидая круга,
выкарабкивались,
задыхаясь от боли в груди,
на волю
и, отдышавшись,
выбирали вновь
знакомые рифы,
коралловые наросты,
застывшие взгляды

аборигенов-рыб,
в мире, в котором
мы были
отчаянные акванавты
в подводных расщелинах и излучинах,
на ощупь излюбленных,
в память наослепь вкрученных,
плыть бы и плыть...

Папе

Моя любовь
У твоего кресла
Принимает форму пылинок
В солнечном конусе
С верхушкою за окном.
Чаинок,
Упавших на дно
Чашки, остывшей на столике.
Очков в потускневшей оправе
Сверху на книжном томе.
Папа, когда я исчезну,
Стану вчерашней историей,
Чашка, луч солнца и кресло,
Столик, очки и книжка
Будут с тобой.

Хвала вирусам

Если тебе одиноко,
Заболей ОРВИ.
Дома сиди,
Закутавшись в плед,
Распивая чаи,
И радуйся:

Всё у тебя, как у других:
Зябко ёжатся плечи,
Мерзнут конечности,
Нос заложен и горло болит.
Ты такой же, как все,
Кто ходит
Рядом с тобой,
думает, дышит,
Чьих мыслей ты никогда не услышишь.
Сегодня они,
Как и ты,
Не пошли на работу,
С книжкой лежат на диване,
Письма друзьям в Интернете пишут.
Смотрят в окно.
Там ледяная радуга тает
в мелкодисперсной дали,
Как леденец от кашля.
Сегодня мы все
Заодно.
Больше тебе не страшно?

Наташа Фольк
Вупперталь

МЕСТО, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ

Однажды утром я ушла. Обычно в это время я готовлю кофе. Но на этот раз все было по-другому. Я подумала, что дверью хлопать не буду. Уйду красиво – через окно. Нет-нет. Это первый этаж. На улице дул страшный ветер, поэтому меня тут же унесло. Я побывала во многих местах и превратилась в настоящую путешественницу, почти Мэри Поппинс. А потом наступила зима, и стало холодно. Я подумала, что заблудилась... Журавли полетели на юг, и я хотела с ними. Но чужих они не брали.

И мне захотелось домой. Я возвращалась и напевала песенку. И дома, там, дома, я снова нашла тебя. И упругое пространство между нами вновь наполнили теплые волны, и натянул свою тетиву юный проказник.

Ты правильно сделал, что не стал меня догонять...

ЦВЕТЫ

Сегодня в моей голове расцвели цветы. Золотыми нитями опутали мой мозг, и тут он сдался. «Замечательное зрелище», – сказал он себе и заткнулся. Ему нечего было возразить. Так прекрасно было это видение.

Тем не менее ему удалось все испортить. «Невыносимо, – бурчал он, – слишком ярко и как-то не хватает остроты, я бы сказал». И тут, как бы между прочим, напомнил мне о парочке моих неприятностей. Это его старая привычка все портить. Я ненавязчиво предложила помолчать хотя бы раз в жизни. Все-таки не каждый день в голове весна. Он же со своей стороны ненавязчиво напомнил, что без него я как без рук, и правила тут диктует он. Хотя он был и прав, вся эта

бравада мне не понравилась. И я решила разработать план. Когда-нибудь я его все-таки обхитрю. И тогда я услышу музыку небесных сфер. И тогда я сдам свою голову под небесную оранжерею. Безвозмездно.

ПЯТОЧКИ

Есть люди, явления, вещи, а есть нечто, что они являют собою миру.

Я млею от «пяточек». Маленькие, розовые пяточки малыша трогают меня до глубины души. У них на самом деле все такое крохотное: ручки, пальчики, носики, но только пяточки вызывают это особое чувство. И недавно я поняла почему.

Сразу же после рождения малыши начинают осваивать свое тело. Повсюду кипит работа: глаза смотрят, уши слышат, рот поглощает пищу... Все, что заложено Природой в человеческом теле, вступает в действие с момента рождения неотложно. А как же иначе: тело «вкушает» жизнь. И только ходить они начинают значительно позднее. Все это время пяточки остаются нетронутыми своими «обязанностями». И в этом все дело. Они имеют качество невинности. Невинность – вот их message, послание миру.

ПРО ЛЮБОВЬ

Раньше я жила среди людей, теперь меня окружают мужчины и женщины. Нечто вдруг разлилось в воздухе, что сделало внятным эту разницу. Нега и расслабленность окрасили мир в мягкие тона. Я – нежный победитель чувства над рациональностью. Я – завоеватель пустыни анализа. Я – рас-с-с-створена. Это – любовь.

Рудольф ФУРМАН
Нью-Йорк

В кафе

Две чашечки кофе двойного,
один на двоих бутерброд,
и здесь, среди люда чужого,
нам все неудобства не в счет.

Ничто нам с тобой не помеха,
как будто с тобой мы одни
средь этого громкого смеха,
средь этой чужой болтовни.

Как будто одни в целом мире,
мы рядом сидим и грустим,
за роскошь вот этого пира
судьбу свою благодарим.

Совсем неплохая основа,
чтоб к счастью продолжить полет,
две чашечки кофе двойного,
один на двоих бутерброд.

Вид из окна

Город. Осень. Ночь, как бред,
черный цвет фантазий...
Фиолетовый рассвет...
День голубоглазый...

Вечер синий, как берет
проходящей дамы...
Вот, увы, и весь сюжет
заоконной драмы.

Метель

Метель в Петербурге, метель,
Восторг белоснежный и трепет!
Дома и фигурки под гжель
Два дня уже лепит и лепит.

Таланта ей не занимать.
Дано ей от Бога, наверно,
Так здорово живописать:
Светло, и с любовью, и верно!

Пора объявлять вернисаж
Всем жителям на обозренье,
Пока не вошла она в раж,
Пока у нее вдохновенье!

* * *

И этот век не мой,
и тот, ушедший.
В одном родился я,
в другом умру.

Недобрый норов их
и бег их сумасшедший
мне не по вкусу и,
увы, не по нутру.

Не по душе они,
но ведь других не будет.
Мне хватит этих двух,
а больше – не хочу.

За нелюбовь мою
меня лишь Бог осудит
и выберет момент
задуть мою свечу.

Старый этюд

Брату Юре, художнику

В коричневой вазе, в расцвете
Своих фиолетовых сил,
В домашнем предутреннем свете
Багульник весенний застыл.

Он, собранный в тонком букете,
По-прежнему ярок и свеж.
Сейчас, в этот час на рассвете,
На фоне стены цвета беж.

На этой давнишней картине
Мне кажется, что он живой.
Он так же цветет на чужбине,
Как цвел в том лесу подо Мгой.

И нежность весеннего буйства
Сквозит сквозь его фиолет...
И все-таки вечно искусство.
Неправда, что вечного нет.

Марина МЕЛАМЕД
Иерусалим

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Да, мой прадед выкрал цыганку из табора. Влюбился и украл. Такой еврей не подошёл синагоге. И он построил дом на краю Каховки, подальше от всех. Он был хороший кузнец, у него всё получилось – и разбогатеть, и вырастить сыновей.

А жена-цыганка неплохо говорила на идиш и по субботам зажигала свечи.

Приходил поп, уговаривал податься в христиане, но ему сказали «гей авек»[1], и ему пришлось уйти.

У такого папы дети получились не маленькие, девять штук детей. Первым делом они ушли в революцию. Особенно мой дед, который стал первым комсоргом Каховки. Правда, он потом перестал, но Каховка об этом не знает: в каховском музее хранится его комсомольский билет.

А он, вместе со своей ячейкой, встал и вышел из комсомола на каком-то раннем съезде. Поиграли, разошлись и уцелели, так случилось.

Как говорил каховский сапожник Гирш, «ой, вей, Марла Какс, Марла Какс! Старик брендил, а оны думають, что это всерьёз...»

И в партию они уже не ходили. Так бывает, когда мама-цыганка говорит на идиш.

Но папа-кузнец был ещё похлеще. Он поехал помирать в Палестину, году в 47-м. Или в 48-м. Известно, что не в Израиль, а именно «помирать в Палестину».

После войны в живых осталось двое сыновей, старший – Мирон, и мой дед Илья, они давно жили сами по себе.

---

[1] Гэй авэк (идиш) – уходи прочь.

Уехал и действительно помер. Но перед смертью успел написать письмо, не знаю подробностей, прощался, благословлял и просил поберечь старушку, которая за ним ухаживала.

Как Мирону удалось-таки съездить в Палестину – это отдельная загадка. Приехал где-то через два месяца после похорон. И тут выяснилось, что умер его отец от удара ножом в кабацкой драке. Было ему тогда сто два года. Да, о старушке. Красивая сорокалетняя женщина который день рвала на себе волосы.

От этого рода никого не осталось, только я. Частица лежит где-то в Израиле и провоцирует меня вспоминать чьи-то слова...

«Ицик! Поц! Выними палец из розетки! Я кому говорю! А то помрёшь и всю жизнь будешь об этом жалеть! Мирон! Ты уже большой парень, когда сломаешь себе голову, не забудь рассказать об этом маме. Вот Илюшик у меня молодец – сидит тихо-тихо в углу. Илюшик! Ты уже расковирял папины часы или ещё нет?..»

Я «ковиряю» папины часы, папино время. Оно мне кажется безумным не менее, чем наше.

Дед после комсомольской юности стал бухгалтером – экспертом по уголовным делам. Во время «парашютного дела» собирались загреметь большие люди, а им этого не хотелось (парашют был так скроен, что давал миллионы).

Прокуратура искала независимого эксперта, в том смысле, чтобы не брал, и нашли одного на весь Харьков – беспартийного Меламеда. Так вот, заинтересованные лица наняли «специалистов» и решили убрать деда. Заказные убийства ещё не были в моде, но раз он не берёт, как же иначе? А «специалисты» немного раньше сидели с папой в одной зоне, он был тогда десятилетний пацан, потерявшийся при эвакуации. Короче, они остались приятелями и иногда приходили почифирить.

Нет, в бандиты папа не пошёл, хотя мог. Бомбу в завуча – бросал, было, и даже попал. Только она не взорвалась, а завуча посадили за взятки. То есть в каком-то смысле – взорвалась.

А Мирон жил в Симферополе. Он был похож на Котовского, но без лошади. И если рядом, в трамвае, кто-то начинал му-

солить слово «жид», он аккуратно становился оратору на ногу. А вторую – приподнимал, всем весом. И без интереса разглядывал окно…

Так вот, когда папины солагерники пришли «поговорить за жизнь», двухметровый бандит по кличке Манюня спросил:

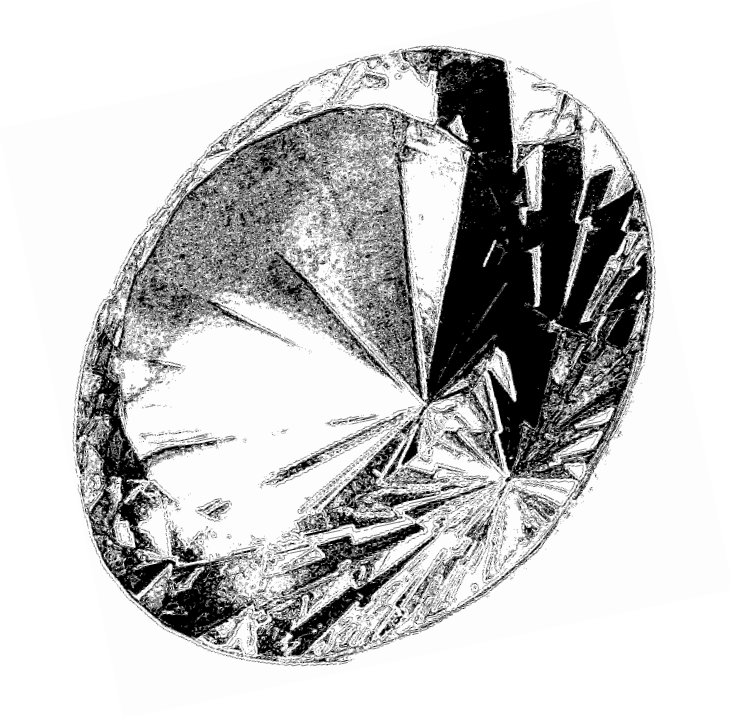
– Лёник, тут люди просят пришить одного бухгалтера, так у него фамилия – Меламед. Он тебе, часом, не родственник?

– Ребята, это же мой батя… – ответил он. И деда не тронули. Его даже оберегали, хотя он об этом не знал.

Как-то дед сидел со своим товарищем на кухне до утра. Товарищ был министром чёрной металлургии, наутро его забрали. Его жену страшно пытали – у кого был министр в ночь перед арестом? Это было так важно – узнать, спасти государство! – но она ничего не сказала, ни полслова. Поэтому выжили и дед, и папа, и смогла родиться я.

Поэтому я живу в Иерусалиме, и гены вскипают в моей крови. Иногда я кажусь себе цыганкой, хотя соблюдаю субботу, – ночные костры, песни, дороги… Я гадаю – на прошлое. Будущее и так случится.

Лёд и пламень



Генрих ШМЕРКИН
Кобленц

СПАСИБО ЗА ВСЕ, АНДРЕЙ!

27 мая 2009 умер Андрей Леонидович Кучаев.

Три месяца спустя электронный портал общения «Mail-ru» прислал мне предложение подружиться с одним из виртуальных моих собеседников. В извещении значилось: «Возможно, вы знакомы. Добавить человека к себе в друзья можно, нажав на ссылку „подружиться“ под его фото».

Фотографии в извещении не было. Вместо неё под текстом – неясный контур, похожий на мишень, по которой обычно палят в армии на стрельбах.

Под мишенью стояла идентификационная надпись: «Andrej Kutschaew».

Выглядело это неким приветом. Оттуда, где нет никого. Ход в духе Андрея. В письме и в жизни он был неординарен и непредсказуем.

Проза Кучаева особенная. Она – как стихи. Музыкальная, мощная, концентрированная. Многие вещи Андрея по сути есть поэмы.

Поэтические образы Кучаев не придумывал, он ими мыслил.

Знакомы с Андреем мы были больше по телефону.

Он научил меня готовить настоящий салат оливье (варёная картошка и курятина пропускаются через мясорубку, вместо солёных огурцов добавляются маслины, а вместо майонеза – оливковое масло), овсянку (с брусничным вареньем) и мясную солянку (минимум четыре сорта копчёной колбасы, солёные огурцы, свежие помидоры, каперсы). Кстати, что такое каперсы, я не знаю до сих пор.

В предпоследнем нашем разговоре (это было 10-го мая, никто не думал, что жить Андрею остаётся ровно 17 дней) Кучаев, по обыкновению, был ироничен: «Я вырастил внутри себя цветок, который теперь меня душит. Немцы

возлагают надежды на свою любимую химию, которую изобрели и которой страшно гордятся. Вряд ли это что-то даст... Во всяком случае, пока жить можно. Терпимо. Ничего криминального. И вообще, сколько уже существует человечество, а человек ничему так и не научился. Он прекрасно знает, что смертен, но почему-то продолжает считать, что будет просыпаться каждое утро. Каждый должен понимать, что однажды придёт и ЕГО утро, которое он уже не встретит...»

Несмотря на шлейф славы сатирика, волочившийся за Андреем, как кандальные цепи, писатель он был грустный и светлый (достаточно перечитать «Любовь слонов»). Помогавший, щедро делившийся, разговаривавший с тобой, как с равным, и это – при его высотище...

Замечания Андрея были точны и ошеломляющи. Прочитав твою вещь, он мог подсказать совершенно другую развязку, завязку, эпитет, недостающую деталь... Я следовал его советам. Переписывал наново – и рассказы, и стихи. И относился к преображённым текстам, как к своим собственным. Рецепты, полученные от Кучаева, старался «зарубить себе на носу».

Однажды, давая мне мастер-класс по телефону, Андрей услышал в трубке шебуршание, виной которому, скорей всего, была телефонная станция... И тогда он спросил: «Чем вы там занимаетесь? Магнитофон, что ли, подключаете?».

Наверное, нужно было так и делать. Чтобы не забылось (мы были знакомы с 1996) ни одно слово Мастера.

Он учил меня работать. Учил, как садиться за письменный стол: «Если настроение плохое – развеселите себя, а потом уж пишите. Не получается развеселить – всё равно пишите. А придёт нечаянная радость – ловите момент, переделывайте концовки. Мрак должен заканчиваться светом».

«Когда-то в КВН была такая шутка: „Для того чтобы носить очки, недостаточно быть интеллигентным человеком. Надо ещё иметь плохое зрение!“ Перефразируем: „Для того чтобы стать писателем, недостаточно быть толковым человеком. Нужно ещё видеть не так, как видят все“».

«У Вас украли миниатюру? Радуйтесь, это хороший признак. Плохого не украдут».

«А эта вещь у вас ещё уродливей, чем „Кривое зеркало“. Я бы на вашем месте её порвал».

«Что вам ещё надо? Вы можете быть трагичным, можете быть смешным. Не печатают? Самое счастливое время! Наслаждайтесь возможностью писать, что хочется, а не то, что требуется».

«Для рассказа слабовато. Потому что мало. Надо бы побольше – и в том же ключе. А вообще поздравляю. Вы набрели на новый жанр. Подумайте. И сделайте выводы».

«Писателем может стать лишь тот, кто получил по башке от жизни».

«В преферансе есть правило: «Нет хода – не вистуй». А у писателя должно быть – нет хода – не пиши».

«N испёк кирпич в несколько сотен страниц, в котором описал свой жизненный путь. Но об интересном, неожиданном ходе не позаботился. И получилась сплошная тягомотина. Когда книжку о себе пишет выдающаяся личность (например, Ю. Никулин, Э. Рязанов), мы читаем её с удовольствием, потому что нам этот человек интересен. А кому интересны производственные достижения N? Только его детям и жене».

«Писатель – профессия воровская. Мы воруем у людей их беды, радости, слова, поступки, жизни, наконец...»

«Пока вещь не закончена, никому её не показывайте, не читайте. Мало ли... Спугнуть соловья может каждый».

«Это удача. Постарайтесь запомнить настроение, в котором эту вещь писали».

«Здесь поскрипывает... Вы встали на котурны, которые не возвышают, а опускают».

«Вы меня слушайте, но авторские углы оставляйте неметеными».

Иногда хвалил, чаще ругал – за неточное слово, за схематичность, за любовь к внешним эффектам и нелюбовь к собственным персонажам.

И ещё – очень важное.

«Избыток логики приводит к выхолащиванию самой идеи писательства. Читать становится неинтересно, всё ясно наперёд».

То же вспоминает В. Шендерович в своём блоге: «Кучаев учил не смешить, а вышелушивать смысл».

Из творческой автобиографии И. Иртеньева: «Рассказы я писал до середины восьмидесятых параллельно со стихами, пока Андрей Кучаев, на чей семинар я ходил и чьим мнением дорожу до сих пор, мягко не объяснил мне, что стихи у меня получаются ловчей».

Андрей учил не только писать – он учил выступать на публике.

«Если юморист уходит со сцены не под скандёж зала – это провал».

«Начинать – и заканчивать! – выступления нужно самыми крепкими вещами».

Я неукоснительно выполнял советы Андрея. И вот – выступаю в его «родном» Мюльхайме – в полуподвальном зальчике, арендованном эмигрантским культурным центром.

Прочитал первую вещь (прошла «на ура», представляю себе мою самодовольную рожу).

Не аплодировал лишь Андрей.

Концовка моей новеллы была, на удивление, сильной. Умной. Смешной. Искромётной. И придумал её, естественно, Андрей Кучаев.

Аплодировать самому себе было, по меньшей мере, глупо. Андрей поднялся с места и, пригнувшись, вышел из зала. Из предбанника потянуло табачным дымом (он курил «Marlboro»).

Давно пытаюсь вспомнить «свою кровнюю» концовку. Напрасно. Хлам в памяти не удерживается. Зато помню, что сказал о ней Андрей: «Эффектная, но не эффективная».

Потом, дома, на Klosterstrasse, он угощал меня лангетами и блинами собственного приготовления. Я слушал «разбор полётов» и поглощал всё, как любил говорить Мастер, «прямо со сковороды».

«Зачем давать два отделения, если они похожи, как партия и Ленин? Публику нужно удивлять».

Впоследствии я так и сделал – скомпоновал два не похожих друг на друга отделения. И понял: в моём случае – это единственно верный вариант.

В комнате на прищепках сушились машинописные листы, залитые чаем (Кучаев употреблял его в неимоверных количествах). «Сырая рукопись, пусть просушится», – сказал тогда Андрей. Это была рукопись романа «Труба и чайник», написанного им в соавторстве с Николаем Исаевым.

Писал Кучаев, насколько я понимаю, как говорил. На одном дыхании. Едва успевая бросать на бумагу то, что являлось откровением для нас и было совершенно очевидным для него. Рукописи изобиловали образами, звукописью и описками. Чего в его текстах не было – так это неточных слов.

Читателя Андрей ставил очень высоко. Возможно, как никто. И сам очень много читал.

Музыкантский анекдот. Оркестрант спрашивает у дирижёра: «В пятом такте играть си или си-бемоль?» А дирижёр отвечает: «Играйте пианиссимо».

Подобный случай из жизни я рассказал однажды Андрею.

К нам в ресторанный ансамбль прислали нового руководителя.

Вскоре маэстро принёс на репетицию свою аранжировку. А в ней – весьма приличное (имеется в виду объём) и заковыристое соло саксофона. Играю. У всех вянут уши. Лажа, как говорится, капитальная.

– М-да, – говорит Витя (так звали маэстро), – что-то не очень у тебя получается.

– По-моему, ноты не того, – пытаюсь реабилитироваться я.

– Плохому танцору ноги мешают, – сообщает Витя. – У меня по этим нотам Тёма Бельфор так вышивал, что пальчики оближешь.

– Может в этом месте не ля, а ля-диез? – спрашиваю.

– Ой, – снисходительно вздыхает Витя, – играй, Геночка, как хочешь...

Беру свою партию (а заодно и гармонию) домой, проигрываю все сомнительные места и обнаруживаю, что где-то пропу-

щен диез, где-то – промашка с длительностью или нота залетела не на ту линейку.

На следующей репетиции слышу от Вити покровительственное:

– Ну вот, Геночка, наконец-то ты удосужился выучить свою партию...

– Я удосужился, Витенька, её не выучить, а исправить, – говорю я и показываю исправления, которые внёс красным карандашом. Всего их было около десятка.

Витя – с важным видом – промолчал.

Рубль за сто – маэстро элементарно врал. Это не его аранжировка.

Если я написал стихотворение, то помню каждое слово наизусть. И, коль кто-то сделал ошибку при переписывании, всегда подскажу, как должно быть на самом деле.

Андрей выслушал эту историю и сказал:

– А может, он просто был лучшего мнения о вас? Поэтому и сказал, играй, как хочешь. Всё-таки ноты не главное. Нужно нутром чуять, что играешь. А в тексте ошибки – не потому что передирал, а потому что торопился записать пришедшее с небес?

Я не разуверился в том, что аранжировку написал не Витя, но отношение с тех пор к себе как к музыканту поменял.

...Поражало его великодушие по отношению к редакторам. Обнаружив в своём рассказе неуклюжую редакторскую правку, он ни на кого не злился. Однажды Кучаев зачитал мне кусочек своей автобиографической повести, опубликованной одним уважаемым изданием. Что-то типа «Я вытер ноги о подушку и зашёл в комнату». И при этом от души смеялся. В его рукописи, отпечатанной на машинке, было не «о подушку», а «о подстилку» (очевидно, редактор не проверил рукопись после сканирования).

«Я не обижаюсь, – сказал Андрей, – так даже смешней».

Один из недавних заветов, полученных от Андрея:

«Дорогой Генрих!

Вы прислали на суд, вот я и сужу. Простите, если что не так – не выветрилась эта моя манера учить молодых.

Первый рассказ – привидения.

Я, не еврей, был задет недружелюбным подтекстом этой вещи. Когда пишете на еврейскую тему и на еврейском материале, будьте добры сразу же зарядиться изрядной долей мягкости, дружелюбия и лукавства.

Если человек умер и неожиданно для себя попал в юмористическое произведение, это произведение должно быть уважительно мягким, трепетным (пусть смешным...) – то есть лукавым. Идея мне нравится – человек, на самом деле, не умер, он просто ушёл от людей. Но Вы ее сами уничтожаете, сделав героя шаромыжником, за которого больно – так Вы его вывозили. За что? Тогда и нас надо каждый день возить носом по навозу. Да, меня раздражают *X* и *Y*, но в человеческом плане, когда я сяду о них (прототипах) писать, то заряжусь снисхождением, мягкостью и рассмешу читателя. Злобы я не допущу: пусть занимаются тем, чем занимаются, живут и радуются – мы писатели, не судьи, мы любим людей всяких, они так забавно не замечают, что попали в переплет, и конец их будет и без осмеяния страшен. Всех сатирик и юморист утешает, заставляя смеяться. Тот же Гоголь, не говоря о Чехове.

Вы умеете тонко замечать и придумывать, а тут написали какой-то памфлет на наехавших наглецов-захребетников. Участь их и так невеселая, да и избито. Уходите из банальности, оставьте ее *Z* и *Q*, пора сердцем писать. Вы это умеете, увеличьте наше племя лукавых мудрецов, а не фельетонистов для сборищ недалеких стариков и больных несчастных старух. А вот добраться до их сердца и слез – это задача для нашего брата. Вперед, Генрих, больше «тепла и света», перефразируя Гете...» К изданию последних – фантасмагорично-реалистичных – романов Кучаева приступило московское «АСТ». Второй из них – «Секс вокруг часов» – вышел в этом году.

А несколько лет назад Мастер – одной левой – выдал книгу афоризмов. Она так и называется: «1000 с лишним афоризмов на ночь».

Вот лишь несколько из этих мудрых мыслей:

«Лучший хронометр – лица сверстников».

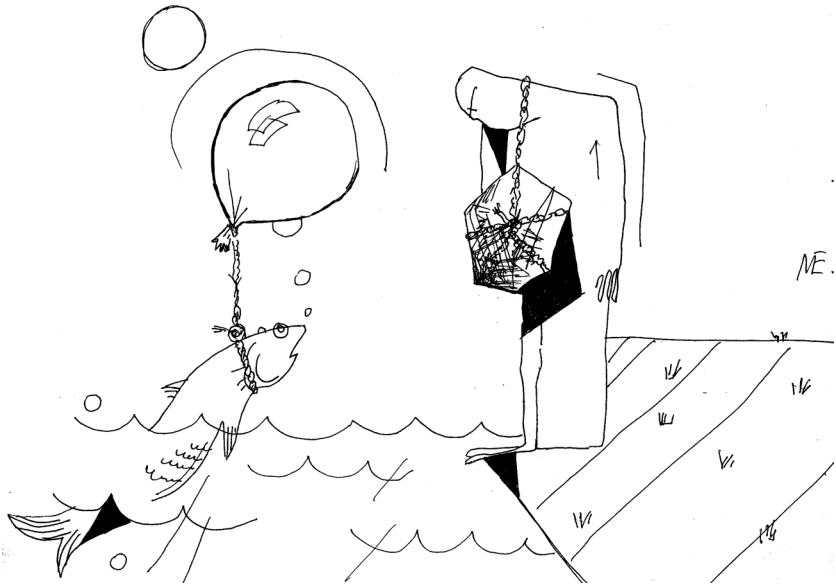
«Некоторые государства страдают недержанием мощи».

«Если беда не приходит одна, пусть захватит хорошенькую подружку».

В 20-х числах апреля Андрей Леонидович вернулся из Москвы со своей новой, только что изданной книгой. Чувствовал себя плохо. Наверно, как никогда. Потому и обратился к врачам. Но было уже поздно.

Ряды классиков скоропостижно пополнились...

Спасибо за всё, Андрей. Мы не прощаемся.



Светлана Фельде
Хеннеф

БЕДНАЯ ЛИЗА И ПИРОГ С ГРЕЧНЕВОЙ КАШЕЙ

Среди русскоязычного населения Германии бытует мнение: немцы – народ малочитающий.

Если честно, то я думаю, что утверждение это относится к категории известных клише типа – русские мужчины с утра до вечера пьют водку, а русские женщины – забитые и недалекие.

Трудно, увы, оспорить факт наличия малочитающей молодежи. И, видимо, преимущественно для нее швейцарское издательство getAbstract занимается тем, что в голове поколения сорокалетних, пятидесятилетних и немного старше никак не укладывается. Итак, издательство специализируется на коротких резюме разнообразных публикаций по деловой тематике. Пять тысяч «конспектов» книг о бизнесе нашли своего читателя. Они публикуются на нескольких языках, в том числе и на русском, и в разных форматах – для того, чтобы было удобнее скачивать в интернете на домашний компьютер или гаджет.

Впрочем, деловая тематика – это еще не все.

Так называемая облегченная классика – предмет особой гордости издательства. На сегодняшний момент опубликовано уже более четырехсот восьмистраничных пересказов произведений, вошедших в золотой фонд мировой литературы. Шекспир, Софокл, Кафка, Томас Манн, Бальзак, Диккенс, Гете, даже Библия... Не забыли и русскую классику: «Герой нашего времени», «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Вишневый сад», «Три сестры», «Бедная Лиза» Карамзина, «Джамиля» Айтматова, которая в бывшей ГДР была самой читаемой книгой, переведенной с русского, и до сих пор очень популярна в Восточной Германии.

«Мы все учились понемногу, /Чему-нибудь и как-нибудь» – похоже, это становится реальностью. Гордые своим изоб-

ретением издатели уверяют, что преследуют, прежде всего, просветительские цели: коли темп современной жизни не позволяет человеку читать все подряд, то ему следует помочь сделать выбор.

Немецкие школьники и студенты явно предпочтут толстенным томам пересказ на скорую руку. Времени на это уйдет мало, а при случае можно блеснуть поверхностными знаниями.

А что, здорово же: Библия на восьми страницах, шесть – на Ветхий Завет, две – на Евангелие и апостолов. «Граф Монте-Кристо» со всеми хитросплетениями сюжета – восемь страниц. Фривольные истории «Декамерона», рассуждения «Капитала» – те же пресловутые восемь страниц.

Каким образом удается издательству вместить содержание романов и повестей всего на восьми страничках? Да очень просто. Фабула, идея произведения, немного о стиле – и вся недолга. Ну например. Жила-была благополучная тетенька, муж порядочный, сыночек любимый. А тетенька возьми и влюбись в дяденьку. Да так, что решила переехать к нему. И жить бы им вместе долго и счастливо, но тетенька скучала по сыну, ревновала любовника и психовала, что общество ее осуждает. И выход у несчастной остался только один – броситься под поезд. Все – занавес. Узнали? Бедная Анна Каренина, бедный Лев Николаевич... Хотелось бы торжественно сказать, что издательство на грани банкротства, ибо такая продукция никому не требуется. И все предпочитают проглатывать оригиналы от корки до корки, но – увы. Книги – или то, что осталось от них, – расходятся, расходятся, расходятся. Так что немцы читают. Хотя бы фабулы, по крайней мере. Взгрустнулось по этому поводу, но потом наткнулась я на статью в одном толстом немецком журнале. И на душе полегчало. Вы не поверите, но в немецких книжных магазинах в последнее время переводов с русского стало значительно больше, чем пару лет назад, например. От детективов Акунина и сказок Афанасьева до сборника с игривым названием «Русские женщины – взгляд снаружи и изнутри» и портретов лидеров российской оппозиции, нарисованных известным журналистом Валерием Панюшкиным. В издательских программах – Сорокин, Ерофеев,

Путин, Медведев. Одно из крупнейших немецких издательств Carl Hanser Verlag выпустило новый перевод «Анны Карениной». Рецензенты в восторге: хотя существует несколько переводов романа Льва Толстого на немецкий, таким «читаемым», доступным, современным он никогда не был. Франкфуртское издательство Stroemfeld одновременно с пушкинским шедевром «Евгений Онегин» выпустило знаменитые комментарии к нему Владимира Набокова.

В прошлом году к 200-летнему юбилею со дня рождения Николая Васильевича Гоголя Дюссельдорфское издательство Artemis und Winkler выпустило в свет новый перевод «Мертвых душ». Автором немецкого текста является Вера Бишицки.

Работа ее – семнадцатая по счету. То есть до Веры Бишицки Гоголь переводился шестнадцать раз. Уж не знаю, как там все остальные труды переводчиков, но госпожа Бишицки явно отнеслась к делу с любовью и профессионализмом. Маленький пример: помните, отправляясь в дорогу, Коробочка берет с собой пирог-рассольник. Переводчики Гоголя изощрялись на все лады: слоеный пирог, пирог с начинкой из солонины, пирог с малосольными огурцами. Бишицки наконец-то объяснила немцам, что пирог-рассольник – это пирог с курицей и гречневой кашей, в начинку которого подливается рассол. Что касается сложных подтекстов гоголевских слов, то переводчик объясняет их в подстрочных комментариях. Это куда деликатнее по отношению к автору, чем замена его неологизмов на различные диалекты немецкого языка.

И еще одна радостная новость: «Три сестры», «Вишневый сад», «Чайка», «Дядя Ваня» – спектакли, поставленные по пьесам Антона Павловича Чехова, не сходят со сцен немецких театров.

Как известно, на Западе Чехова всегда называли «русским Мопассаном» – то есть импрессионистом в литературе. В России – впрочем, зачастую и в Германии – его относили к критическому реализму. Почему немцы так любят Чехова? Скорее всего, причина одна. Мастер слова и знаток души человеческой поднимал вопросы, которые сегодня занимают немцев больше, чем все остальное – после финансового кризиса,

разумеется: закомплексованность людей в общении. И еще. Полное собрание сочинений Чехова будет переведено на немецкий язык. Переводом занимается известный немецкий писатель Петер Урбан. Он много лет преподавал славянскую литературу, работал редактором на радио, а также возглавлял издательство во Франкфурте-на-Майне. С 1989 года занимается писательской и переводческой деятельностью. Его перевод точен, краток и искусен – так утверждают критики. Кстати, Урбан уже переводил многих русских писателей. Среди них Пушкин, Гоголь, Тургенев, Бунин, Бабель, Хармс, Ерофеев. Автор работает со старым словарем Даля, не пользуется компьютером, по старинке набирая текст на печатной машинке.

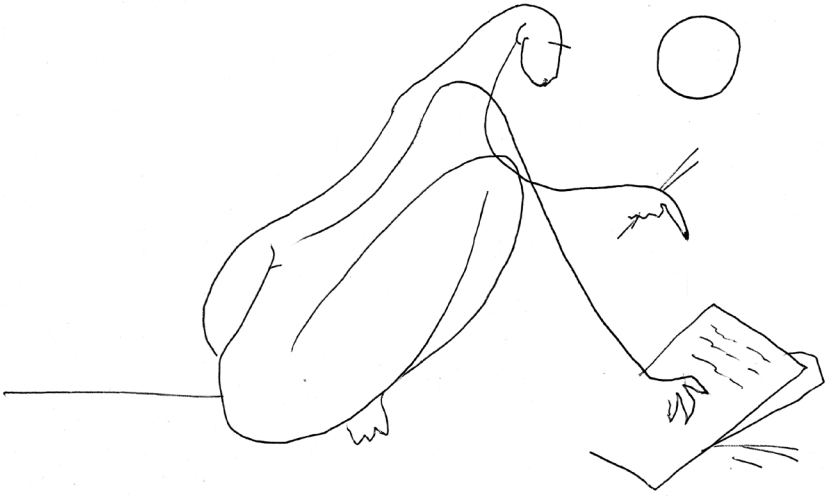
Живой классик Владимир Войнович, живущий в Германии, с которым автор этих строк встретилась лет восемь назад на открытии художественной выставки – картины принадлежали кисти господина Войновича, – вновь вернулся от мольберта к перу. Создатель бессмертного образа солдата Ивана Чонкина, автор других романов, повестей, пьес, Владимир Войнович выпустил книгу воспоминаний. «Автопортрет» – это увлекательная беллетризованная автобиография, написанная в типичном для Войновича стиле, ее язык ироничен, лаконичен, парадоксален. И да простит меня классик за это замечание – более живописен, чем его художественные полотна.

Но самой неожиданной книгой, написанной по-русски и появившейся сейчас на полках немецких книжных магазинов, можно назвать небольшой роман Леонида Добычина «Город Эн». Даже в России этот талантливый и оригинальный писатель, литературное наследие которого очень невелико, не слишком известен. Добычин идет нарасхват. Интересный факт – книга раскупается в основном юношеством и молодежью. Регулярно наведываюсь в местный книжный магазин и нового поступления тиража со склада жду уже две недели.

Так что читают немцы, читают. Русскую классику.

Что касается юношества из бывших стран СНГ – сужу по многочисленным друзьям сына и племянника, – то оно, как и коренное немецкое юношество, предпочитает телевизор и компьютер. Книгу в руки взять – подобно наказанию. Кста-

ти, о наказаниях. В одном из немецких городов отбывающие срок заключения преступники в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, коим по состоянию здоровья противопоказана тяжелая физическая работа, должны отрабатывать чтением. Штрафникам предлагается на выбор тринадцать книг. Ну что ж, может, есть в этом рациональное зерно. Как тут не вспомнить слова Дарвина: «Если бы я мог начать свою жизнь сначала, я взял бы себе за правило, по крайней мере, один раз в неделю читать какое-нибудь произведение или слушать хорошую музыку. Потому что, может быть, тогда бы мне удалось сохранить, благодаря постоянной деятельности, атрофированные сейчас части мозга. Утрата восприимчивости к таким вещам – утрата счастья».



Василий БЕТАКИ
Париж

С НЕВОДОМ ПО БЕРЕГУ ЛЕТЫ

Горят рукописи...

Горят рукописи. Горят всё-таки. Ну а книги тем более...

Это не критические статьи – слишком они коротки да и поверхностны для этого.

И не рецензии – ну кто же рецензирует *не вышедшие* (а даже и вышедшие!) книжки через тридцать-сорок лет после их *невыхода* (или выхода, изредка)?

Это – попытка исполнить свой долг перед *исчезнувшими поэтами.* Одних уже в живых нет, другие буквально исчезли заживо. Не пишут больше. Ну если бы это была юношеская, точнее, детская болезнь графомании. Так ведь нет: несколько зрелых поэтов растворились в... не знаю какой жизни. Иные задохнулись в советском тумане, иные перестали писать по личным причинам, о коих и гадать не приходится. А про иных и вовсе не знаю, где они и живы ли?

Но хочу напомнить: вот они! Все они *были*...

Многих сегодня в «суете сует» позабыли прочно. Вот и выплеснули вместе с водицей *«советской поэзии»* несколько очень даже хороших поэтов. Многие ли помнят **Александра Морева** или **Александра Рытова**? Их забыли, наверное, потому что они мало печатались и рано умерли.

А почему, интересно, забыли **Раису Вдовину**? Она выпустила четыре, кажется, книжки, одна из них даже толстая. А потом... А **Геннадия Алексеева** с его умными и печальными верлибрами?

А **Зою Афанасьеву**, которая только в «Континенте» дважды напечаталась, да однажды – в «Стрельце». Всё – только за рубежом...

Горят всё же рукописи, горят синим пламенем...

В конце шестидесятых и в самом начале семидесятых мелькнул в моём семинаре **Юрий Алексеев**. Он писал очень инте-

ресно, слегка «обериутничал», и хоть обериутство мне не близко, но были у Алексеева строки, которые запали и мне в память на многие десятилетия:

...Скорпионы, как пионы,
Расцветают на песке,
И английские шпионы
Кувыркаются в тоске,
В славном граде Самарканде
У прохожих на виду
Падишах сидит в саду,
Дева зреет на веранде.

На первый взгляд, вроде бы ахинея, хоть и смешная. А вот как привяжется, так и ясно: что-то весьма незаурядное тут проделано с языком! Жалко, что он перестал писать! «О датах, о халдеях, что календарь худеет...» Ну и вообще. Обо всём.

Понятно, что многие хорошо начинавшие поэты, поначалу казавшиеся яркими, со временем «осыпались». Но ведь провалился в Лету кто-то и в самом деле очень настоящий... Да и не всегда из молодых.

1. Язычник. Александр РЫТОВ

Он был настоящим язычником. Отчасти в античном смысле, отчасти в древнерусском.

И пантеизм Рытова, не прошедший через смиряющее, детское христианство Б. Пастернака (тоже ведь пантеиста!) и, не коснувшись его даже случайно, предельно буйный. И вообще – предельный:

Здесь Бога нет, здесь каждый камень – бог!

Поэтам, как правило, не свойственна экстравертность в жизни... Интровертность же личности поэта отмечена ещё Тютчевым:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Эти строки, возможно, исходят из новозаветной максимы: «Закрой же дверь свою, молясь»...

Но если всё, что ты пишешь, если ты в стихе, как и в быту, – нараспашку, то необходимо быть абсолютно убедительным и последовательным в своей поэтической и человеческой позиции. И тут уже ты никак не позволишь читателю заподозрить, что за стихами прячется что-либо противоречащее или даже просто не соответствующее высказанному в строках. Я об этом говорю потому, что, несмотря на зыбкую и не всякому доступную образность, рытовское «На том стою и не могу иначе» проявляется в любом его стихотворении. Это и называется полной искренностью поэта.

Когда-то в одном из «Дней поэзии» была напечатана поэма Рытова «14 декабря 1825 года». Главное в ней отнюдь не исторический костюм, а одна из корневых бытийных проблем, решаемых противоположно христианством и язычеством: допустимо ли зло против зла? Решение христианское в русской литературе давалось постоянно и неизменно, с допетровских времён, да и ранее того...[1] А решение языческое (как бы спор Рытова ну хоть с Карамазовым) вот:

Что ж ты не стреляешь, Якубович,
В рыжеватость будущих залысин?
Капля стоит моря тёплой крови,
Пусть услышат самый добрый выстрел.

«Да разве может быть выстрел добрым?» – тут же спрашивает у Рытова... ну хоть Достоевский что ли. «Стоит ли эта капля того моря, которое мог бы пролить (да частично и пролил ведь!) Николай Первый?» – спрашивают русские философы начала XX века. А из них выслушает рытовские

[1] См. хотя бы одно из первых известных нам произведений русской литературы «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (конец X века).

аргументы? Разве что Бердяев – да и то согласится ли с ними? Только Левицкий примет их всерьёз, пожалуй. Но оставим логическую убедительность философов. Не так-то просто им спорить с поэтической, лирической, то есть высшей убедительностью:

Якубович, пляшут барабаны,
Наших братьев к исповеди будят,
Так убей! От этой чёрной раны
Ни черта России не убудет,

Были бы железные дороги,
Корпус инженеров, лучший в мире,
Только б никого не запороли,
Только бы никто не сгнил в Сибири.
Были бы уральские заводы,
Только бы до них – не на телеге,
Только бы отеческой заботой
Не извёл нас грамотный фельдъегерь...

Этого «фельдъегеря» мы узнаём, ведь семьдесят лет видели ежедневно, да и не всегда уж такого грамотного... Хотя Николай ни в какое сравнение не идёт даже с самым безобидным из генсеков... Проблема не перестаёт быть нашей – не только российской, а общечеловеческой, со времён мартовских ид – и... далее везде (и всегда). Вот опять исторически достоверный портрет Николая, за которым у Рытова нет – нет да и промаячит тень генералиссимуса:

Он всю жизнь проскачет без шинели,
А умрёт он под шинелью, скромно,
На солдатской узенькой постели,
Доведя Россию до разгрома.

Да, диктатор-фанатик страшнее диктатора-циника. Идеология всегда страшнее безыдейной власти:

Император, ты возьмёшь нас порознь,
В торжестве твоём не будет праздных,
Потому что ты научишь ползать,
Потому что ты отнимешь разум.

Любая влюблённость в любую власть порождает такое и приводит к одному и тому же... А идеология найдётся, утверждает поэт.

И вот другая, самая непосредственная, сторона рытовского пантеизма – диалог поэта с природой. Как и у Пастернака, разговор идёт на равных, даже более того, у Рытова то, что мы можем принять за метафору, есть реальная убеждённость: его виденье мира – неоспоримо. Оно живое и ненадуманное, как та водяница, выходящая «из книжки в камышовом переплёте», как говорится в его «Венке сонетов».

В час «между собакой и волком» аккорды рояля падают на асфальт, как отблески озарённых изнутри оконных переплётов:

Когда душе открыты души трав
Мятущиеся, и трава на ощупь
Мокра, и душный вереск душит страх,
Когда восток приливом подступает
И в хор вступают синие басы,
Замри в траве и слушай, не стирая
Один для всех холодный пот росы...

Поэты, в некотором смысле, для меня делятся на тех, у кого главное музыка, и тех, у кого живопись. При всей мелодичности стиха буйство красок у Рытова важней – оно сродни древнему цветовому бешенству русских одежд средневековья (по крайней мере если по былинам судить). А одухотворенье плотского мира в его стихах – сродни фламандским живописцам семнадцатого столетия:

Их женщины с ухватками молочниц,
Охапки свежести, корзины пряных дынь,

Их яркая, весёлая порочность
Доступна только очень молодым.

Всяческому идейному аскетизму противопоставляется это «орущее, целующее море». И поэт, метя в средневековый мрачный (официально, по крайней мере, мрачный церковный аскетизм), попадает прямёхонько в ханжескую реальность всяческих «моральных кодексов» и прочих запретов псевдомарксовой недорелигии. Стихийный мир не оставляет места для продиктованного сверху «порядка».

Рытов – анархический бунтарь, мощный и весёлый. Его поэтический напор – это не уход, а прорыв с боем в эмоции, ну хоть фламандских художников или в нашу древность, которую Рытов видит по-своему, пусть тут и не остаётся даже следа от солидного и потому скучноватого историзма:

Когда закат бьёт красную тревогу
И кони ржут в предчувствии волков,
Когда поют цветы чертополоха
На языке замученных волхвов,
Войди в их мир...

И вот строки из поздних стихов Рытова (умер он в Питере, не дожив до своего сорокалетия, летом 1974 года):

Под небом дремлющим чувств диких бездорожье,
Рога взрывают тишину лесов:
Ату! Живи! Да здравствует здоровье!
Дрожит листва от лая гончих псов.

Когда Рытов читал, он произносил строки, как заклинания. Казался в этот миг волхвом древности:

На лицах валунов, лобастых, бородатых,
Ухмылка времени, дождей и солнца сток,
Звенит молчание. Вдруг кто-то воровато
Шепнул: «Здесь Бога нет, здесь каждый камень – бог».

И в последних его стихах, опубликованных уже посмертно, опять природа с историей слиты, причём не тематически, а эмоционально, порождая «воспоминания о не бывшем». И поэтому не случайна лермонтовская ритмика, гонящая наше ассоциативное восприятие сквозь строки «Ангела» или «Русалки»:

Я тебя уведу в удивительный сад,
Где высокие звёзды висят...
Словно чёрные вишни блестят с вышины
На тяжёлых ветвях тишины...
.....
Я тебя приведу в наш потерянный дом,
Разве ты не тоскуешь о нём?
Разве может быть облаком лёгкий балкон,
Вознесённый четою колонн?

Что же этим «воспоминаниям о не бывшем» дарит такую мелодию? Музыка строк, звучащая как волны светящегося воздуха, возможна, в частности, в том случае, когда прошлое и будущее меняются местами. Поэтому свет и цвет ощущаются как обратные, и пронзительная грусть по не бывшему занимает место утраченного.

Настолько сильна вера поэта в то, что любой образ, даже и олицетворение, – старейший литературный приём, – у него является не приёмом, а «так и есть», «на самом деле».

2. Суфий. Леонид СОЛОВЬЁВ

Лет через пять после смерти Леонида Соловьёва, создателя эпопеи о Ходже Насреддине, книги в своё время не менее популярной, чем повествования об Остапе Бендере или даже «Мастер и Маргарита», вдруг в «Дне поэзии» за шестьдесят какой-то год появилась небольшая подборка стихов Л. Соловьёва.

При жизни он не опубликовал ни одной строчки своих стихов. Наверное, и не пытался – знал, что не пройдут. Или что пройдут в искажённом тогдашними «*вред*акторами» виде. Ведь

вторая часть его эпопеи о Насреддине «Очарованный принц» публиковалась с огромными сокращениями. Если первая книга «Возмутитель спокойствия», несмотря на её весёлый раблезианский хохот, на едкую сатиру и довольно прозрачный эзопов язык, по колоссальному (и тогда смертельно опасному) недосмотру, вышла в дни войны, да к тому же в «Роман-газете», миллионным тиражом, то вторая часть, где сатира далеко не так остра, в первом (посмертном) издании была изрезана наполовину... И критикой почти не замечена. Точнее, это был заговор молчания, поскольку проскользнула только одна неведомо чья статейка-донос о том, что «мистика какая-то у Соловьёва на первом плане».

И вот эта «мистика», а вернее поэзия суфийского толка, и составляет суть стихов старого писателя. Не случайно же детство и юность его прошли в Ливане...

Стихи эти, кажется, писал всё тот же Ходжа Насреддин, но не хулиганящий, не издевающийся, а тот, который действует в «Очарованном принце». Грустный и мудрый. Да, не бесшабашно весёлый, не по-хайамовски озорной герой первой книги, а умудрённый странник, знающий, что единственная ценность в жизни – дорога. Во всех смыслах. И как странствия по свету, и как жизнь. И как путь к высшему, как тропа к небу сквозь звёздную ночь. И как дорога, на которой проводит жизнь нищий дервиш, не обрастающий поэтому имуществом и не тонущий в суете. И наконец, как та простая *«белая каменистая дорога»*, которая *«звенела и дымилась под бойкими копытами его ишака...*), как нарисовано в самом начале романа «Возмутитель спокойствия».

Соловьёв видит выход из мира зла, как его видел некогда Омар Хайам, в слиянии с мирозданием, избавляющим дух от горьких блужданий по мелким тропам. Вот отсюда и пришло такое стихотворение:

Взалкав возвышенного хлеба,
Возжаждав мудрого вина,
Смотри, смотри в ночное небо,
Читай созвездий письмена,

Пока твой дух, доселе пленный,
В темнице тела без огней,
Не отразит в себе вселенной
И сам не отразится в ней.

Суфийская символика (вино – мудрость, звёзды – манускрипт) так органична у Соловьёва, что трудно представить, как поэт, сам не будучи современником и единомышленником Хайама, постиг поэтически активно эту философию. (Кстати, не только советскими «*вред*акторами», но и большинством сегодняшних «крайних» течений ислама суфизм рассматривается как ересь).

Стихи эти, написанные в последние годы жизни, – о том, что «дух дышит, где хочет» (кстати, выражение даже не мусульманское, а из Евангелия), были, естественно, не поняты ни составителями, ни редакторами «Дня поэзии». К счастью.

Итак, бесконечная дорога. Вот перевал в горах. На страшной высоте – мостик. В символике средневековых поэтов Востока это тот мост, который, как сказано в Коране, «тоньше верблюжьего волоса» и у которого перила появляются лишь для избранных. Называется он Эль Сират. Поэт, не назвав его, рисует на первом (внешнем) плане стиха вполне реалистическую картину горных высот:

Здесь долинная птица кончает полёт,
Здесь крыло леденит ей морозным туманом.
Полусгнивших ветвей и ремней переплёт –
По нему только в рай проходить мусульманам...

Путь к вершине – аллегория жизни человека. И назван он только в самом конце стихотворения:

Всё труднее и круче змеистый подъём,
Как дорога на небо...

Не зная суфийской символики, строки эти воспринимаешь очень просто в первом их, пейзажном смысле. Углубление об-

разов – расшифровка суфийской символики – приходит только к читателю с необходимым, минимальным «тезаурусом».

Наиболее интересна поэма Л. Соловьёва «Гафиз», написанная отчасти по мотивам стихов средневекового классика. Великий персидский поэт говорит в поэме, представляющей его монолог, обращённый к нам:

Может, умер я где-то в море,
Может, где-то на берегу,
Всем учёным мужам на горе,
Я и сам сказать не могу.
Да и нужно ли знать им это?
Мой скелет, если даже цел,
Разве он драгоценней свету
Несравненных моих газелл?

Потому и неважна подробная биография поэта, важнее фактов – легенды, которыми она обросла. Это – как писал другой великий поэт персидского средневековья Рудаки: «Нет, не тело, не имя, а только творенье / от тебя остаётся на этой земле»[1].

Разве слов моих изумруды,
Сплав раздумий, мук и страстей
Мир согласен сменить на груду
Ноздреватых чёрных костей?

Так говорит Соловьёв, да и его «второе я», Гафиз, неприкаянный бродяга, словно перекликаясь с другим мудрецом, другой эпохи, не с нищим, как он сам, а великим царём Соломоном, всё имевшим в жизни и всё же пришедшим к выводу, что «всё есть суета сует и всяческая суета». Ведь именно Соломон в полуапокрифической (по крайней мере, не включённой в «церковный канон») «Книге Премудрости» писал: «Слово – искра в движении нашего сердца. Если она угаснет, тело обратится в прах и дух рассеется, как жидкий воздух».

[1] Перевод мой – ***В.Б.***

Перекличка эта примерно через тысячелетие, кстати, вполне закономерна для суфия, принявшего её, изначально библейскую, как свою, ибо он в этом исходит, видимо, от одной важнейшей суфийской максимы: «Все религии – суть лучи одного солнца, имя коему Аль Хаки (истинный)».

И жизнь бродяги Хафиза, проведшего дни свои на базарах и в долговых тюрьмах, была такова, что от неё остался:

Длинный список малых грехов,
Да кабатчику долг старинный,
Да ***цветник*** *нетленных стихов.*

Цветник – образ, который легко принять за восточную метафору, даже за штамп, а на самом деле это – термин! Слово Гюлистан (*персидск.*) – цветник, точнее, розарий, вообще **традиционное название** сборника газелл, **то есть жанра**, а порой и стихов других жанров.

Расплачиваться с кабатчиком стихами! Тот, понятно, их выкинул в мусор. Но Гафиз счастлив:

Потому что соблазном каждым
Повергаемый в пыль и грязь,
Я, Гафиз, знал иную жажду,
Об иных усладах молясь:
И когда молодой, двурогий
Месяц трогал мою чалму,
Я, Гафиз, слышал голос Бога,
Я, Гафиз, говорил ему…

О мире, о его дорогах, о скорби за мир, отражённой *«в верблюжьих глазах печальных…»* Да, повергнутому в ничтожество мелочами базарного быта принадлежит вечность. (Сравните – «Блаженны чистые сердцем …» и т.д. из «Заповедей Блаженства».

«Иная жажда» Гафиза переходит из века в век. Когда-нибудь поэт будущих столетий услышит то невысказанное, что приходит неведомо откуда:

От восторга в тот миг сгорая,
Знай, ты слов ловец золотых,
Сам Гафиз из господня рая
Подсказал тебе этот стих...

Так пишет Соловьёв о преемственности, которая всегда должна быть «в равновесии с новым словом».

Символическое изображение уже упомянутого тут ранее пути ввысь, но пути, увиденного как бы опять с иной стороны, возникает в стихотворении «Канибадам», единственном, если не считать песенок из «Насреддина», опубликованном в трехтомнике Л. Соловьёва (т. 1), вышедшем в конце 60-х годов:

Моя тропинка заблудилась где-то
В полях, в садах безлюдных и нагих,
Ронявших слёзы с тонких чёрных веток –
О чём? О ком? Я не спросил у них.

А в самом конце этого, почти полностью пейзажного, меланхолического стихотворения образ подхватывается и раскрывается. Но это уже не только ветви деревьев сочувствуют миру:

Молчали горы и сады молчали,
И лишь вдали, в туман сырых низин,
В самозабвенной сладостной печали
Молился, плача, старый муэдзин.

Вот тут и открывается оборотная сторона весёлого хулигана Ходжи Насреддина, та самая, что звучит приглушённо во втором томе эпопеи: в прозе Леонид Соловьёв озорно и гневно издевается над миром, а в стихах – молится о нём.

3. «Я не струсил, Д'Артаньян!..» Лев ДРУСКИН

В злом беспоэтном 48 году питерские студентки переписывали в тетрадки лирику никому не ведомого поэта Льва Друскина: *«В лицо мне смеётся, смеётся последним/ Далёкий, чужой человек…»*, ну и другое тоже…

Только в самом конце пятидесятых начали издаваться его книги.

Человек, с детства живший в кресле на колёсиках, писал так, что никому и в голову не могло прийти, что он инвалид…

Реальная связь времён оставляет человеку один путь: быть самим собой. Поэтому в мрачных сороковых-пятидесятых годах Дом Поэта (нарочно с больших букв, по-волошински, пишу о Питерских квартирах Друскиных) стал гнездом, откуда позднее вылетели многие поэты, кто громче, кто тише заявившие о своём существовании в начале шестидесятых. Это было одно из тех редких тогда мест, где говорили о стихах «по гамбургскому счёту». «И ни один, представьте, не побежал доносить!» – можно сказать, слегка перефразируя М. Булгакова.

Лирику, как известно, в конце сороковых позволено было публиковать только ручному душе-Щипачёву… Многие тогдашние стихи Друскина так и не были опубликованы. А позднее ему уже не хотелось их печатать.

Времена же со скрипом, незаметно, а всё-таки менялись. Стали выходить книги Друскина. Хотя и покромсанные редакторами (как известно, «редактор» в те годы – чаще всего псевдоним цензора).

И звучало в тогдашних стихах (не выловленное, к счастью, советскими *вред*акторами), такое для них крамольное и до жути откровенное бессилие человека перед временем:

Нет, никогда календарю
Я не скажу «благодарю»:
Часы запру, будильник спрячу,
Куплю билет втридорога,

Уеду к чёрту на рога,
И брошусь в травы, и заплачу...

Это было написано в те годы, когда ещё не умолкли дурацкие лозунги-рифмы о том, что «Мы покоряем пространство и время». **Тогдашняя** «тихая лирика» (сегодня почти уже не интересная в силу своей полемической однoплановости) всё же как-то ломала эти ходули. И гордой безнадёжностью, тоже недопустимой в те времена, веет от развиваемого поэтом «фаустовского мотива»:

Я знаю, что на что меняю:
Отдай мне молодость мою!

Но главным произведением Льва Друскина мне видится поэма (или, точнее, тесный цикл стихов) «Заплачу о неверии своём», написанная незадолго до эмиграции, в 1979 году. Религиозное чувство всегда бывает глубже в исканиях, чем в догматическом утверждении всем известного... Вот и Бог в поэме, то грозный и непостижимый, как тот, что являлся Моисею в огненном кусте, а то вдруг – измученный человек, ну как в Гефсиманском саду, что ли...

Рояль дышал и вздрагивал под пылью,
И в этот час один лишь я и знал,
Как плакал Бог от страха и бессилья,
И голову на клавиши ронял...

Если само творчество есть личность, то две черты этой личности господствуют в поэзии Друскина: гордость и верность. От стихов конца сороковых годов и до поэмы «Заплачу о неверии своём» проходит мотив гордости, только в этой последней поэме впервые и названный:

...Он Бог, он – судия.
Я копошусь внизу,
Но даже к Богу я
Как червь не поползу!

После книги воспоминаний, которая хоть и существовала только в рукописи, в трех экземплярах в шкафу у поэта, но беспокоила литературных чиновников и сановных графоманов куда больше, чем писания монаха Пимена тревожили юную годуновскую бюрократию, Льву Друскину пришлось эмигрировать, а этого ему очень не хотелось...

В старинном университетском Тюбингене, где поселился поэт, в начале восьмидесятых годов вышла его книга «Избранное», включившая в себя стихи лет за сорок...

Но эта книга, в отличие от семи изданных ранее в СССР, впервые показала поэта таким, каким он сам хотел увидеть себя. Включённая в неё полностью восьмая книжка стихов Друскина, «Рассыпанная книга», дает нам понять, каким спокойным мужеством надо было обладать, чтобы в своё время невозмутимо отдать *такие стихи* в издательство «Советский писатель», в вотчину официального литстукача Лесючевского!

Не верить очевидному, мерить жизнь только внутренним миром поэта, в котором чувство корней сливается с нынешним, – вот что наполняет теперь стихи Друскина.

И я несу свой крест по Иудее,
И ни о чём на свете не жалею,
И пот слепит, и жажда горло ест...
И жгут мне спину оводы и плети,
Но мученики двух тысячелетий
Плечами подпирают этот крест...

В 1980 году я, как много лет подряд, преподавал на летнем курсе Русского Свободного Университета (в то лето располагался он в Аахене, когдатошней столице Карла Великого). И вот один из наших профессоров Герман Андреев сообщил мне, что в Тюбинген только что приехал питерский поэт Лев Друскин. И дал мне его номер телефона. Я тут же позвонил старому приятелю, которого уже и не думал когда-либо увидеть, и, вскочив в машину, поехал в Тюбинген. Это от Аахена километров в четырехстах. Было воскресное утро, и я рассчи-

тывал вернуться к вечеру, поскольку занятия начинались, как всегда, в понедельник с утра.

...На немецкой, бесконечно прямой и однообразной, автостраде мне всё время вспоминались Лёвины стихи...

Выступают сверчки,
С них сбивают очки,
Им ломают пюпитры и скрипки.
Но они поправляют свои пиджачки
И опять надевают улыбки...

Вот это – «Делай своё дело, а там будь что будет» – мне всегда напоминало незаметный и неодолимый стоицизм А. Кушнера. Да и за Лёвиными сверчками-музыкантами мерещился туманный портрет Кушнера... Стихи о верности искусству...

(Свою статью о поэзии Друскина, опубликованную в «Русской мысли» ещё года за два до его приезда, я так и назвал «Верность». А другую – в «Континенте» – его же строкой: «Я не струсил, д'Артаньян»...)

Мне быстро удалось найти улицу и дом (около самого леса, точно как у меня в Медоне) на краю Тюбингена, этого старинного университетского города, где я никогда до того не бывал. Первым, кто меня встретил, был, конечно, Гек – колоссальный белый пудель, точная копия Артемона из сказки «Золотой ключик». Старый пёс узнал меня через семь лет, прыгнул, лизнул в нос, а после этого важно, выступая впереди меня, как дворецкий, вошёл в большую комнату и снова залез под стол...

С тех пор я не раз ездил к Лёве то домой, то в больницы, где он, бывало, лежал по нескольку недель.

Вышли его стихи на русском и на немецком, потом и «Спасённая книга» – воспоминания, те самые, из-за которых ему пришлось уехать из СССР.

Но однажды он из очередной больницы так и не вернулся... А было ему только-только семьдесят...

4. «Всё в мире возвращается к восторгу...» Александр МОРЕВ

Известно, что «Войну и мир» не мог написать участник событий. Должно было полвека пройти. Говорят, это закон прозы. Но, видимо, случается такое и в поэзии. Когда уже лет двадцать прошло с начала Второй мировой, только тогда стали появляться не однодневки, а значительные стихи Окуджавы, Левитанского, Межирова и ещё немногих поэтов из того же поколенья...

Ведь по горячим-то следам только почти одного Симонова и видно. («Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины»)... Ну было ещё единственное стихотворение, которое этот Алёша за всю свою лакейскую жизнь написал: «Землянка». Да ещё был прекрасный лубок А. Твардовского о Тёркине. И всё, кажется.

Несколько человек из поколения воевавших и в наши дни ещё дописывает что-то, поскольку кроме войны большинству из этих поэтов писать-то просто было не о чем.

А вот в шестидесятых появляются «военные» стихи В. Высоцкого, всем известные, и стихи А. Морева, при жизни опубликовавшего всего восемь стихотворений в ленинградских «Днях поэзии». Так и не вышла у него книга стихов. Писал Морев мало. Он считал себя сначала художником и уж потом поэтом. А вот теперь, по прошествии времени, оказывается точно наоборот. Особенно ясно стало это после того, как несколько друзей А. Морева издали в 1990 году книгу его стихов «Листы с пепелища», где собрано всё, что удалось сохранить на бумаге, а порой только в памяти, его друзьям.

Разговорная манера поэтической речи Морева напоминает французских лириков начала XX века. А его психологическая лирика отдалённо перекликается с Диланом Томасом. Но в данном случае в краткой статье я выделю один аспект его творчества – стихи на тему войны...

Морев пишет о войне без официальных и обязательных в СССР восторгов. Ходульная героика в рамках классицизма или даже бытовщинка с оттенком обязательного прославления всегда плоховато вяжется с лиризмом. Морев в шестидесятых годах словно не слышал, «как положено о войне писать».

Он, заставший войну восьмилетним ребёнком, психологически воплощается в солдата. Без вранья и без никчёмной сентиментальности. Среди гладеньких военных ямбиков всех решетовых или орловых его поэзия – «идол металлический/ среди фарфоровых игрушек», как сформулировал когда-то Н. Гумилёв. Вот начало поэмы Морева «Месса»:

Когда венок колючей проволоки опутывал
Морщины траншей на лбу земли,
Всё было как в среду, как вчера, как утром.
Струсил сержант, и мы за ним залегли.
Он был бледен, как свадьба без гостей.
Как тысяча чертей, я был отважен, вшив и нищ,
Но мы увидали в чёрном небе прожектора костей
И белый череп луны над трубами пепелищ.

Образность тут всё время неожиданна: чередуются несовместимые приёмы. Крайне абстрактное нечто и вроде никак не подходящее к описываемому событию (свадьба без гостей) – и рядом конкретнейший череп и кости в небе. Кажущийся хаос в системе ассоциаций вгоняет читателя в ту растерянность, которую и назвать нельзя, но неназванной она существует ещё живее и действеннее: она передаётся, эта растерянность, она создаёт невнятное, но мучительное сопереживание с человеком (а не с героем) перед грохочущим миром:

И такая тишина после выстрелов наступала,
Такая неземная благодать,
Что казалось, сама Богоматерь амуницию снять помогала
И постилала отпетым облако-кровать...

Где уж там советскому ницшеанству с его «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»! Тут важнее минутный провал в сон, когда каждому снится в пылающем мире вовсе не подходящая к случаю, но своя собственная чепуха, никак не рекомендованная политуправлением! Солдат становится в поэме человеком. Как у Киплинга, Хемингуэя, Окуджавы...

Каждому снилось своё: конюху – кони,
пекарю – тёплое печенье,
А другу моему – распущенные волосы... И недругу тоже.
Мой чуткий сон был пуст иллюзиями.
И поэтому мне снился снег.

И тут крупным планом – словно каждая снежинка несёт ощущение вечного холода и... покоя. Что же приходит на смену взбесившемуся хаосу?

Стояла в снегу Рязань.
И лежал в снегу Архимед с автоматом
курносый и с коллизиями.
А ещё старый Бах в парике,
Что органно, серебряно трубен
И напудрен был, тучен и трупен,
Рядом с трупом лошади,
с пулей в заснеженном чёрном виске.

Это не хаос ассоциаций – это война вообще. Степень обобщения достигнута здесь перемешиванием реальных, но произвольно перетасованных вещей, городов, портретов... Рассыпанная мозаика, как у Сальвадора Дали: когда каждая деталь натуралистична, но само сочетание этих деталей – противоестественно, нервно, поскольку сочетание несочетаемого даёт мощный толчок воображению читателя, становящегося зрителем по воле автора-живописца. И в конце поэмы, нагромоздив хаос, не меньший, чем несёт война, поэт вдруг резко переходит к речи «точной и нагой»:

Я хочу, чтоб разделся бог,
Чтобы снова бог был наг,
И чтоб тот, кто должен долг,
Перед нами не был нагл.

Вот так мозаика рассыпанных образов и её хаотические ритмы – у каждой фразы свои – уступают ритмам барабана

и голосу трубы. (Может, той, что разбудит мёртвых перед Страшным судом?). Но нет, труба говорит о живых, обманутых, требующих своего в жизни:

Дайте тонким пальцам рояль,
Сильным пальцам дайте плуг,
Пусть над пяльцами будет печаль,
Пусть в лесу – в грозу – испуг!

Из смены ритмов, из неожиданного выстраивания до того рассыпанных образов, возникает искрой:

Правда – это не жертва,
Правда – это жатва!

Это – как Феникс. Это – как «Путём зерна»... Это, может быть, одно из самых пронзительных стихотворений о войне в русской поэзии XX века.

До сих пор не понимаю, каким чудом эта поэма проскочила в «День поэзии» 67 года. Впрочем, уверен, что годом позже, после советских танков в Праге, её уже никто не решился бы напечатать. А тут, видимо, заслуга известного специалиста по А. Блоку В.Н. Орлова (тоже каким-то чудом вошедшего в том году в редколлегию «Дня поэзии»), а может быть, ещё и заслуга составителя этого выпуска С. Ботвинника, возможно, вспомнившего, как хорошо и дерзко он сам начинал когда-то, пока его не сломали...

Стихи Морева не спутаешь ни с какими другими шестидесятническими. Он – вне потока. Хотя иногда и позволяет себе поиграть модным в то время верлибром, пришедшим в русский стих с переводами (зачастую довольно плохими)...

Верлибр в русском стихе возможен только рифмованный. Пусть ритмы разлетятся куда им вздумается, а вот рифма в русском стихе так же обязательна, как в английском обязательны и густота аллитераций и ассонансов, и малозаметные, но ра-

ботающие рифмоиды[1] (именно поэтому верлибр английский, традиционно богатый рифмоидами и аллитерациями, и существует как полноправный стих, а по-русски, по-итальянски и по-немецки он «проза, да и дурная»)...

А вот Мореву почему-то сам собой прощается нерифмованный, только слегка ритмизованный верлибр, каким он изредка писал. Правда, тут есть у него и ещё одно: параллелизмы синтаксических построений, которые держат стих. Так, в стихотворении-верлибре «Встречать мудрость» звучит восьмикратное повторение фразы, на которой всё держится, фразы о встречах с... да с чем угодно. И заканчивается всё строками:

Всю жизнь встречать, встречать
И быть одиноким
И беззаботным, как Моцарт.

Лирика Морева, напряжённая и часто парадоксальная, не гармонировала с притчеобразной и мелодической поэзией шестидесятых годов, а вот сегодня, уже в ином веке, она, по-моему, приходится ко двору куда естественнее, чем в те годы, когда писалась.

5. «В жилище вечного циклона...» Раиса ВДОВИНА

До моего отъезда мы несколько лет были друзьями. Потом я ничего о Рае не слышал. Потом в Париже в 88 году купил её толстую книгу стихов «Высокая вода» (Избранное за 20 лет...). И так и не знал, где она и что делает. После этой книги больше ничего вроде бы не появилось. Только в 2005 году и стихи Вдовиной, и она сама выплыли как из небытия.

[1] См. в статье Е. Кассель о жизни и творчестве Сильвии Плат (С. Плат. Стихи. – М., 2000).

Она, как мне кажется, одна из самых петербургских. Не темами, не соблюдением каких-то никем не сформулированных традиций (или хотя бы нарушением их), а по тому духу стихов, что формулировке не поддаётся. Смутно ощутимый пунктир от самого Державина и до начала XXI века...

А в XX веке – разветвившаяся молния высветила петербургскую поэтику короткой вспышкой истинного «акмэ» русской поэзии – за все два с половиной века, что существует стих по-русски. Эта молния невообразима без гранита, без белых колонн и охристых стен Питера. После акмеистов не осталось школы-продолжения. Но нет ни одного значительного поэта, который не пробовал бы мир по-акмеистски на ощупь и на вкус. (Всякий абсурд и полуабсурд, да и всякая, вторично за Хлебниковым идущая, корявая имитация поэзии тут не в счёт: сколько бы к ней ни обращались, это всегда в лучшем случае лабораторная работа, а то и вовсе платье голого короля).

Раиса Вдовина – одна из тех, кто продолжает *«петербургскую поэтику, дотянувшуюся не только до шестидесятых годов, но и доныне. Ведь прежде всего благодаря Мандельштаму»* (В. Вейдле, 1978 г.).

Субъективные, как утверждение Мандельштама, что снег пахнет яблоком, её стихи успевают вызвать удивление, но не успевают вызвать возражений:

Кто этой ночью бедовал,
Тот стоил трав и скал,
А кто со мною враждовал –
Тот навсегда проспал...

Стихи Вдовиной, ни одним словом о Мандельштаме не напоминающие, более близки к нему, чем у поэтов, почти цитирующих его: вот у А. Вознесенского есть строка «Пахнет яблоком снежок». У Галича – «и снег опять запахнет яблоком»... (Но обе эти строки неорганичны: ведь образ чем субъективнее, тем более запретен для повторений). А у Вдовиной тут происходит то же, что в переводе: дальше от буквы – ближе к духу. Вот «Петергофские фонтаны» (для предметного разговора их тут надо привести полностью).

ПЕТЕРГОФСКИЕ ФОНТАНЫ

Ты знаешь, как фонтаны умирают
В последний час ночного мотовства?
Горят огни, и музыка играет,
И дождь идёт... И в парке пустота.

Не будет безобразного распада,
Всё медленно угаснет до конца –
И золото тяжёлого каскада,
И золото воздушного дворца.

Затихнет плеск, стечёт вода по шлюзам,
И что-то обнаружится на дне,
И сонный лев с Самсоном неуклюжим
Обнимется, сойдясь наедине.

Тритон вберёт чудовищные щёки
И захрипит остатками воды.
И в гротах обнажатся водостоки
С лоскутьями зелёной бороды.

И всё заволочёт покровом ночи,
Откроет маска ржавчину во рту,
И выберется шут, и захохочет,
На голую уставясь наготу.

Но ты не жди последнего момента,
Когда остынет смуглота богинь,
Плотней закройся от дождя и ветра,
В глубокий сумрак отступи. И сгинь.

Сама достоверность и даже единственность той «репетиции умиранья», которая так биологически точна у Мандельштама (ну хотя бы начало стихотворения «Я вернулся в мой город...»), тут ощущается помимо мысли, помимо эстетики – кожей. А каков её духовный смысл? Когда вслед за угасающим

и сам уходишь, не дожидаясь, чтобы мир исчез раньше тебя. Вот тут-то и зарыт катарсис!

Только совсем глухие люди сочли эти стихи воспеванием смерти. Наоборот! Катарсис, в прямом, аристотелевском смысле приносимый античной трагедией, звучит в глубине этих стихов. А символически и композиционно – это параллельно иконе Воскресенья, которое ведь всегда условно изображается в виде «сошествия во ад»: путь вверх идёт через самый низ, и, не пройдя ада, не достичь неба. Да ведь и Феникс не из трупа птичьего возрождается, а из пепла. То есть из полного ничто.

Всё это не придумано. У Вдовиной вообще ничего придуманного нет. Всё возникает. Процесс созидания непосредственен в самом прямом смысле этого слова:

Не доверяй глазам и языку,
Ни кротости, ни красноречью музы,
Пусть ток по пальцам перейдёт в строку
Таинственно, как наполняют шлюзы.
Река и речь – похожие слова...

Чем конкретнее увиденная, услышанная деталь, тем она символичнее. Тем более длинна цепочка непроизвольных читательских ассоциаций. Не связанные меж собой понятия – стоит их лишь в стихе произнести – становятся достоверными, словно всегда вот так и существовали. Мгновенное привыкание к непривычному:

Чем пахнет Херсонес? Морскою тиной,
Ракушками, мечтой невозвратимой,
И жизнью той, которой больше нет...
.....
Чем пахнет Херсонес? Солёным зюйдом,
Морским нагретым воздухом, мазутом...

Вроде бы мысль поворачивает к сегодняшнему – ан нет: неуловимый, как запахи, зигзаг стиха, и –

Чем пахнет Херсонес? Бездомьем? Страхом?
Судьбой людей. Их обнажённым прахом...

Ощущение истории: запах мазута от вовсе не исторических катеров сливается с прожорливостью времени, и в этом слиянии возникает процесс улавливания мира, не разбитого на времена, а существующего «одновременно» в разных, порой соседних, ячейках. Этого всего нет в строках стиха – это возникает от читательского сотворчества. От того, что помимо слов.

Чем более вещна деталь, тем меньше видна иерархия и последовательность времени. Миг и век теряют соотносимость. Вот «Петропавловская крепость», которая «подобно шкуре»:

Дубеет, лапы распластав,
И чтоб у врат её вороны
Дрались за лакомый кусок,
И тело от её короны
Канал отсёк наискосок.

Точно как на чертеже. И мрачная тревога от этого сухого рисунка становится уже не
историей, а нынешней тревогой:

И к стенке каменной припёрт,
Кричи на город с бастиона:
Зачем тебя построил Пётр
В жилище вечного циклона?

Крик этот подобен отчаянью Евгения из «Медного всадника». А следующая же строка опрокидывает крик в сегодня:

И ангел на штыке подъят...

Итак, оказавшись не то чтобы вне времён, а скорее, сразу во всех временах – ячейках, органично воспринимаешь и гранитность недвижного, и вытекающее из недвижности бун-

тарство: оно – дух города, а гранит – тело его. И естественно возникают и слова о тех, кто:

Здесь за свободу казнены,
И ты их тайный соучастник.

6. Лагерные поэты и Валентин СОКОЛОВ-ЗЭКА

Такой жанр или, скорее, вид поэзии существовал, насколько мне известно, только в СССР. И самый, безусловно, яркий из лагерных поэтов – Валентин Соколов-Зэка.

Если ориентироваться по гётевскому афоризму «Захотел понять поэта – так иди в страну поэта», то, чтобы получить представление о его творчестве, надо посетить «архипелаг» (пусть даже виртуально), хотя бы вкратце и «телеграфно» ознакомиться с творчеством других лагерных поэтов.

Как во всякой литературе, были в лагерной и начинающие, и мастера, и случайные люди.

В 1978 году в Израиле была издана небольшая антология «Поэзия в концлагерях», в предисловии к которой составитель её Авраам Шифрин, и сам многие годы просидевший в разных лагерях, пишет: *«Эти стихи отбирали у поэтов на бесконечных обысках и сжигали «они», а мы записывали их вновь и вновь, заучивали наизусть. И, как видите, вывозили из лагерей. И из СССР…»*.

В общем, как некогда писал Гейне по поводу таможенного досмотра, на какой-то из французско-немецких границ:

…А вы, дураки, в чемоданах искать
Среди рубашек измятых!
Да всю контрабанду, что едет со мной,
Я в собственный череп упрятал! [1]

Итак, сначала вкратце о нескольких лагерных поэтах.

[1] Перевод мой – ***В.Б.***

Геннадий ЧЕРЕПОВ

Родился в 1930 году. После первого ареста (ещё в конце сороковых) просидел 14 лет. Несколько лет на воле – и повторно осуждён. К моменту выхода антологии А. Шифрина Черепов отсидел 32 года из своих 48… Писать начал примерно в 1955 году в лагере. Из его стихов шестидесятых годов:

Но всё же иногда молебен звёздный слушай,
Чтоб боль с висков стряхнуть…
В ногах покой могил, не ждут полёта души,
В тяжёлых взглядах ртуть.
……
Малиновым звезда сияет окаянно –
Стеклянен гневный зрак.
Ослепший и немой, несёт созвездий раны
Из суток сутки мрак.

Вольт МИТРЕЙКИН

Того же возраста. Был приговорён к 25 годам за создание комсомольской группы, ставившей себе целью свержение диктатуры Сталина. Срок отбыл не полностью, в годы хрущёвской «оттепели» вышел на свободу в середине шестидесятых годов после 17 лет пребывания в самых страшных лагерях – на Колыме. После освобождения, видимо, не писал, поскольку стихов его не было видно нигде, да и никаких сведений о нём нет. Не будем гадать. Но вот одно его стихотворение, которое в любом случае в русской поэзии не может не остаться:

По дорогам и тропам,
По полям и лесам
Шли. И падали в пропасть…
Шли и падали в пропасть –
В небеса.

Поднимались и снова,
Позабыв о былом,
Бились, нищие словом...
Бились, нищие словом,
В звёзды лбом.

Каждый видит тут обобщение судеб людских. А вот представить чью-то отдельную судьбу – это уже дело читательского сотворчества. В стену лбом все мы порой бьёмся. А вот чтобы в звёзды...

Леонид СИТКО

О нём известно очень мало. Родился примерно в 1925 году. С 1965 года находился в Мордовских лагерях.

Вот отрывки из пародийного стихотворения «Эпитафия на могиле блатного», написанного на густом уголовном жаргоне. Поскольку «партия и правительство» прилежно заботились о том, чтобы этот язык как можно большая часть населения изучила в местах его бытования, то недостаток читателей Леониду Ситко явно не угрожал...[1]

Ты врезал дубаря, ты сквозанул с концами
Туда, где никому не надо ксив,
В одну хавиру вместе с фраерами,
У Господа прощенья закосив.
.....
А ты кемаришь, ты теперь в законе,
Разбейте понт: идёт последний шмон.
Бочата сдрючат, но никто не тронет
На желтой паутине чертогон.

Я специально не даю глоссария: так виднее густота жаргона. Ведь кроме слов «господь» и «прощение» тут нет больше ни одного значащего слова на обычном русском языке...

[1] Е. Евтушенко в своей антологии «Строфы века» утверждает, что это стихотворение написано не Леонидом Ситко, а «кем-то другим». В данном случае поверим первому публикатору А. Шифрину.

Яков ХРОМЧЕНКО

Кинорежиссёр-документалист, родился в 1924 году в Москве. Арестован в 1944 году «за антисоветскую агитацию». В лагерях и в ссылке отбыл в общем более 12 лет. Вышел по хрущёвской реабилитации. В 1973 году эмигрировал в Израиль. Поселился у моря, на самом берегу в Натании. В 1975 году снял в Израиле документальный кинофильм «Дети Гулага».

Шаги, шаги, шаги
Спешат, спешат, спешат.
У арестанта две ноги
и право подышать,
……
Солнце сюда не приходит летом,
Здесь и весной – зима.
Может, на небе, на месте этом
Тоже стоит тюрьма?

Или вот стихотворение «Наважденье», которое Хромченко написал в день и час его освобождения, прямо на Лубянской площади, только выйдя из ворот КГБ. Привожу его полностью.

НАВАЖДЕНЬЕ

И всё как будто бы сначала.
Рассвет неяркий. Сторожа.
Опять качалась у причала
Всю ночь колымская баржа.

Опять на север шли вагоны,
А зимний воздух нёс и нёс
От перегона к перегону
Кандальный перезвон колёс.

От перегона к перегону,
По формулярам. По делам…

Опять к земле прибита зона
Гвоздями вышек по углам.

Опять, опять доносом ложным
Пугают поздние звонки,
Опять взрывают сон тревожный
В глухую полночь воронки.

Опять баланда спозаранку,
Ночных допросов тошный вал,
Опять Кресты, опять Лубянка,
Опять Владимирский централ.

И воздух пахнет высшей мерой,
И, довершая кабинет,
Опять глядит со стенки серой
Всё тот же сумрачный портрет.

Зона, прибитая гвоздями вышек, – такой образ, по-моему, забыть невозможно!

Упомянем ещё **Геннадия Тёмина**, 27 лет отсидевшего; и ещё не забудем бывшего секретаря киевской писательской организации, друга молодости **Виктора Некрасова**; поэта и научного фантаста **Миколу Руденко**, осуждённого уже в начале 70-х, участника украинского правозащитного движения... (См. его нашумевший роман «Звёздный бумеранг», вышедший в шестидесятых годах ещё до ареста. Уже при Горбачёве Руденко выехал в Прагу, где работал на радио «Свобода». Потом вернулся в Украину. Умер в Киеве в 2004 году. Где-то заблудились три или четыре его стиха в моём переводе)...

Их много было, заключённых поэтов. Гораздо больший процент, видимо, поэтов побывал в лагерях, чем приходилось поэтов на душу населения на воле... Потому что – поэты...

Валентин СОКОЛОВ-ЗЭКА

В предисловии к подборке стихов этого поэта, опубликованной в «Континенте» № 41 (1984 г.), Эдуард Кузнецов (сам бывший заключённый, просидевший около 10 лет и обмененный на каких-то советских шпионов), пишет: *«Соколов Валентин Петрович р. в 1927 году. Впервые арестован 20 лет от роду... Личность колоритная. Один из ярчайших на лагерном небосклоне...»*

...А вот вкратце история и моего знакомства с поэтом Соколовым-Зэка.

В 1951 году я работал руководителем драматических кружков в школах шахтёрского городка Красный Сулин (от Ростова километрах в трехстах). Город состоял из десятка шахт и металлургического завода.

Первое, что меня там поразило, это зарплаты: учителю обычная, то есть восемьсот рублей (полная ставка, восемнадцать часов в неделю), мне, в двух школах, примерно столько же, а вот шахтеру платили 22 тысячи! Это была «плата за страх», плата потенциальным смертникам. И то сказать, за одну зиму, что мы с Юлькой там проработали, в двух шахтах случились обвалы, погибло человек пятнадцать, более двух десятков шахтёров стали инвалидами...

Не знаю, сколько платили на заводе, но металлурги шахтёрам завидовали. Однажды в заводском клубе, где я взял руководство ещё одним драматическим кружком, какой-то подвыпивший сталевар, завидуя шахтёрам, громко и матерно сокрушался, что они в десять раз больше, чем он, получают. Подошёл парень моих лет, с виду тоже работяга, коренастый, медлительный и стал что-то сталевару объяснять негромко.

Тот затих. Я удивился вслух тому, как быстро парень утихомирил раздухарившегося работягу, а он ответил, что в лагерях многому можно научиться. Меня же поразило, что простецкий вид этого парня мало соответствовал его весьма интеллигентной речи.

Мы познакомились. Звали его Валя Соколов. Вскоре он у меня играл в каком-то спектакле. У меня там было два замеча-

тельных актёра: Валя и Гена Сапрыкин, сын директора завода, учившийся тогда в 10 классе (впоследствии Гена стал актёром в каком-то театре в Украине). Стали оба они иногда ко мне домой заходить. Валя читал свои стихи. В основном стихи были на лагерную тему, он уже к тому времени года два оттрубил.

Как-то Гена послушал, послушал стихи, да и сказал, что ведь это и есть настоящая советская поэзия. Валя слегка испуганно оглянулся, но я его успокоил, сказав, что в доме, состоявшем из двух квартир, во второй никто не живёт.

Патриарх поэзии Гулага Соколов сначала просидел вроде бы два года из присуждённых ему трёх...

Впервые посадили его по делу какой-то «антисоветской студенческой группы» в Москве, и в Красный Сулин он попал, выйдя из лагеря досрочно после той первой отсидки. Несмотря на «детский» срок, ему были запрещены сто городов Советского Союза, как он нам объяснил, такое освобождение называлось «минус сто».

...Всё, что написано – проба,
Проба подняться из гроба...
.....
И лишь с высоты креста
Можно понять тебя, небо.
Хлебом насущным у рта...

Впоследствии Валя стал бессрочным заключённым: то он выходил на волю, то попадал снова в лагерь в качестве «повторника»...

Во второй раз его посадили в 56-м, в 58-м опять выпустили, а через год снова посадили «за антипартийную агитацию», опять выпустили, и вот после этого ему удалось прожить вне лагеря несколько лет.

Тогда-то и встретился я с ним снова – в середине шестидесятых годов в Москве. Точно не помню: не то у моих друзей, Яши Коцика и его жены Гали Полонской, одной из знаменитых тогда «учителей шестидесятников», не то у Фриды Вигдоровой и Саши Раскина. Валю привёл тоже знаменитый «учи-

тель-шестидесятник» Анатолий Якобсон, впоследствии автор прогремевшей на западе книги о Блоке «Конец трагедии».

И вот через многие годы после Красного Сулина Валя читал стихи в Черёмушках... Слушали его Коцики, Якобсон, Фрида Вигдорова, её муж, писатель Александр Раскин, переводчик Юлий Поляков (тоже бывший заключённый) и я. Валя читал тихо, но очень ритмично:

Я ослеп от синих ламп
Боли,
И от ваших чёрных лап,
Боги.

Там в холодных казематах,
там в домах казённых,
Как шары, катались в лапах
головы казнённых.
Я ослеп от тех шаров
По могилам-лузам,
Я ослеп от тех шагов
По кровавым лужам...

Я сказал, что десять лет назад был он «реалистом», а теперь сплошной гротеск! В ответ на мои слова Валя прочёл нам большую поэму, которая так и называлась – «Гротески»:

.....
Здравствуй, зона! Бесноватей
Песня в узеньком квадрате
Стен твоих, твоих запреток...
Ты душе глоток озона – здравствуй, зона...
.....
Там на вахте мёрзнут трупы,
А в столовой, в миске супа,
Взглядом жадным ищет круп
Человек большой и чёрный,
Скорбной мыслью омрачённый
Полутруп.

Прав был Сапрыкин, это и была истинная СОВЕТСКАЯ поэзия, но только не та, какую хотели бы видеть в ССП... Реализм? Да, только в отличие от «социалистического реализма», выдававшего желаемое (властями) за действительное, это был скорее «Реализм социалистической эпохи»:

В сером мутные фигуры,
Красный флаг над ними реет,
Серых дней клавиатуры
Человек взорвать не смеет...

Это и следующее – для разнообразия – стихотворение написаны вовсе не на лагерную тему. Это – Москва глазами «временного отпущенника», как называл себя поэт, не сомневаясь, что сядет снова. Скорее, рано, чем поздно...

Страшно как и пусто как
Жить под знаком пустяка...
Пусто как и страшно как
Оставаться в дураках.
Сколько раз душа вползала
В голубой пролёт вокзала.
Страшно тут и пусто тут,
Ветры чёрные метут,
Ветры чёрные цветут
Тут.

Или ещё написанное, вроде бы, в ожидании ареста:

.....
Обвели меня каменным поясом,
Стал я крепостью, ждущей осад,
И хотят, чтобы северным полюсом
Вырос южный, сиреневый сад!

Подождите, я стану сиреневым,
Подождите, и час этот скор,

Будет вечер. И светом серебряным
Обозначатся контуры гор...

Но особенно женщины – слёзы их,
Обнаженная немощь плеча.
Но особенно женщины созданы
Для танцующих рук палача...

Спустя двадцать с лишним лет после того вечера, уже в Париже, я узнал, что опять Соколов сидит, не сосчитать в который уже раз... Так и погиб Валентин Соколов-Зэка, сгинул даже не в лагере, а в городке Черняховске в спецпсихбольнице, которая, по описаниям людей, чудом там уцелевших, куда ближе к последнему Девятому кругу ада, чем простой лагерь...

В 1978 году, как я уже сообщал выше, в Израиле вышла антология «Поэзия в концлагерях». В книгу вошло более трёх десятков стихотворений Валентина и вся поэма «Гротески». Интересно, что Соколов, явно ведущий свою поэтическую родословную от Блока, в двух или трех стихотворениях обращается к образу Маяковского, ему явно далёкого. И тут, надо сказать, его предположение (или всё же уверенность) говорит о том, что было весьма точным представление поэта о том, что такое та «советская действительность», которую поэт знал довольно плохо: она ведь при арестах всякий раз оставалась по ту сторону колючей проволоки... Возможно, этим и объясняется тот факт, что если к стихам Соколова подходить по гамбургскому счёту, то они не выдержат критики серьёзного уровня.

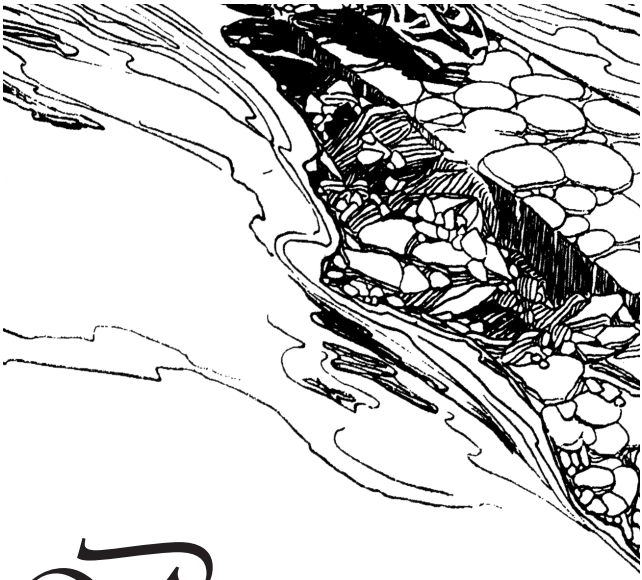
Но тут случай, явно требующий снисходительности...

Ах, интересно увидеть бы нынче Вас,
Милый Володя, как прежде бунтарищем,
Так интересно, какими бы линчами
С Вами б расправились нынче товарищи...

Не зная точных дат, я всё же порой надеялся: может, увидел всё-таки Валя свои стихи напечатанными в антологии, которая открывается его подборкой?

В 1984 году, когда поэта уже не было в живых (умер он, как позднее выяснилось, в 1982 году), я получил в Мюнхене от тогдашнего редактора новостей на радио «Свобода» Эдуарда Кузнецова большую подборку Валиных стихов, которые ходили в семидесятых-восьмидесятых годах в самиздате. Эту подборку мы и опубликовали тогда в «Континенте».

(Окончание следует)



Волна и камень

Вернисаж

Владимир Сычёв
Париж

ЧЕРНО-БЕЛАЯ C'EST LA VIE...
(Ассоциации на темы Владимира Сычёва)

Сегодня, 23 сентября, в Государственной Третьяковской галерее на Крымском Валу (залы 13–14) открывается выставка фотографий Владимира Сычёва «Репортаж. Россия 1970-х». Она проводится в рамках Третьей Московской биеннале современного искусства. Фотограф и коллекционер, активный деятель отечественного неофициального искусства 1970-х годов, Владимир Сычёв был внимательным и добросовестным летописцем нонконформистского искусства...

Из Пресс-релиза Фонда «Общество поощрения художеств», 23.09.2009

...приоткрывая тайный смысл...

Т.И.

Двойное дно не каждому дано увидеть. На то оно и двойное. Но тем, кому его удалось обнаружить, мир открывается во всей его двойственной глубине. Это – прозрение. А прозрение, как известно, способно изменить мировоззрение...

В этом и заключается задача мыслящего художника – приоткрыть тайный смысл вещей, показать их суть, заставить

чувствовать и думать. Пусть видят все, и пусть каждый решает сам – думать или не думать, быть или не быть…

Блестящий чёрно-белый пример тому – убедительные снимки Владимира Сычёва. В строгом, классическом чёрно-белом. Помню, в детстве была такая игра: «чёрный с белым не носите, «да» и «нет» не говорите…» А у него всё построено только на этих двух цветах. И никуда не деться от их власти. Каждый снимок – кадр из той нашей чёрно-белой жизни. Да вот хотя бы этот, на котором запечатлён железнодорожный вокзал города Сухуми. Дождливое лето. Убогий, сиротливый вокзал. Перрон, покрытый неровным выщербленным асфальтом. Повсюду лужи. На заднем плане пустой поезд. Последние пассажиры покидают вагоны. Зияющая чернота дверного проёма напоминает «Чёрный квадрат» Малевича. А на первом плане вам навстречу идут, точнее, передвигаются на костылях два старика-инвалида. У одного нет правой ноги по колено. У другого – левой. У обоих в левом уголке рта потухшая папироса. «Беломорканал» или «Казбек». Взгляд тоже потухший. «Выкурили душу нам беломорканалами, сердце раскалымили стужей и тайгой» (Владимир Загреба). Один одет в застиранную рубашку навыпуск и в кепчонку, у другого на левом лацкане мешковатого пиджака – орденские планки, на голове фуражка военного покроя. Ветераны Великой Отечественной. Небольшая кучка растерянных пассажиров разместила свои нехитрые пожитки прямо на мокром асфальте: узлы, баулы. Чемоданы, перетянутые для надёжности кожаными ремнями. А чемодан-то, похоже, с двойным… Фотограф и приоткрыл нам это двойное – огромный плакат с изображением вождя, указующего протянутой вперёд рукой то ли путь к коммунизму, то ли запасной путь, на котором стоит наш бронепоезд… А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, надпись большими жирными буквами: «Коммунизм – светлое будущее всего человечества». Всё. Приехали. Станция конечная. И царства-государства того больше нет. И ветеранов-инвалидов. И границы изменили свои контуры до неузнаваемости… Но остались фотографии. Упрямый документ времени. Как чёрно-белое кино.

Именно такое чувство и возникает, если долго разглядываешь фотографии Владимира Сычёва – будто смотришь чёрно-белый фильм со своим участием. Так случилось и со мной, когда я стала рассматривать снимок, изображающий маленькую девочку, одиноко стоящую у решётки одного из мостов Парижа. Милый ребёнок! Но что-то зацепило меня, заставило внимательно вглядеться в напряжённую детскую фигурку: я вдруг обнаружила в её крошечной ручке... огромный пистолет, смахивающий на настоящий! Ничего себе игрушечка! Прямо Бонни Паркер в детстве! Эта ассоциация (опять двойное дно!) показалась мне любопытной, и невольно припомнилась история малышки Бонни Паркер. Она родилась в 1910 году, в Техасе в семье бедного каменщика. Ей было четыре года, когда отец умер. Мать с тремя детьми перебралась в предместье Далласа. Бонни, несмотря на бедность в семье, прекрасно училась в школе, отличалась артистичностью, богатой фантазией и склонностью к импровизации. В 15 лет бросила школу и стала работать в кафе, которое вскоре закрылось. Наступило время Великой депрессии. Бонни выходит замуж, но вскоре расстаётся с мужем. Развода не было, однако до конца своей короткой жизни она не снимала обручальное кольцо. Девушка была миниатюрной, изящной: при росте 150 см весила 41 кг. Одевалась модно и элегантно. В 1930-м году знакомится с Клайдом Бэрроу. Любовники становятся грабителями. За ними по пятам следуют агенты ФБР. И в 1933 году им наконец удаётся выследить криминальную парочку. Устроив засаду, полицейские выпустили 167 пуль в юных грабителей. Шериф Фрэнк Хеймер скажет журналистам: «Жаль, что я убил девчонку. Но дело было так: или мы их, или они нас». Бонни Паркер было 23, Клайду Бэрроу 24 года. На месте засады поставлен обелиск. На могиле Бонни сохранилась надпись, оставленная её матерью: «Как все цветы становятся милей от солнечного света и росы, так и этот старый мир делается более ярким от жизней, подобных твоей». От Бонни Паркер осталось единственное её произведение, поэма «История Бонни и Клайда». Эта история послужила сюжетом для многочисленных фильмов (с теми же Сержем Гинзбургом и Бриджит Бардо) и около 50-ти музыкальных и поэтических произведений.

Вот такую историю «поведала» мне маленькая девочка с большим пистолетом на фотографии Владимира Сычёва.

Да и жизнь его самого – готовый сценарий голливудского триллера или боевика. Со всеми атрибутами: провинциальная юность, служба в армии, поиск себя и в жизни, и в творчестве; отъезд из страны Советов, фантастический успех за границей – его фотоснимки на вес золота во всех известных журналах и газетах, включая «VOGUE»; стрельба, сражённые наповал пулей снайпера иностранные фотокорреспонденты – его коллеги, ранение, полученное во время съёмок на Красной площади в момент очередной «русской революции», госпиталь в Москве; снова Париж... Боевик со счастливым концом – без статистов, дублёров и каскадёров. Такое могут себе позволить только самые крутые супермены Голливуда! Например, неуязвимый 007. И здесь двойное дно! Когда я впервые увидела Владимира Сычёва, удивлению моему не было конца – такой знаменитый и такой скромный, тихий человек! Всегда в тени, ни малейшей «надзвёздности». Подтянутый, приветливый, корректный, аккуратно, со вкусом одетый. Интересное, запоминающееся лицо, тихий, спокойный голос. Пристальный, как объектив его камеры, взгляд, от которого никто и ничто не ускользает...

Вот трое мужчин, пассивно наблюдающих за игрой в шары (петанк) в одном из многочисленных скверов Парижа. Снимок вызывает улыбку и целую цепь ассоциативных предположений: 004? 005? 006? – (Ян Флеминг)? «Три товарища» (Ремарк)? «Три богатыря» (русский фольклор)? «Три танкиста» (известный советский фильм)? «Три мушкетёра» (Дюма)? «Три тополя на Плющихе» наконец (в 70-е годы популярный фильм)? «Трое в лодке, не считая собаки» (Джером К. Джером)?.. «А где же лодка? И где собака?» – спросит кто-то всерьёз. А уплыла лодка-то... Всё уплыло. И собака сбежала, или зарыли... А фотография осталась. C´est la vie. Но, может быть, эти трое – три ангела, сошедшие с иконы Андрея Рублёва «Святая Троица»? Засиделись без дела, вот и решили выйти в люди, поразмять косточки, заодно посмотреть, что изменилось в мире людей с тех пор, как они распяли Бога своего Христа?.. Да изменилось

ли вообще что-то? Вот и стоят ангелы на сквозняке эмиграций, отвернувшись от нас, спрятав дивные крылья свои под однотипными плащами «Haute Couture?» массового пошива... И никому нет до них дела – все заняты игрой в шары. Герман Гессе может отдыхать – «Игра в бисер» нынче не в моде...

Отвернулся от людей и могучий великолепный колосс, а может, Титан, сидящий безучастно на каменном кубе, точнее, на краю куба... «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?».

Вот такая ирония судьбы. Всё вперемежку в двойном дне – курьёзное, и серьёзное, трагическое и комичное, реальное и сюрреалистическое, не говоря уже о мистике... На одном из снимков запечатлён пожилой человек, сидящий за столиком в кафе. Вроде бы обычная сценка из повседневной парижской жизни. Ничего особенного – сидит мужчина в кафе. Сидит себе с бокалом пива «Мистик», перед ним пепельница, полная окурков, рядом стоит чашка с недопитым кофе. И вдруг понимаешь – что-то здесь не так... Рука! Здравствуйте, Юз. Мы о Вас, Алешковский... Напротив человека – рука, точнее, кисть руки. Сама по себе, как гоголевский Нос... Рука держит дымящуюся сигарету, и чашка с недопитым кофе тоже принадлежит ей. А как же она кофеёк-то попивает, ежели рта нет?! У любителя «Мистика» странное выражение лица – то ли ужас, то ли изумление, волосы взъерошены, рот приоткрыт, как будто он хочет что-то сказать, но не может. Сразу вспоминается какой-то «ужастик», где точно такая же Рука живёт своей собственной жизнью, доводя до обморока героев фильма, пытающихся от неё скрыться. Да не тут-то было – Рука вездесуща, всех настигнет, всех достанет... Вот и до него, бедняги, дотянулась. Но в последний момент спасает зеркальная перегородка, в которой отражается чашка, стоящая на круглом полированном столе. Ага, вот оно что – фотограф просто «схватил»! Рука, конечно же, принадлежит собеседнику, скрытому за перегородкой. Просто мы этого сразу не заметили, а глаз – объектив. Сычёв подметил.

Хороший фотограф шутит всерьёз: ещё один монстр со звериным оскалом, в парижском метро – на фоне фашистской свастики... Тут уж не до шуток, правда. Не хотелось бы

оказаться с таким «tête-à-tête» в сороковые-роковые... Так же, как и с палестинскими демонстрантами, вышедшими в Париже на демонстрацию верности с портретами убийцы на груди. Того, рябого – в сапожках хромовых, в добротном, мастерски подогнанном по фигуре кителе, с трубкой в руке. Вот уж, действительно, по Юзу Алешковскому: «...но верили вам так, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». А здесь уж, пожалуй, тройное дно – мирный, независимый Париж, воинственно настроенные исламисты и «великий вождь всех времён и народов». Как однозначно выразился советский поэт Эдуард Багрицкий:

...Если он скажет «солги» – солги,
Если он скажет «убей» – убей!

Портрет Сталина мы видим и на груди русского деревенского парня: то ли бывший солдат Советской армии, то ли бывший «зэка», вернувшийся из мест заключения, где делали подобные наколки на всю грудь – в натуральную величину и с фотографической точностью! Вспоминаются строки Владимира Загребы из его книги «Осколки забитого прошлого»:

Посмотри на фотографию –
Поломали биографию...

Чёрный с белым не носите, «да» и «нет» не говорите, книжку немецкого финансиста Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» («Deutschland schafft sich ab») не читайте. И в фотографиях Сычёва не ищите двойного дна... Смотрите на вещи проще, в данном случае – с точки зрения эстетики чёрно-белого фото. Вот вам перспективное изображение площади в Париже. Городской пейзаж. На первом плане, лицом к зрителю, скульптура юного героя-атлета с убитой косулей на плечах. Одна рука протестующе воздета вверх, другой он придерживает свою поклажу. Поза предельно напряжённая, динамичная – поза борца. Лицо искажено гримасой гнева, боли, протеста. Рот раскрыт в молчаливом крике, которого никто

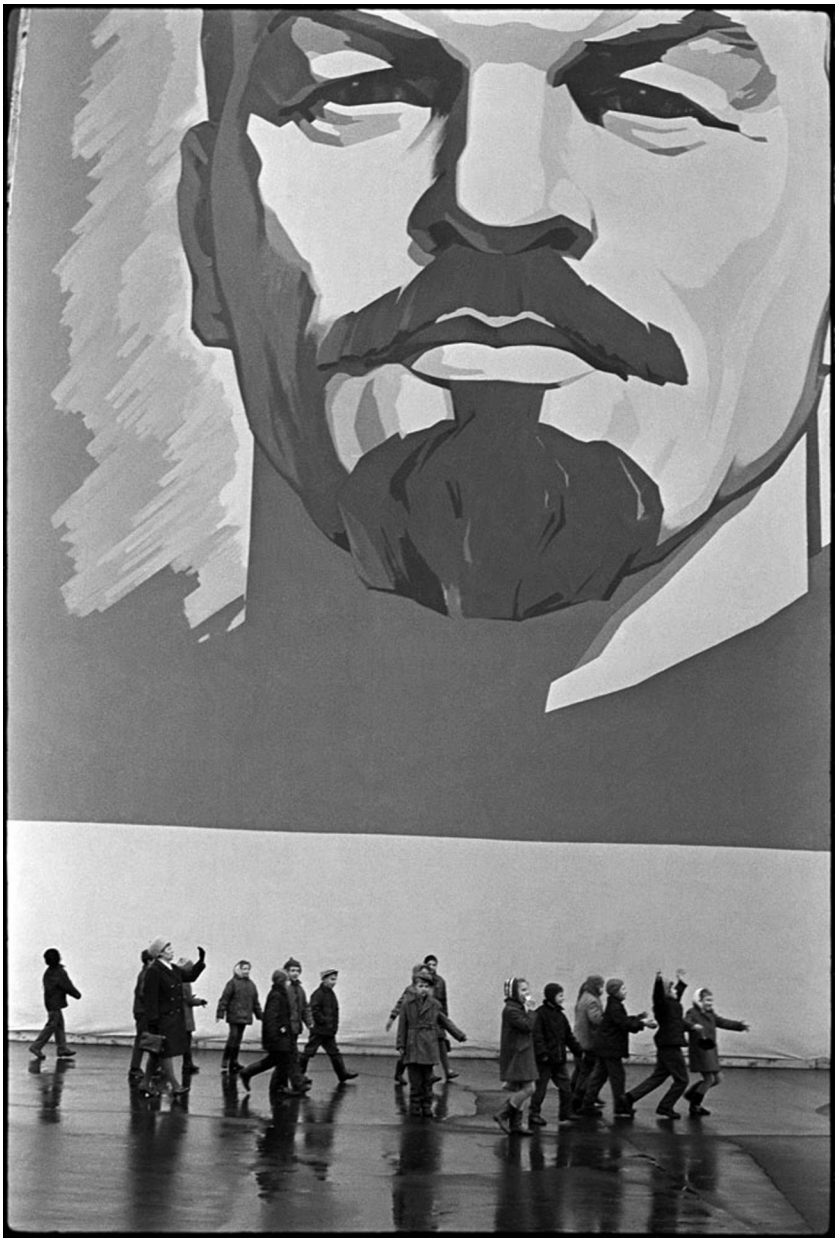
не слышит... Как у норвежского художника Эдварда Мунка на известном полотне «Крик». Внизу, на площади, люди, занятые игрой в петанк. Их фигуры неподвижны, статичны, безвольны. Да уж... Не выходит – проще, потому как единственный живой, кто что-то пытается предпринять, наш юный герой... Такова была ситуация русских диссидентов в 70-е и 80-е годы прошлого столетия, в разгул тоталитарного режима, коррупции и круговой поруки в бывшем Советском Союзе. Именно они, герои-одиночки, имели мужество бороться, кричать, протестовать. Их запирали в психушки, ссылали в лагеря, лишали гражданства, безнаказанно расправлялись с молчаливого согласия трусливой, бездействующей, равнодушной толпы обывателей... «Твои зэка войдут в века, твои психи будут тихи...» – эти горько-ироничные строки прозвучат в трагикомической фантасмагории «Плач-Парад» Владимира Загребы. «Вот как просто попасть в палачи: Промолчи, промолчи, промолчи!» – скажет об этом Галич.

Что ж, мы живём в другое время – время больших миграций, великого переселения народов, поисков нового смысла бытия, отпущенного нам. И всякого рода катастроф и катаклизмов, связанных с этими поисками. Вечных вопросов и неразрешимых проблем прибавилось. Tempora mea... И квадрат Малевича стал ещё чернее от человеческих страданий.

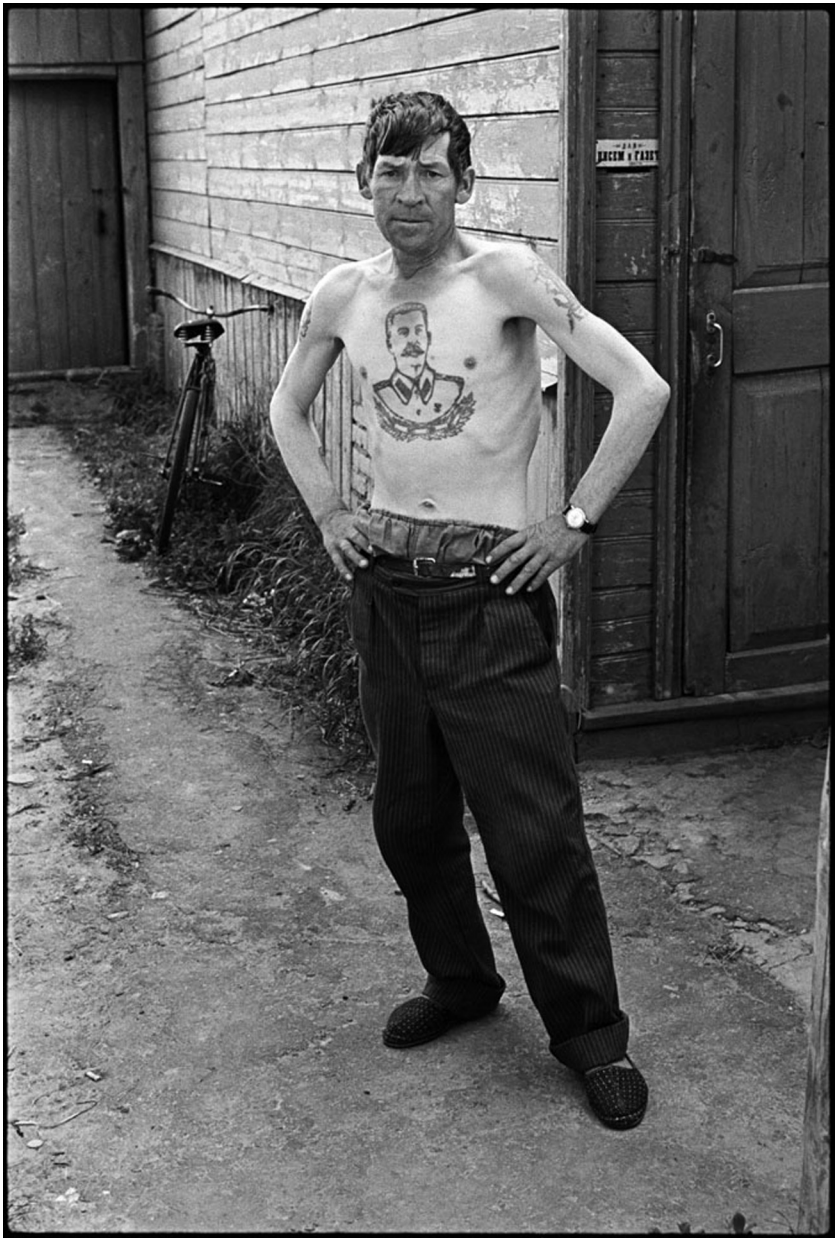
Да, время диссидентов прошло, но борьба не окончена. «Или мы их, или они нас». Разум против безумия. Герои-одиночки против мракобесия, повального террора и тоталитарности в любых их проявлениях. Vivere ist militare. А без борьбы нет прогресса. Ни в чём. И пока продолжается этот процесс, не избавиться нам от двойного дна человеческого жития нашего. Но выбор остаётся за каждым из нас – заглядывать туда или ограничиться глянцевой эстетикой чёрно-белой поверхности. Поиск Вечных ответов на Вечные вопросы не завершён.

Татьяна ИВЛЕВА

Эссен

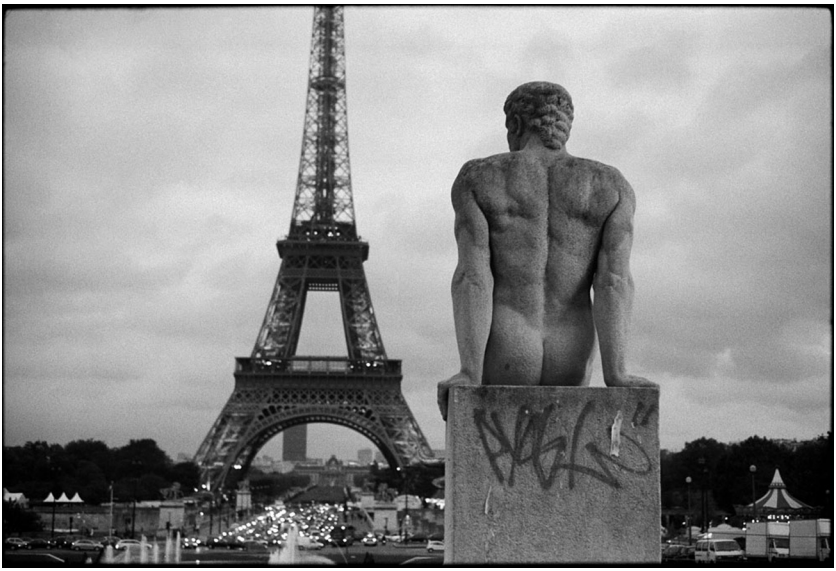


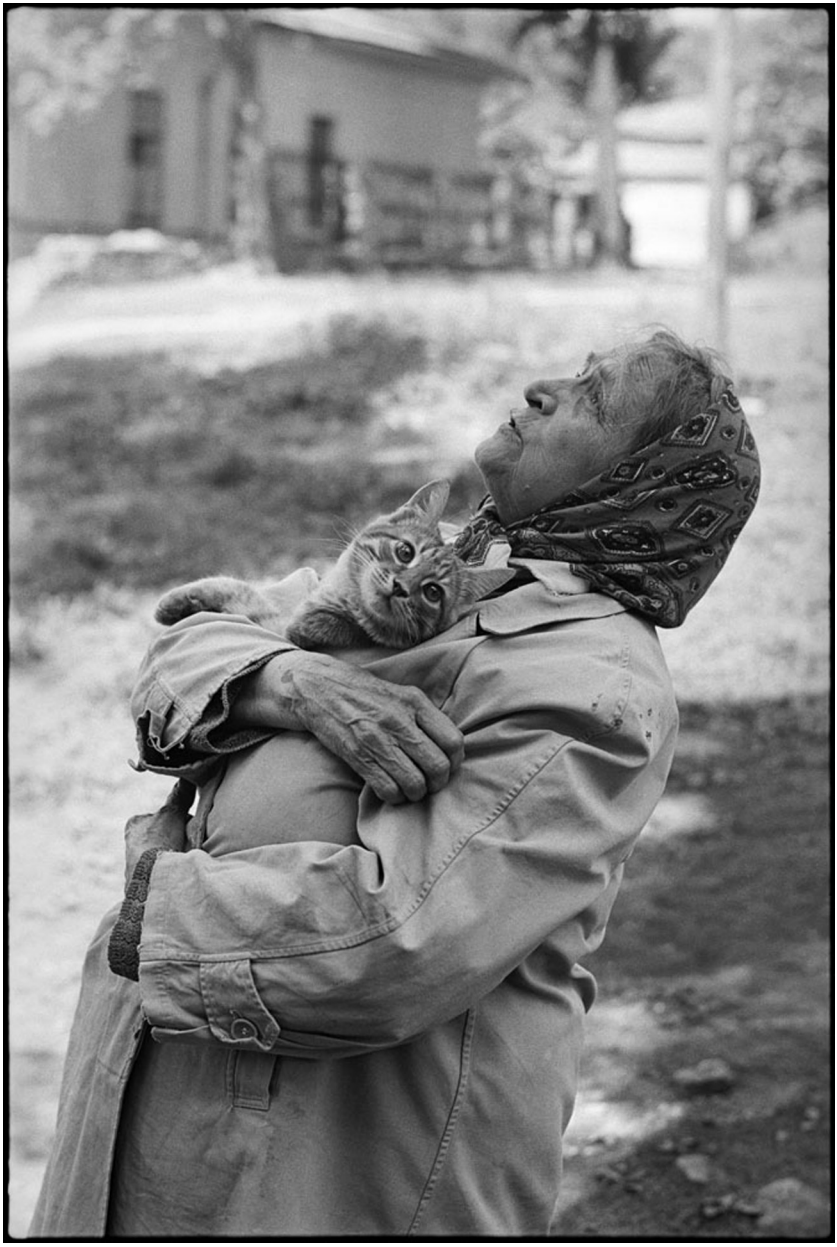
ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА,
ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ-ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

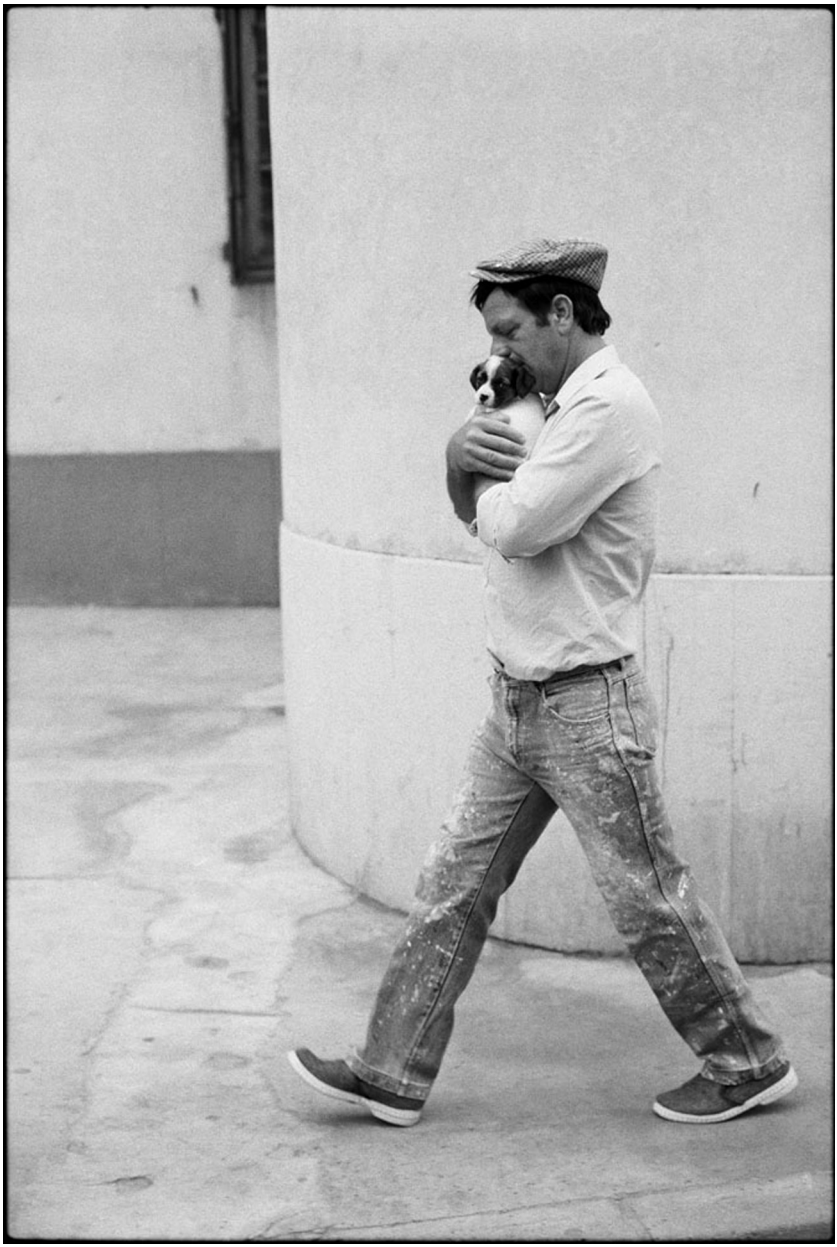


1922
1972
50
ЛЕТ
СОЮЗ
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

КОММУНИЗМ—
СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ
ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА







Player Special

Золотая Пектораль

Прошлым летом перед возвращением в Германию заглянул я в конце рабочего дня в гости к Е.В. Лапиной, заведующей отделом научно-просветительской работы Донецкого областного художественного музея.

– А у нас сейчас экспонируется знаменитая Золотая Скифская Пектораль из коллекции музея Исторических драгоценностей Украины, – сообщила она. – Сегодня уже закрыто, приходите завтра – не пожалеете!

– Завтра пожалею, так как уезжаю, – огорчился я и просительно посмотрел на Екатерину Васильевну – добрейшей, надо сказать, души человека…

Пектораль я увидел! С комментариями самой Лапиной. Более того, получил от неё материалы об этом уникальном экспонате, а от сотрудницы музея Аллы Авраменко – её (в смысле, Пекторали) фотографию. За что милым дамам большое моё спасибо!

В.А.

История находки

Всё началось с того, что сорок лет назад понадобилось срыть скифский курган Толстая Могила, который почему-то стал очень мешать работе горнорудного комбината города Орджоникидзе Днепропетровской области. Хотя на самом деле всё обстояло с точностью до наоборот: это горный комбинат с его шумом и гамом сильно мешал мирному сну древнего – высотой почти в 9 метров и шириной в 60 метров – холму. У скифов, застолбивших этот участок земли первыми, было, согласитесь, гораздо больше оснований требовать сноса комбината, но они, умудрённые веками, понимали, что силы не равны, и не трепыхались. Пользуясь безропотностью предков и заверениями учёных-археологов в бесперспективности данного кургана, власти города в 1971 году дали разрешение начать его разор.

Как это часто бывает в науке, кто-то один не соглашается с мнением большинства, идёт всем наперекор и, оказавшись в нужное время в нужном месте, делает открытие! Так случи-

лось и с младшим научным сотрудником Института археологии АН УССР Борисом Мозолевским. Может, потому, что наш археолог был ещё и поэтом, не мог он поверить, чтобы курган не скрывал какой-то тайны, и отправился наблюдать за работой мощной техники. Предоставим ему слово: *«Сначала мы разрезали курган пополам, чтобы понять его конструктивные особенности... Сразу же начали снимать другую половину насыпи. Однажды, уже совсем под вечер, в южном секторе кургана под ножом скрепера что-то заблестело – была зацеплена верхняя пластинка большого комплекта бронзовой упряжи. Несмотря на ужасные условия работы, весь набор удалось расчистить в том виде, в котором его когда-то положили в курган. Он состоял из нескольких наборов уздечных украшений, около двух сотен разной формы блях, более десятка колокольчиков и шести больших ажурных наверший».*

Даже не специалиста такая находка в «бесперспективном кургане» должна была насторожить, а когда на следующий день под механизмами стала проседать насыпь над пятью могилами и обнаружилось пятно грабительского хода, Мозолевский понял, что работы надо срочно останавливать и звать на помощь коллег. Вот как повествует он об этом сам: *«Работы на кургане были возобновлены лишь в конце апреля. Коллектив экспедиции сложился дружный. Из Института археологии приехали известный скифолог Евгений Черненко, Наталья Зарайская и Геннадий Евдокимов. Изъявила желание принять участие в исследованиях доктор Рената Ролье из Франции, которая к тому времени стажировалась в нашем институте. В экспедицию записалась большая группа молодежи из Орджоникидзе. С развертыванием работы экспедиции предоставили помощь почти все городские предприятия и общественные организации. Раскопки Толстой могилы стали делом всего города Орджоникидзе. В напряженной, почти круглосуточной работе миновали дни... Однажды открылось, что из-под полы кургана к боковой гробнице тянется заполненный черноземом ход, так хорошо известный исследователям сотен ограбленных скифских могил. Земля и небо перед моими глазами поменялись местами. Не помня себя от отчаяния, я вылез из ямы, добрел к каким-то запорошенным*

кустам и, будто мальчишка, расплакался. Когда экспедиция поехала отдыхать, я снова залез в могилу и обшаривал ее до тех пор, пока в одной из стен не наткнулся на хозяйственную нишу. В глубине ее стояли на своем месте бронзовый котел и сковородка. Возле них в полном порядке лежали кости от жертвенной пищи. Конечно, это еще не означало, что и вся могила осталась целой, но мои предыдущие увещевания приобрели хоть какую-то почву. ...На следующий день, вооружившись ножом и сориентировавшись, где должна быть голова основного покойника, я, к общему удивлению, достал со дна могилы горсть золотых пластинок...»

Женский золотой головной убор

В гробнице лежала молодая царевна-скифянка. Одежда её была расшита большими и малыми золотыми пластинками. Казалось, им не было числа. Все личные украшения женщины также оказались золотыми. Шею украшала тяжелая литая гривна (478,5 грамма) с четырнадцатью львиными фигурками на концах, которые будто охотятся за безрогим оленем. На висках – большие подвески с изображением богини на троне,

Деталь золотой гривны

Меч в золотых ножнах

запястье охватывали три широких браслета и две перевязки из ожерелья, пальцы были унизаны одиннадцатью перстнями. Возле плеча покойницы стояли серебряный бокал и черная лакированная греческая миска, а у изголовья находились вещи личного употребления – несколько ниток бус ожерелья, румяна, белила, булавки и, что совсем уже было неожиданностью, обломки прозрачной стеклянной посуды. До этого считалось, что прозрачное стекло на территории Украины впервые появилось, по крайней мере, на 200 лет позднее. Вместе с женщиной в украшенном алебастром саркофаге был похоронен ребенок, скелет которого также плотно укрывали золотые украшения. Рядом лежали три миниатюрные серебряные посудинки для вина. Через саркофаг тянулась нитка бус мелких золотых пластинок, которые, вероятно, украшали положенный с покойником пояс, который, по одной из легенд, завещал скифам еще Геракл. В деснице ребенок держал тяжелый золотой браслет. Дальнейшие исследования позволили в деталях воспроизвести жестокую и величественную похоронную церемонию: «Возле обоих входов в гробницу стояли колеса от разобранных катафалков. Царских покойников в мир иной сопровождали четверо убитых слуг. Троих из них положили в самом склепе, для девочки-служанки была сооружена отдельная камера. Слуги лежали с широко раскинутыми руками и ногами – их душили над могилой и еще теплыми бросали на пол. Один из слуг, стройный и высокий воин-охранник, умирал уже в могиле – его пальцы судорожно впились в пол.

Пектораль была найдена совершенно неожиданно: *«В склепе среди глиняных обломков валялись разбросанные грабителями кости основного покойника, обломки обмундирования и оружия, золотые пластинки от серебряного горита, одежды и посуда (около 600 предметов). А в десяти сантиметрах от того места, где орудовали грабители, возле самого спуска в склеп, лежали незамеченные ими наиценнейшие, парадные вещи царя: окованный золотом меч, золотые украшения и золотая царская пектораль. Я нашел ее, расчищая пол подземелья 21 июня в 14 часов… Теперь, когда все позади, легче поверить в мистику, чем в то, что грабители, в самом деле, могли недоглядеть такое сокровище: стоило им лишь протянуть руку еще на несколько сантиметров – и пектораль для человечества была бы навсегда утрачена».*

Золотая Пектораль. Версии

Наряду с сокровищами Тутанхамона, пектораль стала главной археологической находкой XX столетия. Пектораль выставлялась в самых престижных музеях стран Европы, Японии, Канаде, США.

Золотая Пектораль – нагрудное украшение скифского царя IV века до н. э. – весом 1148 г., 30,6 см в диаметре, выполненная из золота 958 пробы в технике литья с применением пайки, чеканки, зерни, скани и эмали. Латинское слово «пекторалис» означает «нагрудный». Однако не каждое нагрудное украшение называли пекторалью, а только то, которое были вправе носить цари и высочайшие сановники древнего мира. Золотая Пектораль является шедевром ювелирного искусства древних мастеров. Сложность компоновки фигур, их ракурсы говорят о высочайшем уровне их мастерства. Её необычайная красота и исключительная ценность свидетельствуют о могуществе Скифского царства. Археологи связывают сокровища кургана Толстая Могила с временами царя Скифии Атея.

Автором золотого чуда мог быть причерноморский эллин – потомок переселенцев из Средиземноморья, осевших на берегах Понта Эвксинского в VII-VI вв. до н.э. Однако некоторые

исследователи полагают, что он мог быть и этническим скифом (ведь мастер в совершенстве знал скифскую мифологию, скифские обычаи и обряды), но, несомненно, долгое время жившим и учившимся в Пантикапее – столице ювелирного ремесла северного Причерноморья. Он отлично владел всеми тонкостями античного ювелирного искусства. О значении изображений на пекторали спорят уже три десятка лет. Существуют, в основном, три версии, по-своему объясняющие смысловое содержание драгоценного шедевра.

Версия 1: Модель Вселенной

Трехъярусное строение пекторали, надо полагать, отражает представление скифов о Вселенной. Внизу – борьба коней с фантастическими грифонами, дикие звери: возможно, это образ мира стихий, мира демонов, мира, чьи корни уходят в подземное царство, во владения мертвых...

Средний ярус заполнен большими украшенными голубой эмалью цветками, изображениями ветвей и птиц. Он может символизировать древо жизни – атрибут скифской богини-матери Табити. Здесь же поражают своей выразительностью бытовые сцены жизни кочевья. Существует мнение, что это не просто бытовые зарисовки, а образ высшего мира, где празднуют торжественный новогодний обряд. И не простые скифы держат овечью шкуру, а два легендарных царя в высшем мире шьют магическое одеяние из золотого руна... Новый год начинался у скифов в весеннее равноденствие – в конце марта, когда все живое дышит весной. Новогодний праздник был у скифов самым значительным культовым событием. Скифы верили, что в новогодний праздник их цари давали толчок целому годовому циклу, животворным силам природы. Вся композиция, безусловно, имеет религиозное значение. Три мира – корни, ствол и крона Мирового древа. Они же – царства мертвецов, живых людей и высших, божественных существ – были основой космогонии многих племен. Изображения животных также носят символический характер. Так,

заяц в скифской мифологии олицетворял счастье (такое же неуловимое и пугливое, боящееся малейшего шороха). Во время празднования скифского нового года мужчины племени осуществляли ритуальную охоту на зайца. Два кузнечика (по утверждениям энтомологов – это самец и самка) символизировали продолжение рода.

Версия 2: Карта владений скифов

На пекторали запечатлена символическая карта древних владений скифов («скифского квадрата», по Геродоту), Черное море и прилегающие к нему земли. Хорошо различима линия морского побережья от Босфора до Кавказа.

На карте нет Азовского моря. Но, по данным украинских археологов-подводников, в древности уровень азовских вод был ниже нынешнего на 9-12 метров. Керченский пролив тоже еще не существовал. Фактически, имелось лишь узкое пресноводное озеро Меотида. Оно на пекторали есть! Важно подчеркнуть, что все фигуры календаря пекторали по своим контурам похожи на 16 особых территорий – земель, которые в свое время входили в состав Великой Скифии (VI в. до н.э.). Это те легендарные «благие земли», что размещены от Алтая до Испании. В центре – главная земля – Скифия (ныне Украина). Главная часть карты — «золотое руно» в руках двух царей, вероятно, потомков легендарного Скифа, Пала и Напа. Если перевернуть пектораль нижним, выпуклым краем кверху (а именно таким предстает украшение, когда его поднимают с груди к глазам), на овечьей шкуре можно увидеть Крымский полуостров, характерные очертания юга Украины! Выпуклости обозначают горы и возвышения, глубокие линии – реки. Можно разобрать в золотом плетении части территорий теперешних России. Молдавии, Грузии, Румынии, Болгарии, Турции... Очевидно, вся эта географическая премудрость 2500 лет назад была понятна только специально обученным особам, жрецам, царям, военачальникам... Властелин всегда носил с собой схему своих владений.

Версия 3: Календарь

По мнению независимого исследователя Сергея Паукова, в скифском году 16 месяцев по 23 дня в каждом, т.к. его структура рассчитана на 368 дней (16х23 = 368). Но, скифы уже в те времена знали, что в году 365 дней. Для коррекции счета времени по своему календарю они просто не учитывали 3 дня (21, 22, 23 июня) в период летнего солнцестояния (368 – 3 = 365). В високосный год не учитывали 2 дня – 22, 23 июня (368 – 2 = 366). Время также исчисляли и большими периодами по 16 лет, т.е. скифскими индиктами, названия которых такие же, как и у месяцев года. Греческий индикт некогда был равен 15 годам.

Скифы были язычниками, поэтому у каждого дня, месяца, года, индикта, и т. д. были свои божества времени в виде домашних животных, которые расположены на пекторали по кругу, подобно древнегреческому Зодиаку. Всего их 16. Новый год праздновали в день весеннего равноденствия.

Скифское лето – это период с 3 апреля по 30 сентября. На пекторали до этого периода скифы изображены в теплых кафтанах, а в летний период они изображены полуобнаженными, что указывает на жару. Кстати, пектораль – это еще и точный астрономический прибор – древние солнечные часы.

Тайну календаря пекторали знали только цари и жрецы, а также некоторые представители элиты скифского общества.

Золотая подвеска женского головного убора

Аделина МАК
Донецк

НАРИСОВАТЬ ВСЕЛЕННУЮ

Любители творчества Аделины Мак хорошо знают её историю: ударило током – потеряла сознание – очнулась – начала рисовать. Прямо как в «Бриллиантовой руке» с пресловутым гипсом. Но, конечно же, всё не так просто. Творец жил в ней всегда – и когда училась в университете им. Ломоносова в Москве, и когда писала рассказы, повести, романы, статьи, и когда редактировала стихи и прозу в издательстве «Донбасс».

Впрочем, в рамки государственных учреждений она всегда вписывалась с трудом и долго там не задерживалась. Причина единственная – родилась свободной. Эта независимость легко угадывается и в творчестве. Вместе с тем Аделина часто повторяет: «Всегда надо уметь слушать того, кто умнее тебя». Вслушивается, всматривается, меняется с каждой новой «рисучестью» (её выражение).

Она постоянно что-то изобретает, рисует, чем придётся – зубочисткой, пером, спичкой, кистью, бигуди, шпильками для волос, лезвием, пальцем… В ход идут гуашь, масло, чернила…

Часто манера живописи диктуется наличием тех или иных красок, того или иного материала. То пошла серия изящных пастельных миниатюр, то возникла серия рисунков исключительно зелёных тонов, то посыпались цветы, выполненные тяжёлыми пастозными мазками в стиле «декалькомании»… И ничего невозможно заранее предсказать. Аделина Мак пробует себя в разных манерах, сохраняя при этом свой собственный, яркий и узнаваемый стиль.

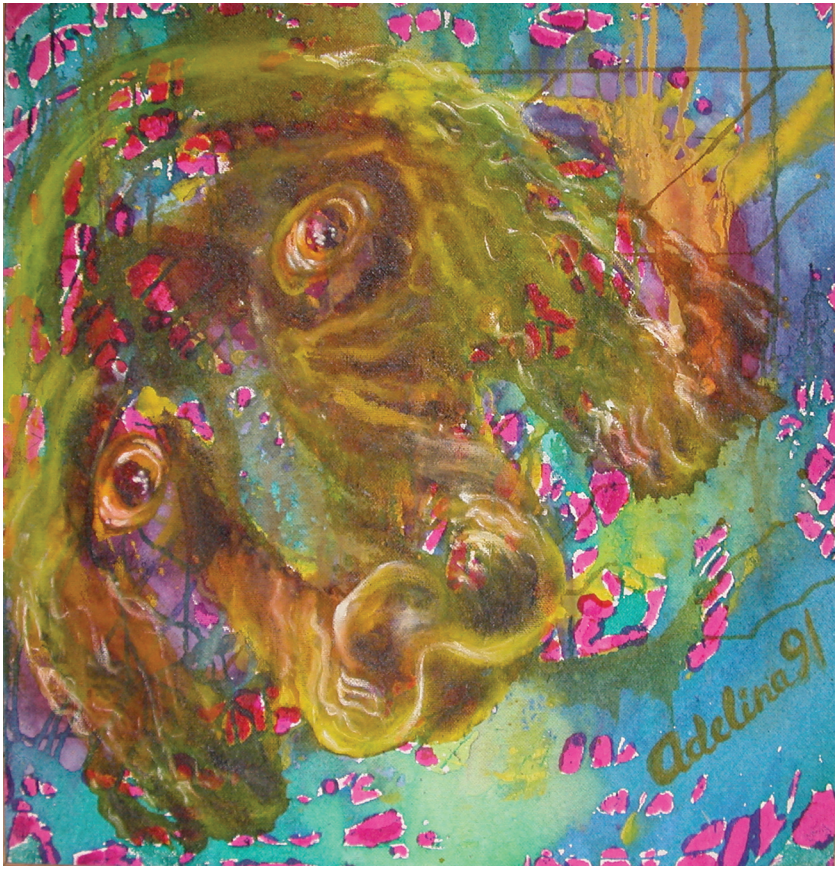
Говорят, стиль – это человек. Аделина, выражаясь названием одной из её картин, – «Тот, который не подведёт». Не задумываясь, протянет руку помощи незнакомцу. Простит врага, если тому стало худо. Природа наградила её удивительной щедростью – и в жизни, и в творчестве. Трудно сосчитать, сколько своих картин она раздарила, и не только друзьям, но

порой едва знакомым людям. Франция, Израиль, США, Финляндия, Швеция, Германия, Швейцария, не говоря уже о странах СНГ и Украине, – вот далеко не полный перечень адресов их нынешнего места жительства.

В мире Аделины Мак мирно уживаются Александр Пушкин и сосед Витёк, динозавры и синие птицы, танцующие деревья и космические одуванчики… Кажется, что она готова нарисовать всю вселенную… Какой будет её новая картина, трудно предугадать. Поживём – увидим.

Светлана Куралех,
Донецк

Плыви, моя собака. Смешанная техника.



Флор и Флора. Триптих. Масло.

Небесный волейбол. Масло.

Там, где резвились динозавры. Масло, восковая темпера.

С ЮБИЛЕЕМ!

Майю Борисовну Калиниченко многие называют министром культуры Донбасса. Эта шутка очень похожа на правду. Разница в том, что в Донецком Доме работников культуры, директором которого она является, нет приёмной с бдительной секретаршей, как у штатных министров. Потому каждый день без предварительного звонка и записи тянутся к Майе Борисовне десятки людей.

Диапазон деятельности «Майского дома» не имеет границ: вернисажи, бенефисы, творческие встречи, презентации, конференции, конкурсы, гостиные... Гостями Дома в разное время были известные артисты Элина Быстрицкая, Александр Калягин, Михаил Козаков, Константин Райкин, поэты Юрий Левитанский, Борис Чичибабин, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, композитор Микаэл Таривердиев... А уж о деятелях культуры Украины и говорить не приходится.

Работа Заслуженного работника культуры Украины Майи Борисовны Калиниченко выходит далеко за рамки запланированных культурных мероприятий. К ней приходят люди за советом, помощью, просто попить чайку и погреться. Для многих ветеранов сцены здесь – второй родной дом. Разные судьбы, разные характеры... Майя умеет каждого выслушать, не забыть именинников, похлопотать о поддержке в трудной жизненной ситуации. На её взгляд, это само собой разумеется. Она смогла создать команду единомышленников. Дом, где согреваются сердца, и его прекрасную хозяйку знают и любят не только в Украине, но и в России, Белоруссии, Чехии, Израиле, США, Германии...

В мае этого года у Майи Борисовны – юбилей. Естественно, что на её посту не может быть и речи ни о каком солидном возрасте.

Где Майя, там весенний праздник мая.
Пусть Дом гостей радушно принимает,
Пусть каждый день и каждое мгновенье
Ликуют свет, любовь и вдохновенье!

От имени международного сообщества поклонников Майи Калиниченко

Светлана Куралех,
Донецк

Они сошлись

Виталий ЗАСЛАВСКИЙ

Киев, 1928-2004

Из украинской народной поэзии

СКАЗКИ-НЕБЫЛИЦЫ

Зайчик, зайка

– Зайчик, зайка, где ты был?
– В темном лесу.
– А кого ты там ловил?
– Волка и лису.
Волк испугался – и наутек,
А лису я поймал и сунул в мешок.
– А ну покажи, зайчишка, лису!
– Сейчас, сейчас, мешок принесу.
Ой, ой, прогрызла дырку лиса,
Удрала лиса в поля да леса.
А когда убегала, меня испугала.
Вот!

Про вола

– Эй, прохожий, как дела?
– Как дела? Ищу вола:
Был один – и тот пропал.
Может, ты его видал?
– У меня свои заботы.
Не видал, да слышал что-то.
– Что?
– Бодался с морем вол!
– Где же он?
– На дно пошел.

– Ну а где же море это?
– Поздно вспомнил: моря нету.
За ночь море, как назло,
Васильками заросло!
– Ох, какой ты бестолковый!
Где же эти васильки?
– Съела рыжая корова
И цветы, и стебельки!
– Как же быть? Пойду по свету,
Поищу буренку эту...
– Э, буренку, мой дружок,
Кто-то спрятал в коробок!
– Где ж коробка?
– Вот чудак!
Источил ее червяк.
– Где ж червяк?
– Да было дело –
Замели его метлой.
– Где метла?
– Метла сгорела –
Стала пеплом и золой...
– Где же пепел и зола?
– Под копытом у вола.
Стал бодаться с морем вол,
А потом ко дну пошел...
– Далеко ли море это?
– Поздно вспомнил: моря нету.
За ночь море, как назло,
Васильками заросло...

Пошла кошка за водицей

Пошла кошка за водицей –
Не сумела напиться,
А сумела в колодец свалиться.
Кот за ухо кошку
Вытягивал понемножку:

– Обсыхай, сиди,
В себя приходи!
А кошечка плачет: – Дружочек,
В колодце остался платочек,
Единственный мой платочек!
Задумался кот, почесал живот:
– Ладно, побудь тут,
А я пойду и найду прут.
Попашем землицу,
Посеем душицу,
Душицу пожнем,
На базар повезем,
Продадим –
И купим косынку,
И юбочку красную,
И ленточку синюю!

Из белорусской народной поэзии

ДРАЗНИЛКИ

1

Микитиха тесто месит,
А Микита спину чешет.
Микитиха ест блины,
А Микита смотрит сны.

2

Положили Савку
На шаткую лавку.
Савка смеется –
Лавка трясется. Ну и забавка –
Пропал Савка.

3

Доктор Пенкин
Лечит блох
С десяти
До четырех.
Доктор Пенкин
Лечит даром,
Мажет плечи
Скипидаром.

По мотивам русской народной поэзии

ПОТЕШКИ

Запрягу в телегу ветер

Я умоюсь на рассвете,
Запрягу в телегу ветер
И поеду в огород
Прямо задом наперед!

Эх, помчимся по дорожке

Эх, помчимся по дорожке,
Не догонит ветер нас:
Запрягают кошку в дрожки,
А котенка – в тарантас!

Прискачу к обеду

У меня свинья
Порезвей коня:
Сяду и поеду –
Прискачу к обеду.

Кот

Ой, не горе горевать –
Некуда кота девать.
Принесла кота на двор,
Посадила на забор –
Уж и кот побежал,
Весь забор задрожал,
Всех телят перепугал,
Всех телят и ягнят
И маленьких ребят.

Только так...

Уцеплюсь рукой за собачий хвост –
Только так перейду я дырявый мост.
За собачий хвост уцеплюсь рукой –
Только так попаду я на берег другой.

НЕСКЛАДУШКИ И ПЕРЕВЕРТЫШИ

Выйду-ка на улочку

Выйду-ка на улочку,
Запрягу-ка курочку,
На пристежке – петушок.
Но-о-о, поехали, дружок!

Мороз

Вьюга выла и крутила,
И гуляла у реки:
По морозцу походила –
Отморозила чулки.

Старая телега

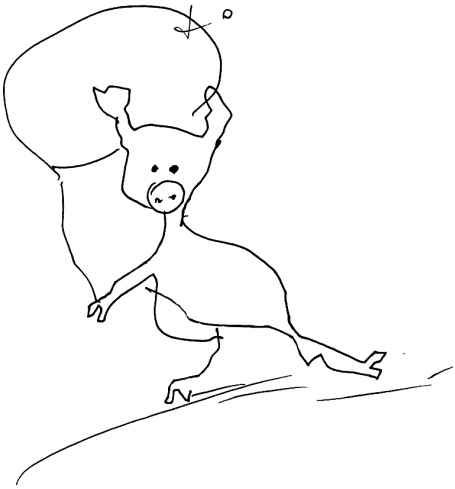
Наша старая телега
Привалилась у ворот,
Обморозила оглобли –
Ни назад и ни вперед.

Чудеса

Сидит заяц на заборе,
Скачет курица в лесу.
Обмелело наше море,
Всё в лукошке принесу.

По реке плывёт телега

По реке плывёт телега,
Из оглобли дым идёт.
На кусте сидит корова,
Носом ягоду клюёт.



Наталья КРУПИНА
Челябинск

Кто это?

Кто разбил большую вазу?
Кто порвал две книжки сразу?
Кто стащил графин стеклянный?
Кто потоп устроил в ванной?
Закатил под стол арбуз?
Потянул кота за ус?
Уронил в прихожей стул?
В шкаф залез и там уснул?

Старушка и слон

Старушка-веселушка,
Старушка-хохотушка,
Старушка-хлопотушка
За городом жила.
Невзгод она не знала,
Задорно хохотала,
По дому хлопотала
И козочек пасла.

Однажды на опушке,
Где нежатся волнушки,
Где квакают лягушки,
Увидела она
Обычного, простого,
Как небо, голубого,
Красивого такого,
Летучего слона.

Воскликнул слон: «Простите!»
Хихикнул слон: «Хотите?!
Такой, как я, хотите
Вы бабочкою стать?»
Старушка удивилась,
Ничуть не возмутилась,
И даже согласилась
По небу полетать.

Весь день они порхали,
Задорно хохотали
И в салочки играли,
Взлетая до луны.
А после улетели
Туда, куда хотели,
Куда глаза глядели,
Куда летят слоны.

Старушку-веселушку,
Старушку-хохотушку,
Старушку-хлопотушку
Не встретить поутру.
(Мне, правда, передали,
Что в Северной Слоналии
Ее вчера видали
На пальме, с кенгуру).

Сверчок-путешественник

Храбрый маленький сверчок
Взял зеленый рюкзачок.
Захотелось крошке
Погулять немножко.

«Эй! – зовет улитка.
– Вот моя кибитка.
Если хочешь, прокачу,
Хоть куда тебя домчу!»

Едет очень прытко
Чудная кибитка,
В ней за целую неделю
До плетня домчать успели,
А потом еще неделю
Возвращались еле-еле.

Храбрый маленький сверчок
Снял зеленый рюкзачок.
Подарил улитке
Все свои пожитки.

На листе позагорал,
С ветром в прятки поиграл,
Погулял с друзьями
и вернулся к маме.

Мальчишки с улицы моей

Мальчишки с улицы моей
Весну встречают снова.
Плывет армада кораблей
Вдоль берега крутого.

Качает их то вверх, то вниз
Волна большая грозно,
Здесь ветерок зовется бриз,
А кочка гордо – «остров».

Вот шкипер крикнет: «Курс норд-ост,
Бом-брамсель ставь, салага!»
И задирает гордо нос
Вся мокрая ватага.

Я кораблям рукой махну –
Дрейфуйте на просторе!
Но все они идут ко дну
И тонут в бурном море.

Им не дойти до дальних стран,
Корабликам бумажным,
Но лезет в лужу капитан,
Спасая их отважно!

Им снова в дальний путь идти
Назло ветрам упрямым,
Но капитана лет пяти
Зовет обедать мама.

И все кричат ему вослед:
«Еще не били склянки,
Какой же может быть обед?
Какие запеканки?!»

Мальчишки с улицы моей –
Такой народ серьезный.
Плывет армада кораблей
На неоткрытый остров!

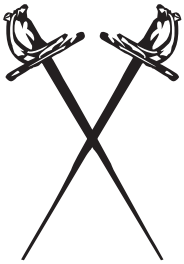
Аты-баты

Аты-баты, аты-баты.
Шли по кукольной стране
Оловянные солдаты
В оловянной тишине.

Аты-баты, аты-баты.
Оловянный полк устал:
Оловянные солдаты,
Остановка на привал!

В царство кукол, между прочим,
Не пройдут теперь враги,
Раздаются среди ночи
Оловянные шаги.

Всем солдатам, аты-баты,
Нужен мир, а не война.
Есть у каждого солдата
Оловянная страна.



Дмитрий СИРОТИН
Воркута

Я и Дед Мороз

Снова стужа, снова ветер,
но зато под Новый год
Дед Мороз приходит к детям
и подарки раздаёт!

Из детсада я шагаю...
Как шагаю? Вот вопрос,
ведь кусает, подгоняя,
этот «добренький» Мороз.

То споткнешься,
то подскочишь,
а дорога далека...
И подарков не захочешь
от такого старика!!!

Поучительный случай в Антарктиде

У пингвина Константина –
жесточайшая ангина.
Ел всё утро лёд фруктовый
и – пожалуйста, готово:

больно горлу, ломит кости...
А уже собрался в гости:
ждёт на чай тюлень Борис!
Но,
как с болезнью ни борись,

Константину – не до чая,
он в жару лежит, скучая,
и бормочет:
«Господа,
лёд – опасная еда,
хоть и вкусен иногда...
Да!!!»

О ёлках и ружьях

«Слышишь, мама, ёлку нашу
РАЗРЯЖАТЬ пора давно!»
Мать в ответ: «И верно, Маша:
солнцем залито окно!

Март веселый на подходе!
Но ошиблась ты опять:
РАЗРЯЖАЮТ – ружья вроде.
Ёлку надо – РАЗБИРАТЬ!»
Вдруг добавила со вздохом:
«Знаешь, дочка... Может быть –
всё б оружие неплохо
РАЗОБРАТЬ да РАЗРЯДИТЬ?»

И спешил на службу папа:
он военный, он герой!
И махала папе лапой,
голубой, мохнатой лапой
наша ёлка, как рукой...

День Святого Валентина в детском саду

Маше, Даше и Полинке
я вручил по валентинке.

Думал, выйдет очень мило,
будут рады... Только вот
Маша – Дашу укусила.
Та – ей плюнула в компот.

И Полинка дует губы...
Все вы, девочки, мне любы!

Глупо драться за мужчину
в День Святого Валентина!

Восьмого Марта

Мы песенку про бабушку запели –
и я внезапно в голос зарыдал...
«Господне наказанье, в самом деле!
Не утренник, а форменный скандал! –

шептала воспитательница гневно,
таща меня из зала в коридор. –
Ну что опять – «Елена Алексевна!»?
Большой, а хуже девочки! Позор!»

За ужином пожаловалась няне:
«Бывает же терпению предел!
Не ест, не спит, то хнычет, то буянит,
про бабушку на празднике не спел!»

И снова мне: «К чему капризы эти?
Корова-рёва, мокрые дела!..»
А я всё плакал
и не мог ответить,
что бабушка сегодня умерла.

Двое на качелях и нервная мама

Раскачались на качелях –
ты и я, ты и я!
Прямо в небо улетели –
ты и я, ты и я!

Приземлились на снежок –
ты и я, ты и я!
Заработали шлепок –
ты и я...

Ох!

Собачья печаль

У собаки Дарьи –
грустная мордашка:
до сих пор бедняжку
грубо кличут «Дашкой»!

Ей уже двенадцать лет!
Уваженья нет как нет:
«Дашка» да и «Дашка»...
Тяжко, Дарья, тяжко!

Певец

Я шагаю беззаботно,
напеваю: «Ля-ля-ля!»,
и трясутся отчего-то
горы, реки и поля...

Желтоглазая ромашка
лепесточками дрожит.
Слабонервная букашка
кверху лапками лежит.

Зайцы уши затыкают,
волки воют: «Ну-у, дела-а!»,
белка – наглая такая! –
корчит рожи из дупла...

Спеть погромче мне, быть может?
Это ж, братцы, не предел!
Стал заикой старый ежик.
Бурый мишка поседел.

А у дятла дыбом перья.
А сова сошла с ума...
Всё! Расстроился теперь я
и обиделся весьма!

Ну скажите, ради Бога,
чем я вам не угодил?
Я пою по нотам строго,
голосок довольно мил...

Соловей, дрожа, ответил:
«Да, по нотам, только вот –
НА БЕДУ НЕ ПОПАДАЕШЬ
НИ В ОДНУ ИЗ ЭТИХ НОТ!!!»

Ссора

Мама с папой поругались
и друг с другом – ни гу-гу.
Чтобы вовсе не расстались –
помириться помогу.

Подхожу я к маме: «Мама!
Что там папа натворил?»
«Отойди!» – кричит упрямо...
Я-то маме чем не мил?

Я и к папе с той же темой:
«Что случилось, наконец?!»
«Это взрослые проблемы!» –
отвечает мне отец.

Если взрослые – ну что же...
Тишина за часом час...
Только – я страдаю тоже,
может, даже больше вас!

Мама с папой, помиритесь,
вам и горы по плечу!
Улыбнитесь, обнимитесь...
Или – тоже замолчу!

Подслушанный вечерний разговор

Шепнула мама папе: «Я прошу,
довольно вешать на уши лапшу!».

А он в ответ: «Ты тоже хороша!
Гляди: и на моих ушах лапша!».

И долго я грустил в ночной тиши:
хотелось мира в доме. И – лапши...

Мудрый папа

Любовь – это сложная штука, сынок...
К примеру, ты любишь вишнёвый пирог.
Смирись – и живи, безнадежно любя:
пирог никогда не полюбит тебя!

Компьютер

«У дисплея, полуночник,
без конца торчать нельзя:
станет слабым позвоночник,
и квадратными – глаза!».

Ваших страхов бойтесь сами!
До утра сидел-играл,
и квадратными глазами
позвоночник подпирал!

Всех бандитов укокошил!
Вдруг – компьютер мой погас...
Всё равно его не брошу,
потому что он – хороший,
и, конечно же, нужнее
позвоночника и глаз!

Сын растёт

Сын растёт: приятели, наука,
плеер да компьютер. Лишь порой
машинально вкладывает руку
мне в ладонь на скользкой мостовой.

С каждым днём всё явственней разлука,
холодней задумчивая тишь.
Сын уходит. Жду смиренно внука...
Был бы только счастлив ты, малыш.

Валерий Воскобойников
Бохум

ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК, СОБАКА

Замечательный рыжий сеттер

Возможно, это была самая умная и самая красивая собака в городе. Она водила по улице Пархоменко слепого человека. У человека на пиджаке были старые, потускневшие ордена, и Оля каждый раз, когда встречала его, думала, что слепым он стал, конечно, во время боя.

Человек и собака шли по улице, не торопясь. Собака чуть впереди – рыжий ирландский сеттер, шерсть его отливала тёмным золотым блеском. На спине у собаки были специальные ремни, и на правом – красный крест, чтобы все знали, что собака эта не простая, а вожатый, поводырь слепого.

У человека было большое и доброе лицо, он шёл рядом с собакой, иногда что-то тихо ей приговаривая.

Собака подводила своего хозяина к булочной и спокойно сидела у крыльца, пока хозяин покупал батон и круглый хлеб. Потом она вела его к другому магазину, где продавались крупы и колбаса, потом к газетному киоску. Там они переходили улицу. Если ехала машина, собака садилась – пережидала.

Однажды, когда поперёк их улицы рабочие вырыли траншею, Оля увидела, как собака села у этой траншеи и не двинулась с места. Слепой человек что-то сказал ей тихо, погладил за ухом, и собака повела его в обход к деревянным мосткам.

Дальше они шли к школе и там отдыхали у высокого клена.

Из школы появлялась девочка-первоклассница. Вскидывая ранец за спину, она подбегала к ним, целовала собаку в нос, брала слепого за руку, и назад они шли втроём.

Однажды Оля вышла из дома и увидела, что слепой человек идёт по улице один, без собаки, неуверенно щупая асфальт впереди себя палкой. «А собака заболела», – подумала Оля.

Собаки не было на другой день и на третий. И слепой человек тоже стал появляться на улице всё реже.

Несчастье

У Оли была двоюродная сестра Саша. Они родились в один год, в один месяц и даже в один день. И праздновали день рождения по очереди – то у Оли, то у Саши.

Оля любила Сашин дом. Он стоял на Владимирском проспекте рядом с театром. На театре всегда висели афиши, вечером их часто разглядывали люди; Оля тоже любила их разглядывать. Сашины окна были под самой крышей. Чтобы их увидеть, надо было перейти на другую сторону проспекта и задрать голову. И тогда поймёшь, какой это интересный дом: по три окна-фонаря сбоку и один – большой – посередине. Большой фонарь – это Сашин, два по бокам тоже её.

Оля перебежала на другую сторону проспекта, а Саша открыла большое окно, замахала рукой и закричала через проспект:

– Оль! Не туда! Сюда, сюда!

Была весна, было тепло, всюду мыли окна и ходили уже без пальто. И крикнуть собственной двоюродной сестре, что она пошла в булочную не в ту сторону, – одно удовольствие.

Оля приехала в гости к Саше. Но тут неожиданно обнаружилось, что в доме кончился сахарный песок, и Оля вызвалась за ним сбегать. Ей стали объяснять, где булочная, но она и сама знала, что булочная почти на углу Владимирской площади. А на другую сторону перешла просто так, чтобы полюбоваться на Сашины окна-фонари.

И тут с ней случилось несчастье.

Подбежали трое и сразу:

– Девочка, девочка, иди сюда быстрей! Иди быстрей, тут такой прикол!

Ещё понятно, когда к тебе пристают мальчишки, а то ведь девчонки – такие же, как она, из четвертого или пятого класса!

– Зачем? – спросила растерянно Оля и всё-таки пошла за ними в парадное.

– Сейчас, сейчас, – сказала одна из них, самая высокая. Они прошли через первые двери, около вторых – больших, с матовым стеклом, Оля было приостановилась, но тут её подтолкнули вовнутрь, к лестнице.

– Сейчас, сейчас увидишь, – хихикнула самая толстая.

И за Олей мгновенно захлопнулась дверь со стеклом. Тут же девчонки задвинули засов. Оля очутилась одна на полутёмной лестнице.

«Подумаешь, – решила она, – поднимусь по лестнице, открою другую дверь и выйду через чёрный ход. А если нет чёрного хода, кто-нибудь из жильцов подойдёт и откроет засов.

Оля так и сделала: поднялась, дёрнула другую дверь, но та не поддалась. Она дёрнула сильнее – дверь была заперта.

А внизу за матовым стеклом три девчонки, кривляясь, запели противными голосами:

– Обманули дуру, длинную фигуру! Обманули дуру, длинную фигуру!

Оля бросилась было вниз, задёргала изо всех сил дверь со стеклом, закричала громко:

– Откройте! Откройте, слышите! Открывайте быстро! Но девочки в ответ запрыгали ещё радостней.

И тут Оля вспомнила, как смотрела на этот дом из Сашиного окна, и ещё удивлялась, что в доме выбито несколько стекол. А Саша объяснила:

– Он на капитальном ремонте, там никто не живёт.

Только теперь Оля поняла, что она в полной власти этих девчонок. Захотят – откроют и выпустят, а захотят – уйдут и оставят неизвестно на сколько времени, даже на ночь могут.

Девчонки так и сделали – захотели и ушли. А Оля осталась одна на пустой лестнице из четырнадцати ступенек.

Она ещё надеялась, что девчонки вернутся и потребуют что-нибудь, какой-нибудь выкуп, например. Строила планы, как она обманет их: пообещает выкуп, выскользнет из двери и бегом через проспект. Но девчонки и за выкупом не возвращались.

Сначала Оля просто стояла у стены и плакала от бессильной злости и унижения. Несколько раз она подходила к запертым дверям и дергала их: надеялась, вдруг это ей просто показалось, что двери заперты, а сейчас они откроются, поддадутся.

Но запоры не поддавались.

Потом она устала стоять и села на каменную ступеньку. Лестница была холодная, и Оля быстро поднялась. С улицы из-за

двух дверей иногда доносился шум трамвая, грохот тяжелых грузовиков, потом снова становилось тихо. Она пробовала считать, досчитала до трёх с половиной тысяч и сбилась. Однажды послышалось завывание милицейской машины, и Оля обрадовалась: вдруг это её ищут родители вместе с милиционерами. Но сигнал больше не повторялся.

Наконец, когда у неё уже не было сил на то, чтобы плакать, когда она перестала вслушиваться в уличный шум и даже надеяться на спасение, а впала в странную полудрёму, уличная дверь неожиданно грохнула.

Оля вздрогнула от этого грохота и в первый момент особой радости не почувствовала, может быть, испугалась.

Кто-то затопал ко второй двери, с узкими матовыми стеклами, остановился, вздохнул и стал открывать засов.

Оля стояла, прижавшись к стене, и было ей по-прежнему страшно.

Но когда дверь открылась, она неожиданно для самой себя бросилась к ней и увидела мальчишку. Оля натолкнулась прямо на него, и мальчишка чуть не бухнулся вниз, а потом с удивлением и испугом на неё посмотрел.

Оля прыгнула быстрей к уличной двери, приоткрыла её, а мальчишка продолжал смотреть на неё, как на сумасшедшую.

– Ты чего запираешься? – спросил он.

И тут Оля догадалась: конечно, этот мальчишка в потрепанной синей нейлоновой куртке – из той же девчоночьей компании. Они заперли, поиздевались в своё удовольствие, потом он открыл, а они рядом где-нибудь в подворотне продолжают хохотать.

И теперь, когда ясно стало, что она на свободе, потому что уличная дверь была приоткрыта, кругом был свежий вечерний воздух, горели фонари, а напротив театра люди рассматривали освещенные афиши, теперь к Оле пришла злость на тех девчонок и на этого мальчишку. Вон как он виновато смотрит! Понял свою подлость!

– Я сейчас... я сейчас... в милицию тебя отдам! – сказала вдруг Оля решительным голосом, и даже сама удивилась своей смелости.

А тут как раз на другой стороне улицы появились папа и милиционер.

– Папа! – крикнула Оля через улицу по-прежнему смелым голосом. Папа услышал. Оглянулся удивленно, увидел Олю, сказал что-то милиционеру, и они побежали через трамвайные пути.

– Нашлась! – папа схватил её за руку, но лицо у него всё ещё оставалось взволнованным. – Ну где ты пропадала, дочка!

– Это он! Он вместе с девчонками меня запер! – Оля показала на мальчишку, стоявшего в дверях и глядевшего на них с удивлением.

– Нигде я тебя не запирал, – тихо проговорил мальчишка, глядя в землю.

– Не может этого быть, – сказал милиционер странно спокойным голосом, а потом кивнул мальчишке: – Антон, ты не видел, кто это сделал?

– Нет, не видел. – Мальчишка по-прежнему не поднимал головы.

– Замёрзла совсем! Совсем замёрзла! – говорил в это время папа. – Спасибо вам большое, сержант, я пойду её чаем напою. Может, и вы зайдете чайку попить, ведь нашлась!

– От чая бы не отказался, да найти надо виновников... Протокол составить: что было с девочкой, зачем её заперли, с какой целью.

– Главное, что благополучно нашлась! – папа наконец заулыбался.

– А протокол всё-таки надо составить, – продолжал говорить милиционер. – Я на своем участке порядок строго поддерживаю, а участок у меня трудный. Так что вы идите, напоите дочь чаем, а потом вместе в отделение. Разберём подробно, как и что происходило. Если дети начнут так исчезать...

– Хорошо, хорошо, – папа кивнул и, не отпуская Олину руку, повел её через проспект в дом к Саше.

Они поднялись на лифте, а в квартире её обступили все. Мама то плакала, то смеялась. Саша и её отец тоже не переставали улыбаться.

– Я все улицы оббегал, только заскочил домой узнать новости, гляжу в окно – вы идёте! – повторял Сашин отец.

Праздничная еда со стола была уже убрана, но Оле принесли отдельно. Она ела, пила чай с особенным пирогом, который испёк отец Саши, и рассказывала, как на неё налетели девчонки из шайки, загнали на лестницу, продержали весь вечер, а потом послали своего знакомого мальчишку отпереть.

– Это просто так оставлять нельзя! – говорил папа решительным голосом. – Сейчас допьёшь чай и пойдём в отделение.

Но в отделение милиции они так и не пошли, потому что после чая Олю разморило – захотелось спать в любом месте, какое подвернётся. Олины родители вызвали по телефону такси и посадили полусонную Олю в машину, а Саша с отцом их проводили.

В следующие дни Олин папа ещё несколько раз вспоминал про отделение милиции, а потом у него появились другие срочные дела, и он о трёх девчонках больше не вспоминал.

Потом начались летние каникулы, и Оля всё реже вспоминала о том случае. Но в начале сентября, когда она ехала с мамой в электричке, она вдруг увидела мальчишку. Мальчишка был в той же голубой потёртой куртке, вошёл он в вагон на остановке Тарховка, а Оля ехала из Сестрорецка. Она сразу узнала его, а он нерешительно оглядел пассажиров, и вид у него был виноватый. Может быть, он снова сделал какую-нибудь пакость людям? А через секунду Оля даже вздрогнула от удивления: мальчишка вёл рыжего ирландского сеттера, очень похожего на собаку, которая была у слепого человека на улице Пархоменко.

Мальчишка прошёл по вагону со своим виноватым лицом, уселся в самом конце, достал из сетки бутылку с водой, алюминиевую мисочку и стал поить сеттера, а собака принялась громко пить.

Олю он, к счастью, не замечал. Но Оля всё видела и слышала.

Какой-то взрослый повернулся к мальчишке и спросил дружелюбно:

– Как зовут твою собаку, мальчик?

И вместо того чтобы спокойно назвать имя, если ты везёшь свою собаку, мальчишка вдруг вздрогнул, испуганно оглянулся и только потом виноватым голосом что-то проговорил.

И в эту секунду собака села, а потом смешно положила правую лапу на голову, словно прикрыла ухо. Точно так же делала и собака пожилого слепого человека.

Тут уж самый недогадливый сообразил бы, что это за сеттер!

Сержант Петренко

Сержант Петренко был человеком пожилым и одиноким. Его жена умерла, и сержант каждый месяц, переодевшись в гражданское, ездил с цветами на кладбище.

Антона и маму его – докторшу Нину Федоровну – сержант милиции Петренко знал хорошо. И не только потому, что они жили на его участке и в одном с ним доме. А ещё и потому, что Антон с докторшей ему нравились. Зимой, когда Нина Федоровна не подрабатывала на «скорой помощи», а вечерами была дома, сержант любил зайти к ним и попить чаю с вареньем.

Иногда он думал, как хорошо получилось бы, если бы Антон был его сыном. Они бы вместе ходили в лес за грибами, вместе дома мастерили бы нужные для хозяйства вещи, а в воскресенье на стадионе смотрели футбол.

Конечно, Антон был мальчишкой сложным, но простых людей в жизни не бывает – сержант это знал по службе.

В марте решил Антон сделать фотографию Владимирской площади с крыши троллейбуса. Он в это время фотографией увлекался. Троллейбусов на кольце было несколько. Антон забрался на один из них, а водитель его не заметил и поехал. Хорошо, прохожие на улице закричали, да и сержант был неподалеку, а то бы так и повезли мальчишку по городу на крыше троллейбуса.

Очень тогда хотелось сержанту наказать Антона, но с другой стороны – фотография это ведь увлечение, страсть.

Как раз в тот вечер, когда потерялась, а потом нашлась девочка, у сержанта состоялся разговор с начальством. Начальство приказало сотрудникам милиции срочно найти подозрительного мужчину. Подозрительный воровал всевозможные вещи, даже несколько собак, оставленных у магазинов, украл. Действовал он в основном в центре.

И первая мысль, когда сержанта остановили и сказали о пропаже девочки, была страшная: неужели этому подозрительному уже мало вещей и собак и он теперь на девочек перешёл.

Но всё кончилось благополучно. Девочка нашлась, указала почему-то на Антона. Наверняка перепутала. В том, что Антон не станет запирать прохожих на улицах или красть их, сержант был уверен. И всё-таки сержант жалел, что отпустил девочку с отцом, не расспросил их о подробностях. Поверил им, а они так в отделение и не пришли.

Сержанта люди, бывало, и обманывали, такая уж у него была служба, но он продолжал верить людям, потому что без веры в людей в милиции лучше не служить.

Рыжий сеттер

Эту удивительную собаку Антон увидел в первый же день, как приехал на дачу.

Всё лето он думал о ней. Даже сделал несколько её портретов и повесил в своей комнате.

На даче в Тарховке Антон жил с того лета, как помнил себя. А помнил он себя не то что некоторые – с годовалого возраста. Он даже помнил, как учился ходить, как ему было страшно оттого, что земля качается под ногами. Он помнил огромное улыбающееся мамино лицо, потому что взрослые приближают лица к своим детям почти вплотную. Он помнил и другое лицо – с длинными усами. Позднее такое лицо он увидел в альбоме у бабушки Насти. И бабушка объяснила, что это – его отец. Отец и мама поссорились, когда Антону был год, и расстались навсегда.

Отец даже в Москву переехал, потому что не мог спокойно жить в Ленинграде, где были Антон и мама. Он регулярно присылал своей матери – бабушке Насте – заводские газеты с заметками о себе. В тех заметках писали, какой он замечательный производственник, новатор и рабочий-изобретатель. К десятилетию Антона отец прислал ему в подарок большой ящик. Там были фотоаппарат, увеличитель, кюветы и книга «Советы юному фотолюбителю».

С того дня Антон и увлекся фотографией. Он сделал портреты двух своих соседок по коммунальной квартире, а весной снял льдины, плывущие по Неве, и крыши домов, отражающие огни реклам. Сержант Петренко даже советовал послать эти фотографии на выставку – так хорошо они получились.

А ещё Антон мечтал о собаке.

...Красивый тёмно-рыжий пёс с умными печальными глазами ходил рядом с хмурой тёткой по Гагаринской улице. Уши у пса были длинные, висячие, шерсть тоже длинная, блестящая, такая у пса была порода – ирландский сеттер, ещё он назывался рыжим сеттером. Антон знал многие породы собак, в библиотеке он прочитал специальную книгу.

Опытный собачник, встретив хозяина и собаку, сразу определит, в каких они отношениях.

У тетки лицо было всегда недовольное, она не смотрела на своего сеттера, а шла сама по себе. Значит, она его не любила, не уважала. А сеттер шёл спокойно рядом, не дёргал поводок, лишь иногда грустно оглядывался по сторонам да останавливался понюхать у столбика, чтобы узнать, кто здесь проходил до него.

Тётка при этом дергала поводок, значит, собак не понимала.

Антон мечтал о собаке с младшей группы детского сада. Он жил вместе с матерью в коммунальной квартире, там были ещё две старушки. А в коммунальной квартире без разрешения жильцов собаку держать нельзя. Черепаху можно, рыбок в аквариуме, кое-каких мелких животных, можно даже змею, конечно, если она по коридору не ползает, а собаку – запрещено. И правильно. Потому что у соседки Валентины Егоровны от шерсти животных – кашель. Он даже как-то по-учёному называется. Прежде она сама держала кошек, а потом ей врачи запретили, и она передала их в хорошие руки. Раньше, когда Антон учился в первом классе и не понимал жизни, он время от времени заговаривал с мамой про собаку, но мама лишь грустно вздыхала.

И всё-таки Антон продолжал мечтать о собаке, а с того дня, как увидел на даче сеттера, он стал мечтать именно о таком красивом и благородном псе.

Едва хмурая тетка показывалась вместе с сеттером на улице, Антон выходил за калитку и шёл за ними в небольшом отдалении, словно загипнотизированный.

Сон

В городе на Владимирском проспекте недалеко от Антона жила девочка Саша.

Она тоже училась в пятом классе. Антон узнал это случайно, когда увидел её в Эрмитаже на школьной экскурсии. Там же он узнал и её имя.

Саша занималась музыкой – Антон несколько раз встречал её на улице с нотной папкой.

Однажды Антон переходил Владимирский, взглянул нечаянно на засветившееся окно-фонарь под самой крышей и увидел в нём Сашу. Антон даже остановился от неожиданности. На него чуть грузовик не наехал.

Так Антон узнал, где можно Сашу увидеть. Мимо её дома он проходил каждый день и всегда как бы нечаянно бросал взгляд на окно. Но Сашу он видел там редко.

Антон и летом на даче о ней вспоминал, а недавно она приснилась ему. Во сне Антон шёл по своей Колокольной улице вместе с рыжим красивым сеттером. И такая у них была настоящая дружба с умным псом, что Антон вдруг остановился и поцеловал сеттера в коричневый кожаный нос. И тут из-за угла показалась Саша. А из подворотни неожиданно выскочили три хулигана. Хулиганы почему-то были одеты в женские платья, они бросились к Саше. Но Антон с сеттером были начеку. Быстрым уверенным шагом они приблизились к хулиганам. Сеттер грозно зарычал на них, и хулиганы, придерживая подолы платьев, разбежались в разные стороны. А девочка взглянула на Антона, на смелого пса, неожиданно присела в своём красивом голубом пальто и тоже поцеловала сеттера в коричневый кожаный нос. А потом они все вместе пошли по улице.

Внезапно громко засигналил грузовик, Антон отскочил от него, но это уже был грузовик из жизни, а не из сна. Из города приехала машина за вещами соседей.

Вода в консервной банке

Днём Антон снова шёл за рыжим ирландским сеттером и хмурой теткой.

Был жарко. Желтеющие листья светились на солнце и шуршали от ветра. Тётка и сеттер подошли к магазину. Там тетка привязала пса к столбу, а сама зашла вовнутрь.

Умный пёс лёг на землю, чтобы было прохладнее. Он громко дышал, и с его длинного языка падали на землю капли.

Антон остановился около сеттера. Уже сколько дней ему хотелось погладить блестящую собачью шерсть, но он всё не мог решиться. Ведь сеттер не знал его, не замечал.

– Твоя собака, мальчик? – спросил вдруг прохожий. – Кто же собаку на солнце привязывает. Смотри, как она от жажды мучается. – И прохожий сокрушенно вздохнул.

Рядом находилась колонка. Там как раз наливали воду в вёдра. Сеттер посмотрел на плещущую воду и облизнулся. И тут Антон сообразил. Он схватил валявшуюся консервную банку из-под шпрот, набрал холодной воды и отнёс псу.

Сеттер стал пить громко и быстро. Антон снова набрал воды – теперь сеттер пил спокойнее, даже оставил немного в банке. Антон осторожно погладил его по спине, и сеттер грустно взглянул Антону в лицо.

Тут как раз вышла хмурая тётка.

– Что ж вы собаку на солнце привязали, – сказали ей люди, стоявшие у магазина. – Хорошо, мальчик догадался, попить принёс.

– Продали мне эту собаку за сто рублей, говорили, дом сторожит, а она только сидит, вздыхает да в глаза заглядывает, – пожаловалась в ответ тётка, – теперь и мучаюсь. И сама болею и собаку мучаю. Был бы хороший человек, задаром бы отдала.

Тётка отвязала сеттера от столба, они пошли назад к Гагаринской улице. Антон снова брёл за ними следом.

Разговор

Сколько раз он так ходил за ними на небольшом отдалении, всё лето, мечтая хотя бы ещё раз прикоснуться к сеттеру, хотя бы поймать его взгляд! Иногда он набирался смелости, решался подойти к тётке и заговорить о чём-нибудь, о чём угодно: предложить донести тяжёлую сетку, полить огород, а в ответ тётка разрешила бы ему погулять с собакой. Но в последний момент смелости всё-таки не хватало.

И вдруг однажды тётка сама обернулась к Антону и заговорила с ним.

– Мальчик, ты зачем следом бродишь? Или замыслил что?

– Я не брожу, я так...– Антон растерялся.

– А я думаю, что не так. Или собака нравится?

– Нравится, – ответил Антон и почувствовал, что голос у него стал от волнения хриплым.

– А я вот собак не люблю. Купила, думала, привыкну, всё-таки живая душа. Не получается. И его мучаю, и сама мучаюсь,– повторила тётка вчерашнюю фразу.

Она замолчала, словно ожидала, что теперь Антон станет продолжать разговор.

Но Антону заговорить было невозможно.

– Завтра в город. И куда я его с собой повезу. Не было у бабы хлопот, купила она испанеля.

– Это не спаниель, это ирландский сеттер, – поправил Антон. – Спаниели меньше ростом, а уши у них длиннее.

– А мне всё одно, что сеттер, что испанель.

– Не испанель, а спаниель, – снова не сдержался Антон.

– Во-во, спаниель. Тот, который продавал, так и говорил – спаниель. Тётка замолчала опять и принялась рассматривать Антона.

Антон опустил голову, и даже жарко ему стало. Он почувствовал, что наступает главное мгновение.

– А что, – спросила тётка, – ты собак серьёзно любишь? Я смотрю, ты всё лето за нами бродишь.

Антон так и не смог выдавить ответ, а лишь кивнул опущенной своей головой.

– Чего же тогда тебе родители не купят? Или деньги жалеют?

– Жалеют, – сказал Антон.

Это была неправда, и поэтому выговорилась она легче.

– Ну-ну, – проговорила тётка и пошла с сеттером дальше.

Антон же остался стоять около дерева.

Полдня он не мог ни о чём другом думать. Все мысли были только о собаке. А к вечеру тётка снова вышла на улицу с сеттером. И сама подошла к Антону.

– Что-то я тебя всё одного вижу, без родителей. Где они у тебя? Отец-то есть?

– Есть, – соврал Антон, – он в Москве сейчас.

– А мама – тоже в Москве?

– Мама врачом в больнице работает.

– Врачом – это хорошо, – подумав, сказала тётка. – А что родители скажут, если собаку дома увидят. Не похвалят?

– Похвалят.

– Ну смотри, парень, – решилась тётка, – я тебе эту собаку дарю, но чтоб ты её ничем не обидел.

Антон стоял по-прежнему, глядя в землю.

– Что сказать надо, когда тебе дарят подарок взрослые?

– Спасибо, – с трудом выговорил Антон.

– Правильно, спасибо. Завтра утром я уезжаю, завтра с утра собака твоя. Ты мне адрес дашь, в город приеду, проверю, как ты его содержишь.

– Хорошо, – прошептал Антон.

– Приходи завтра с утра и забирай. Только смотри, чтоб всё было по-серьёзному... Этот, который мне продал, никудышный был человек. Спрашиваю, как собаку-то зовут. А он говорит – Буль. У меня, говорит, дома всех Булями зовут. – Тётка презрительно махнула рукой. – Это он так свое питьё на були меряет. Ну, у тебя-то собаке будет хорошо. Я видела, как ты его водой поил.

– Спасибо, – снова повторил Антон тихо.

Счастье

Это было счастье, счастье, счастье! У него была своя собака! Он мог теперь гулять с ней, сколько захочется. Хотя бы два дня, пока длится дача.

А потом он может взять сеттера в город, устроить у хороших людей жить, а сам будет ходить с ним каждый день.

У него была своя собака!

Он хотел быстрее дожить до утра, потому что боялся – вдруг тётка передумает.

Тетка не передумала.

– Пришёл? – обрадовалась она, когда Антон приблизился к калитке. – Молодец. Я всё приготовила: миску, поводок – прямо сейчас и забирай. А я дачу запираю – и в город. Вещи уже отправила.

Она неловко погладила Буля, прижала его голову к себе и сказала:

– До свидания, милый. Ты прости, что я с тобой так, не по-умному.

И Антон вдруг увидел настоящее тёткино лицо. Было оно не сердитым, не хмурым, а добрым и просто немного больным.

Они вышли за калитку, и тётка смотрела им вслед.

Антон держал в левой руке алюминиевую миску, а правой вёл Буля на поводке. Ему казалось, что вся улица их разглядывает.

Он гордо прошёл до угла по направлению к даче бабушки Насти, и только в эту минуту, дойдя до угла, понял вдруг, что ему с собакой деваться некуда. Ведь не вести же пса к своей даче – попробуй объясни бабушке, где он его взял.

На минуту ему стало страшно, даже захотелось бежать назад к бывшей хозяйке, посадить молча, не глядя на её изумление, сеттера рядом с ней и убежать куда-нибудь в лес.

Но тут он перехватил умный взгляд Буля, и страх прошёл. Антон решил пойти с сеттером в лесок к заливу. По дороге он несколько раз останавливался погладить пса и угощал его печеньем.

– Буль, Буль, – приговаривал он, – мы теперь с тобой вместе. Ты у меня самый хороший пёс.

Буль печенье ел с удовольствием и однажды в ответ лизнул руку.

Всё оказалось другим

Прежде, в мечтах, Антон часто представлял себе прогулки с собакой. Вот он идёт спокойный и уверенный, держит в руке поводок. А поблизости весело бегает сеттер, постоянно оглядывается на хозяина, ловит каждое его слово, каждый знак. «Сидеть!» – командует Антон, и сеттер мгновенно садится. Антон гладит его, берёт на поводок, они переходят дорогу, а потом Антон снова отпускает сеттера, и опять продолжается их счастливая прогулка...

Всё оказалось другим.

Большего позора с Антоном не случалось никогда. Едва они пришли в лес, и Антон отпустил сеттера, как пёс, понюхав кусты, мокрые от утренней росы, повернулся и не очень быстро, но не так уж и медленно побежал в сторону Гагаринской улицы.

– Буль! Буль! – звал Антон и показывал сеттеру печенье.

Но Буль перестал замечать Антона. Он приостанавливался на секунду, нюхал куст или столбик, а потом бежал дальше. Антон был для него посторонним, чужим.

И Антон представил, как сеттер сейчас прибежит к тёткиному дому, а тётка в это время будет как раз запирать калитку. Сеттер усядется рядом с нею, и тётка посмотрит на Антона презрительно, а потом скажет:

– Эх ты, нельзя тебе собаку доверять!

Антон бежал за Булем по улице и уже не звал его громко, а лишь тихо, про себя повторял:

– Что же делать, а? Ну что делать?!

На калитке у тёткиной дачи висел тяжёлый замок. Буль ткнулся носом в рейки, отодвинул одну из них и проскользнул за забор.

Он прошёл по песчаной дорожке, взобрался на крыльцо, вздохнул и лёг около двери на веранду.

Антон снова звал его, протягивая через забор печенье, но сеттер лежал, отвернувшись и уставившись носом в дверь.

Мимо по улице шёл человек.

– Не дразни собаку, мальчик, – сказал он строго.

– А я и не дразню, – ответил Антон со злостью. – Это моя собака, мне её подарили.

– И не разговаривай так грубо, – мужчина посмотрел на Антона ещё строже. – Кто тебе её подарил?

– Тётка!

– Какая тётка? – удивился прохожий. – Как её зовут?

Антон не ответил.

Прохожий покачал головой и пошёл по улице дальше. А Антон сел у забора на траву. Лезть через забор к сеттеру ему не хотелось. А другого выхода не было. Оказывается, недостаточно, когда один человек передаёт собаку другому. Надо, чтобы и собака поняла, что новый хозяин – её друг. Сеттер пока этого не понимал и по-прежнему считал хозяйкой хмурую тётку. Сохранял ей верность.

И ещё Антон стал понимать, что с Булем ему будет непросто. Но это была лишь первая трудность.

О других пока Антон не догадывался.

Новый день

Поднималось солнце, и становилось жарче.

Буль по-прежнему лежал на крыльце. Он вывалил язык и часто дышал.

Нужно было принести ему попить. Алюминиевая миска, которую прежняя хозяйка дала Антону, была всё ещё у него в руках.

Антон набрал из колонки воды в эту миску, просунул её через ту же щель, в которую пролез Буль. Сеттер оглянулся на воду, но с крыльца не сдвинулся.

Тогда Антон решился и перелез через забор. Он поставил воду рядом с сеттером, и лишь тогда пёс посмотрел на Антона, вильнул хвостом, а потом, спеша и расплёскивая воду, как в прошлый раз у магазина, принялся пить.

Потом, когда Буль напился, Антон посидел рядом с ним на крыльце, положив руку ему на спину, и пёс несколько раз вильнул в ответ хвостом.

...Вчера всё казалось простым. «Лишь бы собаку получить, а уж накормить-то её будет легко», – думал тогда Антон. Точнее, в те вчерашние минуты, когда решалось, быть у него сеттеру или нет, Антон о еде для пса и вовсе не думал. Как не думал особенно о том, где сеттер станет жить через несколько дней. Даже сегодня его поместить некуда было. Хорошо, под крыльцом была дверца, которая не запиралась, и сеттер, полежав рядом с Антоном, ушёл туда. Там был теперь его дом.

Обед Антон решил унести к Булю незаметно для бабушки Насти. Но ведь суп в руках не унесёшь. Зато, на второе была котлета, и её Антон спрятал удачно.

Но котлету Буль есть не стал. Он даже не посмотрел на неё, отвернулся.

Антон боялся теперь выйти с ним на улицу и просидел на крыльце рядом с сеттером до вечера. И до вечера Буль ничего не ел.

А утром Антон уезжал в город. Скоро начиналась школа, а перед школой, как всегда, – медицинский осмотр.

Антон взял из холодильника у бабушки Насти кусочек колбасы, сделал бутерброд и отнёс его Булю.

– Вечером приеду, ты не волнуйся, – успокаивал он пса, а Буль и не волновался. Буль, как и вчера, лишь шевельнул хвостом, но на еду даже и не посмотрел.

Антон положил еду на лист лопуха в тень около крыльца и побежал к своей даче. Там его ждала бабушка Настя, чтобы ехать в город.

Антон надеялся, что бабушка на дачу вернется. У него была маленькая комната под крышей. Днём, когда солнце разогревало крышу, в комнате было душно и при открытых окнах. Зато вечером от крыши с потолка шло приятное тепло. Напротив окна стояла сосна. От тоже шёл сухой, теплый, смолистый запах. По ночам сосна шуршала, поскрипывала, тихо вздыхала. Бабушка говорила, что съездит в город на день и вернется назад. Теперь, по дороге к электричке, Антон узнал, что бабушка передумала, решила приехать на дачу лишь недели через две, когда пойдут осенние грибы. Дачу она заперла на все замки, потому что дачники уже уехали. Получалось – и комната Антона была теперь заперта.

Копилка

И в электричке Антон, не переставая, думал о Буле. Увидел на платформе длинную кривоногую таксу – вспомнил своём сеттере.

Бабушка Настя заговорила о чём-то – он не слышал её, лишь кивал головой. Она проверила варенье в кошёлке, вновь говорила. Но Антон думал только о Буле.

Сеттера подстерегали опасности со всех сторон.

Во-первых, он по-прежнему не брал еду, а только пил.

Во-вторых, его легко мог украсть любой. Заберёт себе или продаст на сторону.

В-третьих, если Буль выйдет на дорогу, его могут схватить собаколовы и отправить на усыпление.

И он, Антон, ещё не став хозяином, уже бросил сеттера, едет по своим делам в город.

Бабушка Настя довезла Антона до дома на Колокольной улице.

Дома их ждала мама.

– Всё одна живешь, сама по себе, – сказала бабушка, пробуя из тарелки с синими цветочками мамин суп.

– Почему же одна, теперь вот Антон приехал, снова будем вместе.

– Выходила бы ты замуж, – сказала бабушка, продолжая хлебать суп.

– Это за кого же? – сказала мама, глядя в сторону.

– А хоть бы за того милиционера, который к вам на чай заходит. Это ничего, что ты врач, а он сержант. Главное, чтоб человек был добрый.

Мама негромко и грустно рассмеялась.

Такие разговоры бабушка Настя заводила всегда, когда видела маму. Антон слушать их не любил и старался быстрее уйти. Он и сейчас тоже быстро поел и побежал на осмотр в школу.

Маму, вышедшую за кого-нибудь замуж, он не представлял. Он привык, что в жизни их только двое: мама да он.

В школе на осмотр собрался почти весь класс. Каждый рассказывал свои новости: кто где летом был, кто что делал. Ан-

тону тоже хотелось рассказать про Буля, но он молчал, потому что о сеттере рассказывать было пока нельзя.

Осмотр длился долго: была большая очередь. «Как осмотрюсь, так на дачу к Булю поеду», – думал Антон.

Но на дачу ехать ему не пришлось.

Когда он вернулся домой, бабушки Насти уже не было. Антон надеялся, что мама тоже уйдёт на вечернее дежурство в «скорой помощи». Он ещё деньги хотел взять из копилки, потому что других денег на еду для Буля у него не было.

– А мы с тобой в кино идём, – сказала мама. – Я так по тебе соскучилась! Сегодня у меня выходной, я уже билеты взяла.

А Буль оставался на даче один. Без еды и питья.

Во время фильма зрители громко смеялись, потому что показывали комедию. Мама тоже смеялась. Лишь Антону было непонятно – и чего смешного все они находят в этом скучном фильме. Ему даже спать под конец захотелось.

Зато утром он проснулся рано и всё ждал, когда же мама уйдёт на работу.

– Что ты так рано проснулся, вставай завтракать, если не спишь, – сказала мама. – Вставай, вставай, дружок, и скушай пирожок, – пропела она.

Она и в самом деле успела к завтраку испечь пирожки.

– Какие у тебя планы на сегодняшний день? – спросила она за завтраком. – Я сразу из больницы на дежурство в «скорую помощь». Вся еда – в холодильнике. Не разучился подогревать?

– Не разучился, – ответил Антон.

– Будет минутка, вечером забегу.

Как только за мамой захлопнулась дверь, Антон взялся за копилку. Это был игрушечный чемоданчик с ручкой и замком. Замок открывался специальным ключиком.

Антон вывалил деньги на постель и стал пересчитывать. В копилку они собирали монеты уже больше трёх лет.

Антон взял на еду собаке, остальные деньги высыпал назад.

На углу в магазине он купил пакет молока, рядом в булочной – городскую булку.

Встреча в булочной

В булочной к нему подошла Саша.

Конечно, не к нему подошла, а просто остановилась рядом, взяла батон, круглый хлеб, встала за Антоном в очередь, чтобы заплатить деньги.

Антон уже столько раз представлял, как они однажды окажутся рядом, хотя бы где-нибудь в кино, как он постарается сказать ей что-нибудь весёлое, чтобы сразу показать, какой он остроумный, а она в ответ улыбнётся и посмотрит на него и тоже что-нибудь скажет. И так у них завяжется знакомство.

И вот они встретились. И произошло это в булочной. Он держал дурацкий пакет с молоком, а в другой руке булку и никак не мог нащупать в кармане мелочь. Даже кассирша на него заворчала, что он так долго копается. А на Сашу он не смотрел, лицо его само собой стало деревянным, ноги-руки – тоже деревянными, и уж не только остроумного слова, а даже просто слова сказать он ей не мог.

Они вышли из булочной почти одновременно. Саша сразу пошла к своему дому, Антон же – к метро «Владимирская».

...В электричке Антону стало страшно.

Это прежде всё казалось так просто: была бы собака, а остальное решится само собой.

Даже осень и та казалась далекой. А оказывается, вот она – осень.

За окнами поезда по-осеннему гнулись от ветра желтеющие клёны, на низком осеннем солнце горели рябины, по шоссе ехали машины с грибниками – у каждого огромная корзина, не только гриб в такую влезет, а даже и медведь поместится.

Осень пришла, но Антон не знал, где поселить Буля. Кто ж согласится собаку держать у себя просто так, не считая её своей.

Потом он вспомнил про булочную и Сашу. И ему стало стыдно ещё больше, чем в булочной, оттого что он так одеревенел, долго возился с мелочью в кармане и выглядел перед Сашей по-дурацки. «Но уж в следующий раз!» – подумал он.

Наконец электричка остановилась у платформы Тарховка.

Саша

Ну конечно, Саша узнала этого странного мальчишку в булочной. Он смотрел на неё испуганно, не отводя глаз, а потом выбежал на улицу.

Она и прежде его замечала, всегда чувствовала его взгляд, когда он шёл следом по Владимирскому проспекту. И ей становилось неловко от этого взгляда, казалось, все прохожие понимают и перемигиваются – вон идёт следом за девочкой мальчишка и смотрит на неё в упор.

Лишь однажды она сама смотрела на него и даже закричала громко, на всю улицу: это когда он забрался с фотоаппаратом на троллейбус, а троллейбус неожиданно поехал и повёз его на крыше. Хорошо, что водитель услышал крики на улице и троллейбус быстро остановился.

В обычные дни Саша редко вспоминала про этого мальчишку, но иногда почему-то случалось, что думала только о нём, и ей хотелось, чтобы он снова встретился на улице, снова шел следом и смотрел на неё не отрываясь.

Удивительно: почти всегда в такие дни мальчишка обнаруживался на улице и смотрел на неё, смотрел!

А впервые она его заметила год назад в начале мая, когда готовилась к экзамену по музыке.

Была жара, окна раскрыли, она всё воскресенье сидела у пианино и повторяла сонатины, а когда в перерывах подходила к окну, видела на противоположной стороне проспекта одну и ту же фигуру. Сначала Саша думала, что он просто ждёт там кого-то, а потом поняла, что он притворяется ожидающим, на самом же деле смотрит на её окна.

Весь день он там простоял или отходил куда-нибудь, Саша не знает. Уже вечером к нему подошла женщина, что-то сказала сердито, мальчишка сразу отвернулся от Сашиного окна и пошёл следом за женщиной, наверно, за своей мамой.

С тех пор Саша и стала узнавать его.

А однажды этого мальчишку окликнул на улице другой мальчишка и назвал его Антоном.

Корова

Антон подходил к даче и уже издалека смотрел сквозь забор на крыльцо – хотел увидеть Буля. Но Буля на крыльце не было... И когда Антон встал у забора вплотную, Буля он не увидел тоже.

«Украли!» – подумал он с ужасом. Ему даже отодвигать рейки и лезть в дыру на чужой участок расхотелось.

А может быть, бывшая хозяйка вернулась проведать дачу, увидела, что Буль один и увезла его?

Антон всё-таки полез в дыру, и едва он скрипнул рейками, как рыжий сеттер сразу выскочил из-под крыльца и бросился навстречу.

Кто-то, наверное, испугался бы, если бы ему навстречу бросилась собака, да так неожиданно! Но у сеттера было настолько радостное выражение морды, что Антон сразу понял: Буль его ждал и вчера, и сегодня утром.

Антон тоже смеялся от радости и подставлял Булю щеки, а Буль счастливо их лизал.

Вчерашняя еда была съедена, и вода выпита тоже.

Антон налил в миску молока, накрошил булку, и сеттер тут же принялся есть, расплескивая молоко по крыльцу. Но потом, когда у миски были вылизаны все края, аккуратный пес и с деревянных половиц тоже слизал все белые молочные капли.

А потом они пошли гулять.

Буля можно было бы и без поводка вести, он бы всё равно шёл рядом – Антон это сразу почувствовал. Но по улице иногда проезжали машины, и поэтому до леса Антон вёл Буля на поводке. А в конце улицы, у первых деревьев, отпустил.

И там Буль весело бегал вокруг Антона. А Антон бросал ему палку, командовал: «Аппорт!» – и Буль сразу подносил, обегал кругом и усаживался с палкой у левой ноги.

Скоро Буль улегся на мху, Антон тоже сел рядом на пень. Буль громко запыхтел, и Антон понял, что пёс так отдыхает и охлаждает себя. Потом они снова вместе играли. И счастливее минут у Антона, наверно, не было никогда в жизни.

Но тут неожиданно из-за кустов появилась бодливая корова. Она и раньше паслась там, привязанная тонкой верёвкой,

медленно жевала траву и задумчиво смотрела на редких прохожих. Вечером корову забирала старушка с палкой, и Антон всегда думал, что корова эта спокойная и добрая.

А сейчас корова тащила за собой обрывок верёвки и шла в наступление на Буля – рогами вперёд. Антон сразу понял, что корова идёт в нападение, такой у неё был упрямый и злобный вид.

Буль сначала не заметил её, а потом стал пятиться к кустам.

Кусты были густые, они сплелись ветками, и через них невозможно было продраться. Антон даже не подумал – подумать он не успел, скорее, почувствовал, что ещё полминуты и озверевшая корова прижмёт Буля рогами к этой зелёной стене.

И тут он увидел на земле длинную ветку с высохшими листьями. Он схватил эту ветку, подскочил к корове и хлестнул её изо всех сил по спине.

Раньше он и к мирной корове ни за что не подошёл бы так близко, он был городским человеком, а все городские коров остерегаются. Но сейчас, когда рога нацелились прямо на Буля и Буль, прижатый к кустам, робко взглянул на Антона, весь страх забылся.

Антон снова и снова хлестал корову по спине.

Корова остановилась, и мгновенно вид у неё опять стал смирный и добрый. Она даже оглянулась на Антона виновато, и Антон закричал ей, как настоящий деревенский пастух:

– Пошла отсюда! А ну пошла!

И корова шагнула в сторону, а потом отбежала на несколько шагов.

А Антон повёл Буля на другую лужайку. Теперь он даже самому себе казался смелым и решительным, а Буль смотрел на него с уважением. Как на настоящего друга.

Пора было возвращать Буля назад, на дачу. А так не хотелось оставлять его за забором! Но в городе ему негде было пока жить.

Антон уходил, и всё оглядывался на Буля. А Буль просунул голову между реек и грустно смотрел на Антона. Уходя, Антон сказал ему: «Место!» – и Буль честно выполнил приказ.

Первое сентября

Утром первого сентября всегда чувствуешь себя необычно. Ты идёшь по улице, на тебя светит низкое неяркое солнце и дует прохладный ветер, издалека из громкоговорителей летит праздничная музыка. И каждому школьнику кажется, что взрослые прохожие на него оглядываются со вниманием. А взрослым в это время тоже и грустно, и празднично, потому что в их памяти оживают свои первые сентября, свои волнения. Такой уж это необыкновенный день, когда каждый школьник начинает новую жизнь, и вновь вспыхивают надежды, и кажется, что теперь-то уж, в новом учебном году, удача тебя не обманет... И первые минуты первого урока тоже чувствуешь себя необыкновенно и празднично...

Антон сидел за одной партой с Колей Кудлаевым, и они часто ходили вместе из школы, потому что жили на одной улице в соседних домах.

– Я с Урала коллекцию камней привёз, – сказал Коля,– пошли после школы ко мне.

Антон согласно кивнул. А на последнем уроке вспомнил, что он же к Булю должен ехать на дачу.

После уроков они вышли и вместе дошли до Владимирской площади.

На углу Антон остановился.

– У меня дело есть. Мне в метро надо.

– Ты чего? – удивился Коля. – Сделаешь дело потом. Было видно, что он обиделся.

– Нет, надо сейчас, – сказал Антон извиняющимся голосом. – Завтра покажешь, а?

– А может, у меня завтра настроения не будет?

Так они и пошли в разные стороны, недовольные друг другом, и Антону было неприятно оттого, что он ни за что обидел Колю Кудлаева. И в метро, и в электричке он ехал с этим неприятным ощущением. Только когда вышел на Гагаринскую улицу и увидел издалека сквозь забор Буля, настроение его улучшилось.

Буль обрадовался Антону еще больше, чем вчера. А потом они опять вместе гуляли, и не хотелось им расставаться. Надо было что-то обязательно придумывать, надо было переселить Буля в город.

Пустой дом

И на следующий день, второго сентября, сразу после школы Антон опять поехал на электричке к Булю. А перед этим, как и вчера, обидел Колю Кудлаева. Потом было воскресенье, и Антон сказал маме, что идёт гулять по городу с Колей. Он и вправду зашёл к нему и посмотрел, наконец, его коллекцию камней. Камни были интересные – целый тяжёлый ящик. Коле хотелось их всем показывать, но не носить же тяжеленный ящик с собой, и Коля зазывал гостей к себе.

От Коли Антон поехал на дачу к Булю, и они гуляли почти весь день. Антон купил Булю дешевой колбасы, и они с Булем съели её вместе.

А шестого сентября с утра полил дождь и задул холодный ветер.

Уроки кончились, но на вокзал ехать не хотелось, а было надо. Антон представлял, как Буль сидит под мокрым крыльцом, на него сквозь щели стекает холодная вода и задувает ветер, и ругал себя за то, что не позаботился как следует о псе и что до сих пор не знает, куда поместить его в городе. Он хотел было заговорить с Колей Кудлаевым, но у Коли в квартире жили две кошки. Эти кошки были знамениты своей вредностью: они первые нападали на собак, и одна собака даже умерла от разрыва сердца, так перепугалась кошачьего нападения. Это Коля ещё весной рассказывал. Других людей, которым можно было доверить тайну Буля, Антон не знал. А к сержанту милиции ему идти не хотелось, потому что он мог рассказать обо всем маме.

В буфете на вокзале Антон купил для Буля четыре жареных пирожка и пакет молока. По мокрой платформе к поезду люди бежали бегом. Поезд тоже стоял весь мокрый, а когда тронулся – дождь замолотил по окнам и стал растекаться на стеклах.

Пока Антон шёл от электрички до Буля, он совсем промок. Перед забором была широкая лужа. На крыльце оставались сухими лишь две узенькие полоски. И на Буля действительно капала вода.

Буль обрадовался Антону, быстро съел из миски накрошенные в молоко пирожки, но потом убрался назад под крыльцо и лишь высунул голову, как бы приглашая Антона в гости к себе. Сверху ему на нос каплями падал дождь, и он время от времени смешно встряхивал головой и вновь смотрел на Антона, звал его к себе.

Антон погладил его, а потом пошёл назад к электричке.

Он совсем продрог, пока ждал поезда и даже в вагоне едва согрелся.

«Ну конечно, это не дело – держать собаку под крыльцом, одну, саму по себе, особенно теперь, когда задули холодные ветры и начались дожди», – думал Антон в метро по дороге домой. А когда он вышел на свою Колокольную улицу, появилась у него в голове замечательная мысль.

Он поднял глаза и увидел пустой дом, огороженный забором.

Этот старинный дом на углу Дмитровского переулка и Колокольной готовили для капитального ремонта, жильцов из него выселили, и он стоял пустой с тёмными окнами.

Ломать его внутренние стены собирались только весной, так сказал сержант милиции Петренко, а значит, всю осень и зиму дом пробудет целым.

Антон пролез через дыру в заборе, вошёл в пустое парадное, на ступеньках лестницы лежала толстым слоем пыль, а ноги его оставляли чёткие следы. Антон поднялся на второй этаж. Двери всюду были не заперты, и он обошёл несколько квартир, стараясь дышать и ступать тише, словно за ним следом кто-нибудь крался. В доме было непривычно тихо, мертво, и лишь в окна иногда доносились уличные звуки. В некоторых квартирах стояла кое-какая ненужная мебель, на ней, как и на полу, толстым мохнатым слоем лежала пыль.

На третьем этаже в квартире номер двадцать Антон увидел большой картонный ящик из-под цветного телевизора.

В ящике даже человек мог поместиться, а для Буля это был настоящий дом. Конечно, Булю будет уютнее, если он не просто в пустой комнате станет жить, а в собственном, хоть и картонном, доме.

«Поселю его пока здесь, – решил Антон. – Буду гулять с ним утром перед школой и

по дороге домой».

Следующий день был солнечным, но Антон всё равно сразу после уроков поехал за Булем, захватил его миску, налил в пустую валявшуюся у забора бутылку воды, чтобы попоить сеттера в поезде, и повёз его в город.

И всё-таки изнутри это был странный дом.

Кроме кривой поломанной мебели, жильцы оставили на некоторых стенах свои фотографии, цветные картинки из журналов. В бывших кухнях торчали трубы без кранов и раковин. Антону страшно было шагать по дому даже вместе с Булем. Ему всё время казалось, что в доме есть кто-то ещё, что кто-то ходит, вздыхает, кашляет, шелестит то на нижнем этаже, то наверху.

Антон настороженно прислушивался и каждый раз убеждал себя, что никого в доме, кроме них, нет.

В другой квартире он взял чистый красивый половик. Надо было лишь стряхнуть с него пыль на лестнице. Этот половик Антон положил в картонный ящик. Рядом поставил миску с водой и сказал Булю: «Место».

Буль улёгся и спокойно задремал.

Антон посидел с ним рядом, а потом пошёл вниз по лестнице. Он хотел сходить домой, чтобы принести для пса новой воды и какую-нибудь еду. Он уже пролез в дыру, уже прошёл вдоль забора до самого угла и вдруг услышал, что кто-то его догоняет.

Оглянулся – это был Буль... Оказывается, пёс так и не понял, что переселился теперь в квартиру на третьем этаже.

Антон снова отвёл Буля в ту квартиру и на всякий случай обвязал ручку двери верёвкой, прикрепил её к крюку, так что дверь теперь Булю было не открыть.

Прогулка

Вечером он вывел Буля гулять. Медленно они прошлись по Дмитровскому переулку, и все люди оглядывались на них. А одна старушка сказала:

– Красавец какой идёт.

В угловом садике вечером всегда были люди с собаками. И в тот вечер тоже – бородатый человек в шляпе выгуливал красиво подстриженного пуделя.

– Твой пёс не дерется?– спросил бородатый Антона и настороженно посмотрел на Буля.

– Он умный, – сказал Антон с уверенностью, хотя и не знал, как поведёт себя Буль с этим пуделем.

Но Буль, и правда, повёл себя умно. Он обнюхал пуделя и отошёл к Антону.

Антон сел на скамейку рядом с бородатым человеком, и Буль тоже сел около них.

– С воспитанной собакой в городе легче, – сказал человек Антону. В этот момент на улице издалека показался велосипедист. Антон и не заметил бы его, но пудель вдруг выскочил из садика и помчался велосипедисту навстречу. При этом он смешно лаял тонким, но злым голосом.

– Ну вот, как раз, – человек с бородой грустно вздохнул, – он терпеть не может велосипедистов.

Человек подошёл к воротам и громко закричал:

– Паша! Пашенька! Паша, ко мне!

Пудель, не слушая его, бегал вокруг велосипеда, подпрыгивал, отскакивал в сторону. А когда из-за угла выскочило такси, он даже не обратил на него внимания. Велосипедист как раз поравнялся с такси, и пудель бросился под колесо машины. Такси заскрипело тормозами.

Хозяин пуделя уже подбегал к машине. Ему удалось схватить своего кудрявого пёсика, но водитель такси всё равно открыл дверь и стал ругать хозяина.

– Первый раз за месяц решили отпустить, ему ведь тоже надо побегать, – оправдывался бородатый человек.

Такси уехало, а человек и пудель снова пришли в садик. Теперь пудель был на поводке.

– Сегодняшний город не для собак, – горестно проговорил хозяин пуделя, опять садясь на скамейку рядом с Антоном. – Им бегать необходимо, а тут машины кругом. Тебе хорошо, у тебя пёс вон какой смирный. А мой – ещё молодой, ему резвиться необходимо

Велосипедист сошёл со своего велосипеда, подошёл к ним и оказался Колей Кудлаевым.

– Тебе собаку купили? – удивился он. – Чего же ты не сказал. Твоя собака? – снова переспросил он.

– Моя. – Антон ответил специальным уверенным голосом, чтобы Коля не сомневался.

– А мне с нашими квартирными кошками только во сне собаки снятся. Она обученная?

Антон молча подобрал палку, лежавшую у скамейки, и бросил её в тёмный угол садика. Буль тут же сорвался с места, потоптался там в темноте и бегом принёс палку в руки Антона.

Бородатый человек снова похвалил:

– Рыжие сеттеры – умнейшая порода!

Он погладил своего пуделя, встал и отправился к дому.

Коля тоже отвез свой велосипед подальше от них и поехал в сторону своего дома.

Антон подождал, пока Коля скроется за угол, и только тогда повёл Буля в пустой дом.

Кончились деньги

Утром у Антона кончились деньги.

Их и раньше оставалось в копилке немного. Хорошо, мама давала на завтрак.

Сначала Антон рассчитывал, что сам он есть в школе не будет, а станет покупать еду Булю.

В большую перемену все бежали в буфет. Кто покупал булочку и сок, кто сосиски, а кто жареные пирожки. Антон с Колей Кудлаевым в прошлом году тоже всегда ходили в буфет. Лишь иногда Антон голодал день или два, чтобы прикупить себе что-нибудь для фотографирования.

Голодать ежедневно оказалось трудным.

Коля Кудлаев звал его в буфет, а он притворялся сытым и специально уходил в другой конец коридора. Там поставили фонтанчик с водой для питья. Антон ещё весной прочитал в одной книге, что если хочешь унять чувство голода, надо пить больше воды. В первый день он пил и пил всю перемену, но есть по-прежнему хотелось, хотя вода уже выливалась изо рта в раковину.

Потом Антон не сдержался. Проголодав большую перемену, перед последним уроком он решил заглянуть в буфет просто так, для интереса, чтобы посмотреть, не изменилось ли там что-нибудь. И сам, не ожидая этого, вдруг подошёл к буфетчице и набрал всё, что пробовал прежде: и сосиски, и булочку, и жареный пирожок.

– И ты успеешь это всё съесть? – удивилась буфетчица.

– Успею, – проговорил Антон, откусывая сразу половину пирожка. Денег ушло в тот день в три раза больше, чем на обычный завтрак.

А сегодня на последние копейки из копилки он купил Булю пакет молока и четвертинку чёрного хлеба. На завтрашнюю еду для сеттера денег не оставалось. Их надо было срочно искать.

Непонятная история

Саша шла по улице и увидела Антона. Он вёл красивую рыжую собаку. Собака часто оглядывалась на Антона и радостно мотала хвостом. Саша прошла немного следом за ними. Она любила смотреть на собак.

И вдруг Антон скрылся. Впереди был дом с пустыми окнами, приготовленный для ремонта. Вокруг дома стоял забор. Антон увёл собаку зачем-то туда, за забор.

На другой день у Саши было занятие в музыкальной школе, и Антона она не видела. А на третий – она вышла на улицу специально в то же время, и опять Антон гулял с собакой, а потом опять увел её за забор.

Любой человек заинтересуется такой непонятной историей.

Саша подождала недалеко от забора в подворотне минут пятнадцать и, наконец, снова увидела Антона. Он вылезал через дыру в заборе один, без собаки. Оглянулся и отправился к своему дому.

Луноход

Раньше Антон о деньгах особенно не задумывался. Семейные деньги лежали на полке в коробочке, их обычно хватало до маминой получки.

Если Антону нужно было взять деньги на фотографии или для школьных надобностей, он брал, а потом говорил маме. Если мама забывала дать на завтрак, он сам себе отсчитывал – на четыре дня. Так было уже несколько лет – Антон в любой момент мог взять деньги из коробки, если они требовались.

Года два назад с ним произошёл несчастный случай. Антон был на дне рождения у Коли Кудлаева. Там они весь вечер играли радиоуправляемой игрушкой – луноходом, который мог поворачиваться, мигать лампой, ездить вперёд и назад. А отдавать приказы ему можно было даже из другой комнаты – по специальному аппаратику с клавишами и антеннами.

– В Гостином дворе продаётся! – с гордостью сказал Коля Кудлаев.

И как же захотелось Антону играть такой же игрушкой дома! После школы он сходил в Гостиный двор и узнал, сколько этот луноход стоит. Домой он бежал быстро, как только мог, боялся, что луноходы раскупят. Мама была на работе, а в коробке лежало две бумажки по пятьсот рублей. Антон взял обе, и через час вездеход уже разъезжал по их комнате, урчал, мигал сигнальной лампой, а Антон командовал им со своего складного диванчика. В коробке оставалась теперь лишь сдача.

Антон играл луноходом часа полтора, потом ему надоело, он оставил игрушку в углу, а сам сел за уроки.

Вечером пришла из больницы мама, решила сходить в магазин, открыла коробку, а денег мало. Взглянула она на луноход, что стоял в углу, и всё поняла.

– Завтра я заплачу за электроэнергию, и останется у нас до получки денег только тютелька. А получка через пять дней. Так что нам с тобой на разъезды да тебе на школьные завтраки хватит. Картошка дома есть, подсолнечного масла тоже почти полная бутылка, как-нибудь проживём.

Занимать деньги мама не любила.

Лучше бы она тогда его отругала. Отлупила бы луноходом по спине. Так нет же, весело напевая, чистила картошку, а потом утром и вечером макали они её в подсолнечное масло да пили чай с хлебом и залежавшимися леденцами. При этом мама подкладывала сыну картофелину размером побольше, а сама старалась пить чай несладкий.

Эту стыдную историю Антон не забывал никогда.

Поэтому сейчас для Буля он не мог взять деньги из коробки, хотя они и лежали свободно. Надо было добывать деньги как-то иначе.

Но Антон так ничего и не придумал и лег спать.

Утром он, как и во все эти дни, встал на полчаса раньше, чтобы погулять с Булем. Буль издалека слышал шаги Антона на гулкой пустой лестнице и нетерпеливо взлаивал за дверью. А когда Антон отпирал дверь, Буль счастливо прыгал навстречу ему и облизывал лицо, и щёки, и уши.

Потом они гуляли. Шли до Невского по одной стороне улицы, а возвращались по другой. И так им было радостно идти вместе. Тротуар освещало низкое нежаркое солнце. От Буля и Антона падали на асфальт длинные тени. А шерсть Буля красиво отсвечивала на солнце.

Во время прогулки Антон перебрал в памяти всё, что он мог продать: фотоаппарат, старый увеличитель, фонарик, складной нож, паяльник и луноход. Никто из знакомых не стал бы это покупать.

Обычно после школы Антон заходил в магазин и покупал еду для Буля. Потом дома наливал в бутылку воды и шёл с бутылкой и едой к сеттеру.

Он думал о деньгах весь день, даже во время диктовки. И когда кончился последний урок, когда все одноклассники Антона, подталкивая друг друга, устремились в раздевалку, Антону пришла в голову настоящая идея.

Собака в пустом доме

Саше страшно было лезть в ту дырку в заборе, за которой скрывались Антон и собака. Но не узнать, что там, было нестерпимо интересно. «Загляну на секундочку и сразу назад», – подумала она.

Осторожно пролезла Саша в щель и подошла к парадному. Ничего особенного там не было. Пустой тихий дом. Она постояла немного у двери, потому что трудно было решиться и войти внутрь дома. Но всё-таки она решилась, вошла в парадное.

По бокам на лестнице лежала пыль. Посередине ступеньки были чище, иногда на них были видны следы человеческих и собачьих ног. На стене был выцарапан нелепый диалог: «Димка-красавчик» и ответ «Сам такой». Всё, как в любом старом доме. Всё, кроме пустоты да тишины.

На цыпочках поднялась она на второй этаж и отшатнулась от распахнутых дверей. От пустых с раскрытыми дверями квартир ей стало страшно, и она решила уже сбежать вниз, но вдруг услышала сверху негромкий собачий лай.

Саша подождала немного. Лай стих, потом снова повторился. Так у соседей взлаивала собака, когда ждала хозяев. Наверно, эта собака тоже кого-то ждала, может быть, Антона.

Ещё осторожнее поднялась она на следующий этаж. Лай шёл из-за закрытой двери. Ручка двери была привязана к крючку верёвкой.

Саша быстро, не задумываясь, развязала верёвку, дверь распахнулась, и из квартиры выскочила та самая красивая рыжая собака. Она выскочила с радостью, словно хотела подпрыгнуть, встать на задние лапы и облизать Саше лицо. Но тут же, уже во время прыжка, собака поняла ошибку, присела смущённо, потом отпрыгнула в сторону, к лестнице, там гавкнула коротко, зевнула и равнодушно пошла внутрь квартиры.

Получалось, что она вовсе и не к Саше прыгала, а лишь на лестницу, чтобы на кого-то невидимого сверху пролаять.

Саша пошла за собакой следом. Собака уже лежала на коврике около огромного картонного ящика, стоявшего вертикаль-

но. Рядом с нею была миска с водой, обглоданная кость и резиновый мячик. На подоконнике лежали поводок и ошейник.

Теперь Саша всё поняла.

В кармане у неё была ириска. От конфеты, положенной на пол, собака равнодушно отвернулась.

Саша осторожно погладила сеттера по спине, а потом медленно пошла к выходу. Она боялась, что собака тут-то и вскочит и не выпустит её из квартиры. Но сеттер оставался лежать, лишь следил за ней большими грустными глазами.

Саша вышла из квартиры и снова привязала дверь верёвкой.

Пальто

В мае, перед концом учёбы, мама купила Антону новое пальто. Антон не очень-то любил крутиться перед зеркалом, но в магазине, когда мерил пальто, его отражение ему понравилось. Пальто было с погончиками, кроме боковых карманов, на нём были ещё и нагрудные с красивыми пуговицами. Антон даже себя другим человеком в нём почувствовал – серьёзным и взрослым.

Это пальто он ни разу не надевал, даже ярлыки болтались на длинных нитках.

Ещё у Антона была старая нейлоновая куртка. И в ней можно было проходить осень, а может быть, и следующую весну.

Это пальто он отнесёт назад в магазин. Такая была прекрасная идея. А маме скажет, что потерял его или стащили в школе.

...В магазине, в отделе детской одежды, в Гостином дворе на втором этаже с Антоном разговаривали недолго.

– Что тебе надо мальчик? – спросила пожилая продавщица с утомлённым лицом.

– Я пальто назад принёс, мне другое купили,– соврал Антон бодрым голосом.

Он выложил на узкий прилавок около кассы своё пальто с этикетками. Но продавщица лишь покачала головой:

– Мы не берём вещи назад, мальчик. Тем более, без чека. Пальто хорошо сшито? Рукава на месте?

– На месте, – растерянно ответил Антон. Он не мог поверить, что совсем новое пальто с неоторванными этикетками в магазине назад не берут.

– Ну вот, – сказала продавщица. – Был бы брак, один рукав длиннее или пола короче, тогда бы взяли и деньги бы вернули. А раз хорошо сшито – носи на здоровье. – Продавщица отвернулась от Антона и стала упаковывать пиджак и брюки другим покупателям.

– У меня же два пальто получается, – продолжал твердить Антон.

– И хорошо, что два, богатым будешь.

Антон продолжал стоять около неё, а она опять отвернулась – наверно, считала, что всё уже ему объяснила.

Наконец она посоветовала:

– Сходи в Апраксин, там возьмут на комиссию.

Антон принялся складывать своё пальто, но у него получалось плохо, пальто вырвалось и едва не упало на пол. Продавщица молча взяла пальто из рук Антона, быстро и красиво свернула, а потом упаковала в новую бумагу.

В Апраксином дворе – почти таком же длинном старинном торговом здании, как Гостиный, был комиссионный магазин. Антон это знал. Апраксин даже находился рядом с Гостиным.

Антон долго ходил вдоль первого этажа от витрины к витрине, пока не прочитал, наконец, надпись: «Приём детской одежды».

Одежду принимали на третьем этаже.

Ещё позавчера Антон ни за что бы не решился ходить вот так по магазинам и продавать собственное пальто. И сейчас несколько раз ему становилось страшно, несколько раз он поворачивал назад, к дому. Думал:

«Ладно, потом придумаю, как достать деньги». Но тут же вспоминал про Буля. Вот он входит сегодня к Булю, тот радостно встречает его, ждёт еды, а еды-то никакой нет. И завтра тоже не будет.

На третьем этаже сидели две женщины с толстыми сумками. На Антона они посмотрели подозрительно.

– Будешь за нами, мальчик, – сказала одна, продолжая его рассматривать. Потом она повернулась к соседке и недовольно проговорила:

– Посылают же таких детей! Сами ленятся!

– А он, может, и не своё принёс, – подхватила вторая.

И первая согласно кивнула головой, словно говоря, что она, конечно, понимает, на что собеседница намекает, и согласна с ней, да только ввязываться ей ни во что не хочется.

Антон тоже, конечно, понял. Но сделал вид, что не слышал их разговора, даже отвернулся к стенке, хоть и хотелось ему заплакать от обиды.

Наконец он внёс своё пальто в комнату, где сидел приёмщик одежды.

– Позови маму, мальчик, – сказал приёмщик в очках. – Где она у тебя? Приемщик осмотрел, ощупал пальто, даже понюхал его, подержал в руках этикетку.– Пальто новое,– проговорил он.– Ни разу не надевал?

– Ни разу.

– Цена будет чуть ниже. И денег вы с мамой получите меньше на двадцать процентов. Магазин берёт за комиссию. Согласны?

– Хорошо, – тихо ответил Антон.

Приемщик нетерпеливо оглянулся.

– Что же мама твоя копается, не входит?

– Она на работе.

– То есть как на работе? Ты что же, один пришёл?

– Один.

– Зачем же ты тогда время отнимаешь? – Приёмщик обиженно снял очки.

– В правилах у двери ясно сказано: без паспорта вещи на комиссию не принимаются. Приходи завтра с мамой. Пальто хорошее, и пусть она паспорт захватит. Паспорт у неё есть?

Антон спустился со свертком вниз и остановился на улице около дверей. Мимо шли прохожие. Они торопились, наталкивались на Антона, недовольно обходили его, а он не знал, что делать дальше. Ещё по дороге он сомневался, думал, может, не стоит продавать именно пальто. Может, как-то иначе раздобыть денег. Потом, когда решился, всё казалось простым: вернёт пальто в магазин, получит деньги и сразу пойдёт покупать еду для Буля. И всё-таки сдавать пальто по-прежнему

не очень хотелось, и не потому, что было жалко, нет, он даже думал о себе с гордостью: вот он какой, ради любимой собаки готов всю осень ходить в старой куртке. Желание отдавать пальто пропадало сразу, как он представлял разговор с мамой. Ведь надо было придумать, что соврать и как выкрутиться. А теперь, когда у него ничего не получилось, он вдруг почувствовал, что ему просто необходимо избавиться от этого пальто, иначе отойти от магазина невозможно.

И тут на него наскочил весёлый небритый человек.

– О чём грустишь, мужичок? – спросил небритый. – Он быстро взглянул на сверток и сразу всё понял. – Отойдем-ка в сторону.

Антон послушно поплёлся за ним,

– Продаёшь? – спросил небритый, зайдя за угол. Там было спокойней.

– Да, – волнуясь, хрипло ответил Антон.

– Так показывай, чего стоишь, как часовой на посту. Разверни, не бойся, не отниму.

Антон стал разворачивать.

– Ага, пальто, значит, – довольно сказал небритый. – Где украл-то?

Антон вздрогнул от этих слов, а небритый засмеялся:

– Да шучу я, шучу. Шутка такая. Своё, значит, собственное? Деньги нужны?

– Нужны... – Антон кивнул.

– Да, мужичок, деньги всем нужны. Ну вот что... Я человек честный и сразу по-простому тебе скажу – мне мальчиковое пальто ни к чему. Мне девочкино надо. Ведь из этого твоего девочкино не сошьёшь? Чего молчишь? Ты выступай!

– Не сошьёшь, – согласился Антон.

– Но, – небритый взмахнул рукой, – люди должны помогать друг другу. Согласен? Ты выступай, не молчи.

– Согласен, – подтвердил Антон.

– И чтобы тебе помочь... – тут небритый полез в карман и достал мятую купюру. – Вот тебе капитал и скачи, пляши, радуйся.

– Пальто в пять раз больше стоит! – не согласился Антон.

– Неужели в пять? – Небритый притворно ахнул. – А я думал, в тысячу. Так ты и неси туда, где тебе больше дадут. Да-

вай неси, а я пошёл. – И небритый сделал вид, что уходит. – Ну чего же ты?

– У меня паспорта нет.

– У тебя паспорта нет, а я тебе хочу помочь... Ладно, так и быть... Небритый достал из кармана ещё одну мятую десятку. – Или тебя в милицию отвести? Очень ты мне, мужичок, подозрителен. Наверно, ты малолетний вор и спекулянт. Спешу я, а всё-таки, пожалуй, и отведу. Ты-то как думаешь? Ты выступай, выступай!

Уже через пять минут Антон ругал себя изо всех сил, что он взял у небритого деньги и передал ему своё пальто.

– Да я пошутил, – снова сказал небритый. – Я же вижу, что ты – честный мужичок. Наш российский школьник. Школьник?

– Да,– тихо ответил Антон. И стыдно ему стало.

– И я – школьник. Я в душе – всегда школьник. Ну беги, радуйся.

Антон отошёл от небритого и двинулся в сторону Невского.

Всё-таки у него появились деньги, а на них можно было купить еду для Буля. Хотя, конечно же, разве это дело – продавать совсем новое пальто во много раз дешевле его цены?

Если бы Антон постоял ещё несколько минут, он бы с удивлением увидел, что небритый предлагает его пальто гражданке, жалобно говоря при этом, что купил пальто любимому сыну на день рождения, да оно мало оказалось, а теперь и подарка нет и не на что день рождения справить.

– Женщинам и ветеранам скидка, – добавлял небритый.

Ещё через минуту небритый положил в карман денег в два раза больше, чем дал Антону, а гражданка понесла пальто Антона в свой дом, к своему сыну.

И следующие два года это пальто будет носить её сын, ни о чём не догадываясь. А сына её зовут Коля Кудлаев.

Дождь

Антону не повезло. Уже с утра собирался дождь. А теперь закапал, сначала почти незаметно, а потом забил крепкими струями.

Прохожие стали разбегаться в разные стороны, и Антон тоже спрятался в подворотню. И волосы, и лицо, и куртка у него были уже мокрые. Ноги он тоже успел промочить.

Все кругом тоже были мокрые, стряхивали воду с головы и одежды, но удивительно: тот, кто заскакивал в подворотню с улицы, обязательно улыбался.

Сбоку от Антона стояла старушка. Почему-то она стала к Антону приглядываться. Антон не любил, когда его рассматривали, и от старушки отвернулся.

Неожиданно она спросила его:

– Мальчик, тебя, помнится, Антон зовут?

Теперь отворачиваться было уже глупо. Антон всмотрелся в старушку и узнал в ней бывшую хозяйку Буля. Она и не старушкой была совсем, просто ему так показалось с дождя. Как раз в те самые минуты Антон думал про Буля. Сидит один в пустом доме и ждёт еды.

– А где Буль? Он не слишком скучает? – спросила бывшая хозяйка. Антон не знал, как лучше ответить. Скажешь, что не скучает, – обидишь хозяйку, скажешь да – вдруг она заберёт его назад.

– Сначала скучал, а теперь привык. – Антон постарался ответить по-взрослому твёрдо и рассудительно.

– Надеюсь, ты его содержишь в хороших условиях?

И только Антон хотел ответить, что в хороших, как в подворотню забежал ещё один человек. Это был весёлый небритый мужчина, который только что купил пальто у Антона.

– А, мужичок, – обрадовался он, – ты ещё здесь?

– Простите, – вдруг встрепенулась хозяйка, посмотрев на весёлого человека, – так это же вы мне продали Буля? Какая удивительная встреча! – засмеялась она. – Все хозяева в одной подворотне.

– В какой подворотне? Я не знаю, я в подворотнях не торгую, – обиделся небритый мужчина.

– Да как же, я вас хорошо запомнила, весной в Тарховке вы продали мне собаку, Буль его звали. А вот, – бывшая хозяйка показала на Антона, – а вот новый хозяин пёсика. Из меня-то какая собачница, и себя мучила, и его мучила…

– А-а, мужичок, и тут ты успел, – небритый человек странно взглянул на Антона. – Ну, давай лапу. – Он схватил вдруг Антона за руку, потом кивнул бывшей хозяйке: – И вы будьте здоровы, мадам, тороплюсь я. – И небритый выскочил под затихающий дождь.

– Странный человек, – сказала бывшая хозяйка. – А ты смотри, мальчик, если собака тебе надоела, могу взять назад: у меня появились добрые знакомые, они мечтают о собаке.

– Почему надоела, он не надоел, он в хороших условиях...

– Если в хороших, то ладно.

– Я тоже побегу, – заторопился Антон. – Я побегу к Булю.

Дождь ещё продолжался, правда, намного тише, и Антон быстро пошёл к дому, обходя лужи и потоки воды на асфальте. Когда он дошёл до дома, ноги у него промокли так, что носки можно было выжимать.

Саша и Буль

Теперь Сашу постоянно тянуло в пустой дом, где непонятно от кого Антон прятал собаку.

Обычно в простые дни она не гуляла. Да и когда гулять – и музыка, и уроки, и книги – на всё надо время. Папа иногда даже силой её выставлял за дверь, набросив пальто и шапку.

А теперь она ходила по Дмитровскому переулку, прогуливалась взад и вперёд и сама себе удивлялась.

Потом она всё-таки заставила себя пойти домой и сделать уроки. После взялась было за книгу, но тут ею окончательно овладело странное желание: она открыла холодильник и, подчиняясь этой силе, достала из красной эмалированной миски котлету, завернула её в бумагу и выбежала на улицу.

В огороженный дом она вошла быстро и уверенно. Подошла к привязанной двери, услышала голос Буля, отвязала верёвку и открыла квартиру.

Буль от котлеты отворачивался. Вид у него при этом был угрюмый. Но потом, когда Саша перешла в другую комнату и стала около пустой стены с оторванными обоями, Буль, видимо, сразу на котлету набросился.

Саша вернулась – сеттер облизывался и смотрел на неё добрее.

Она дала ему конфету «Гвоздика».

Эту конфету сама она очень любила из-за вкусной начинки. Но при ней Буль опять не стал есть. Саша перешла к окну, и Буль тоже перешёл, сел рядом с ней.

Саша погладила его и высунулась в окно.

Отсюда была видна вся Колокольная улица. И вдруг на эту улицу из своего двора вышел Антон. Он нёс что-то в полиэтиленовом пакете и явно направлялся к огороженному дому.

Саша, молодец, она не растерялась. Она быстро-быстро погладила в последний раз Буля, выскочила из квартиры, завязала дверь. Бежать вниз было уже нельзя: она бы наверняка столкнулась с Антоном. Саша поднялась по лестнице вверх на два этажа и там затаилась.

И точно – Антон как раз вошёл в дом.

Саша слушала, как он топает по лестнице, как пыхтит, развязывая верёвку. Даже голос Буля из-за дверей она услышала. Потом дверь хлопнула, и Саша быстро, как могла, побежала по лестнице вниз. Но едва она добежала до второго этажа, как на лестницу опять выскочил Антон. Она замерла, прижавшись к стене, стараясь не дышать. «Только бы он не стал спускаться! – молила она. – Только бы не стал спускаться!».

Ей казалось, что он уже ступил на лестницу, уже пошёл вниз, осторожно, тоже стараясь не дышать, как и она.

Саша даже глаза закрыла от ужаса: что сейчас будет, если он наткнётся на неё?!

Антон потоптался на площадке, пробормотал что-то похожее на «странно-странно» и снова ушёл в квартиру.

Саша ещё постояла минутку, а потом громко, тихо она уже не могла, сбежала по лестнице, хлопнула дверью, подбежала к забору, вылезла на улицу. И даже по улице она до самого своего дома бежала.

«Ни за что больше не пойду туда!» – решила она.

Она не думала, что уже завтра это решение изменится.

Сначала Антон не знал ни о чем.

Он спокойно развязал веревку, открыл дверь, погладил Буля, отломил ему кусок дешевой колбасы, нагнулся, чтобы

налить в миску молоко из пакета, и только тогда увидел конфету. Конфета лежала на полу у стены. Прежде ее не было и быть не могло, потому что конфет Антон Булю не приносил.

Антон вздрогнул даже – так он испугался.

Не веря себе, он взял конфету в руки, прочитал название – «Гвоздика». Утром, когда он гулял с Булем, никакой конфеты у стены не было.

Значит, кто-то здесь побывал сегодня!

Как собака-ищейка Антон стал высматривать, вынюхивать следы того, кто был в квартире у Буля. И обнаружил крошки от котлеты. Он по запаху понял, что это именно котлетные крошки, да к тому же свежие.

Антон выбежал за дверь и на площадке нашел еще одну конфету – ириску. А когда поднимал ее, услышал внизу шорох. Это был не Буль, потому что шорох донесся именно снизу. Антон замер и услышал дыхание человека.

Медленно, как загипнотизированный, он спустился на несколько ступенек вниз. И снова замер.

Шорох повторился.

И тут Антон почувствовал, что ему изо всех сил не хочется встречаться с тем, кто прячется сейчас внизу. Нет, ему не страшно было. Просто он понял, что встречаться нос к носу с тем человеком сейчас невозможно. Он даже не знал, почему, только чувствовал, что невозможно.

Он взбежал на свою площадку, хлопнул дверью и тут же услышал с лестницы громкие шаги бегущего вниз, а потом грохот уличных дверей...

Антон подскочил к окну, чтобы издалека, сверху увидеть и запомнить того человека. Но на улице никого не было. Лишь та девочка в красивом голубом пальто, Саша, пробежала по улице.

Сначала Антон решил немедленно перевести Буля в другую квартиру, на другой этаж.

А потом подумал, что лучше подождать до завтра. Может, тот неизвестный больше и не появится здесь...

Встреча с Колей

Едва Антон дошел до своей улицы, как встретил Колю Кудлаева. Коля нес батон из булочной. Его часто посылали в булочную за батоном. Но сейчас Антон по особенному удивился, увидев Колю. Потому что Коля Кудлаев был одет в то самое пальто, которое днем было продано веселому небритому человеку!

Коля шел важно и смотрел на Антона чуть снисходительно.

– Не холодно? – спросил он, оглядев куртку, Антона, хотя видел ее прежде сто раз. – Видал, какой ветер?

– Пальто новое, да? – спросил Антон.

– Новое, сегодня купили.

Узнавать, где купили и кто купил, Антон не стал.

– Ну, я пойду, а то батон остынет, – проговорил Коля Кудлаев.

Антон тоже двинулся к дому, и стало ему грустно.

Объяснение с мамой

Вечером холодный ветер задул еще сильнее, и на улицу выходить не хотелось, но надо было обязательно вывести Буля. А тут неожиданно забежала с дежурства мама. Антон как раз надевал куртку, когда она открыла дверь.

– Я на минутку, посмотреть, как ты, и сразу назад. – Она удивленно взглянула на сына и спросила: – Куда ты собрался на ночь глядя?

– Я тоже на минутку, задание по математике узнать. – Антон не знал, с чего начать разговор о пальто, и лицо у него стало виноватым само собой.

– А почему в куртке? Пальто бережешь? – Мама открыла шкаф. – Его там нету, –проговорил Антон и отвернулся.

– Почему нет? Как нет?– спросила мама с недоумением.

– У меня его украли. – Антон выдавил главную ложь, и теперь говорить стало легче.

– Ничего не понимаю. А как же ты… – Мама подвинула стул, но он ее не послушался и чуть не упал. Наконец она справилась со стулом. – А как же ты?

– А я – в куртке.

– Я спрашиваю, что ты делал, когда его воровали?

– Мы играли во дворе, – стал рассказывать Антон заранее придуманную историю, – играли, не в нашем дворе, а в другом, и стало жарко. Я пальто положил на скамейку, аккуратно положил, – добавил он, как будто это теперь имело значение, – потом оглянулся, а его нет. И никто не видел, как оно пропало, я у всех спрашивал.

Мама молча смотрела в стену.

– Я буду в куртке ходить...

Мама по-прежнему молчала.

– Я в куртке буду ходить, – снова проговорил Антон. – И весной тоже в куртке.

Мама внезапно встала.

– Раздевайся и ложись спать. Ни за каким заданием в такой ветер ты не пойдешь. А завтра что-нибудь придумаем. Может, я старые платья сдам в магазин...

– Не надо, – испуганно сказал Антон.

Он вдруг представил, как мама идет к тому же продавцу, а тот каким-то образом догадывается обо всем и говорит: «Вчера ваш сынок с новым пальто заходил».

– Что значит, не надо? Не ходить же тебе в этой курточке. Придется выкручиваться.

– А я свитер надену.

– Ладно, – мама удрученно махнула рукой. – Называется, взглянула на любимого сына в пятиминутный перерыв. Я бегу назад, а ты сходи быстро за заданием.

Антон подождал, пока мама пройдет через двор, и лишь потом вышел на лестницу. Едва он появился на улице, как его пронзил ветер, выдул все домашнее тепло.

Чтобы добежать до Буля, надо было пригнуться, почти лечь на этот ветер, а ветер не давал дышать, забивал воздух в рот.

За забором было чуть тише и теплей. Они с Булем так и походили здесь, у самого забора. Пять шагов в одну сторону – пять в другую. А потом Антон побежал домой.

Утром у него заболела голова.

Снова у Буля

Утром Саша вместе с отцом готовила завтрак. Точнее, папа готовил, а Саша накрывала на стол. Завтрак был всегда простой. Или творог со сметаной, или яичница, или яички в «мешочек», или просто бутерброды с колбасой да чай. Потом Саша мыла посуду, а папа, поцеловав ее в лоб, убегал в свою школу. На днях он должен был перейти в другую школу, поближе. В той, старой, его долго уговаривали остаться, но он нашел им хорошего учителя, своего друга. А ближняя – была ему родной: он сам в ней когда-то учился, и даже директор был бывшим его учителем.

После ухода папы Саша еще минут двадцать сидела у пианино, дважды повторила новую сонатину, а потом тоже собралась уходить.

Время у нее было рассчитано точно по минутам. До школы идти быстрым шагом пятнадцать минут да раздеваться три-четыре. Ровно без пяти она входила в класс.

В этот день у нее было шесть уроков, и времени после обычной школы у нее хватало только на дорогу до музыкальной – обедать было некогда.

Папа почти каждый день повторял, чтобы она брала с собой маленький термос и бутерброды. Но Саша стеснялась. Где она их станет жевать. В коридоре перед дверью в музыкальный класс?

После музыки Саша ехала домой усталая.

А еще надо было пообедать, убрать со стола, купить продукты по папиному списку, повторить все, что играла она в школе, чтобы не забыть замечания учительницы, потом сесть за уроки. И так неудачно получалось, что в этот же день в полседьмого приходила учительница французского языка. Она жила в их доме и была уже пенсионеркой. Она и папу когда-то учила языку, а теперь бесплатно учит всех желающих детей в доме. В этом году желающих осталось лишь двое – она да восьмиклассница Ира. Остальные переехали в новые районы.

После французского должен был прийти папа, и надо было собираться ужинать, а там вечер кончался очень быстро.

Иногда, когда у папы было время, они играли в шахматы и обменивались новостями или просто говорили, о чем попало, но обязательно на французском.

Сегодня папа задерживался на педагогической конференции.

И когда Саша проводила до дверей учительницу французского языка, на ее «Бон шанс, Александрин» ответила: «Оревуар, мадам», потянуло вдруг ее снова в этот огороженный дом взглянуть на Буля.

Сначала, как и вчера, она боролась с этой тягой. Взяла было книгу. Но чтение не шло в голову. Наконец она сделала бутерброд с колбасой, завернула его и отправилась к тому дому.

Ветер, дувший со вчерашнего вечера, стал, наконец, стихать.

Сначала Саша походила около забора: боялась, вдруг сейчас вылезет из дыры прямо на нее Антон. Но все было спокойно. Уже начинало темнеть, и входить в дом надо было быстрей. Наконец она осмелилась.

По лестнице Саша поднималась на цыпочках. Она была готова к тому, что в любую минуту хлопнет дверь наверху – квартирная – или внизу – уличная. Даже вздрогнула однажды, когда ей послышался какой-то скрип. Но это скрипело полуоткрытое окно.

Дверь была, как и все эти дни, привязана. Саша отвязала веревку. Ей показалось, что голос у Буля был особенно нетерпеливым.

И точно – сеттер прыгнул ей навстречу, почти выхватил из рук бутерброд, бумага, в которую тот был завернут, при этом упала, а Буль сразу съел его.

– Песик, песик,– она гладила сеттера по спине и, как вчера, жалела, что не знает его имени.

А сеттер повел себя странно.

Он подбежал к лестничной двери и словно стал звать ее гулять.

Саша не знала, что и делать.

– Ну что ты, песик, – попробовала она успокоить сеттера. Но сеттер отбежал от двери, схватил зубами ошейник с поводком, поднес к Саше и снова показал на дверь.

Саша поколебалась еще с полминуты, но сеттер так настойчиво звал ее на улицу, что она послушалась.

Внизу сеттер уверенно подвел ее к заборной дыре. «Бедный, наверно, он и не гулял с тобой сегодня», – подумала Саша. В мыслях она не называла Антона по имени, а только «он». Сеттер, потоптавшись у заборной дыры, стал вынюхивать след, а потом, низко пригибая голову, повел Сашу к Колокольной улице, перешел мостовую, потянул к пряничному дому. Саша еще на минуту раньше догадалась, что Буль ведет ее по следу Антона. И вдруг прямо на них налетел папа.

– Интересно! – сказал он и уставился на сеттера, а потом осторожно погладил его. – Как зовут?

– Не знаю, – сказала Саша и почувствовала, что попала в такую историю, из которой можно выпутаться, сказав лишь правду.

– Чей же это такой красивый? – Папа почему-то совсем не удивился, что его дочь разгуливает по вечерам с собаками, имен которых не знает.

– Так, одного мальчишки.

– Имени мальчишки ты, видимо, тоже не знаешь, – пошутил папа. Он оказался почти прав. Только имя-то у Антона она и знала, а больше ничего.

Если бы они сейчас оглянулись кругом, то чуть в стороне у соседнего дома они бы заметили другого мальчишку в красивом новом пальто. Мальчишка делал вид, что рассматривает что-то под ногами на асфальте.

На самом же деле он внимательно вслушивался в каждое слово из разговора отца и дочери. Это был Коля Кудлаев.

Он уже давно, как только вышел из булочной со свежим батоном, заметил, что с собакой Антона гуляет какая-то девчонка. При этом девчонка и собака шли к Антоновому дому.

«Интересно, – подумал Коля, – мог бы и меня попросить погулять, если заболел, а он, значит, девчонку». Еще больше его удивил разговор девчонки с отцом. И едва они повернули назад, от дома, как Коля, не боясь, что батон в руках остынет совсем, заторопился к Антону сам.

А Саша повела сеттера назад, к забору. Сеттер в первые секунды слушался неохотно, но потом подчинился. Вместе с папой они пролезли в дыру, отвели сеттера по лестнице наверх, в квартиру.

В квартире, как и на лестнице, было едва светло: свет падал только от уличных фонарей.

– Забавное жилище, – проговорил папа, изучив квартиру с помощью спичек. – Тут можно целую бандитскую шайку укрыть.

Папа помолчал, а Саша подумала о том, как здорово иметь такого отца, который всё понимает и ему можно доверить многие секреты.

– Я тебе, знаешь, что советую, – папа снова задумался, – я тебе советую, если ты так хочешь навещать этого симпатичного пса, я тебе советую сюда ходить не одной, а вдвоем. Вместе со мной, например. Мне будет и спокойнее и веселее. Саша молча согласилась.

Вместе они завязали дверь и вместе спустились.

Теперь, если бы вдруг неожиданно на лестнице появился Антон, Саша бы не испугалась.

Навестить больного

С батоном в руке Коля Кудлаев пришел к Антону. Антон лежал на своем диванчике под одеялом. Мама его как раз вышла к соседям.

– Ты что, заболел, что ли? – удивился Коля Кудлаев. – А я думаю, и чего тебя нет. Мы сегодня контрольную писали по математике, трудная! Жалко, что тебя не было. Я два уравнения неправильно решил, а ты был бы – подсказал.

Антон всегда помогал Коле по математике.

– А ты что, болеешь? – снова спросил Коля.

– Болею. – Антон ждал Колиного прихода весь вечер. Ведь днем Буля никто не кормил и не выводил. У мамы как раз был отгул. И она, как померила температуру, как ахнула, так и осталась сидеть дома с сыном весь день. И выйти при ней из дома было невозможно. Поэтому оставалось надеяться на Колю,

только сначала открыть ему, наконец, правду про Буля». Коля снял свое новое пальто и повесил у стены за шкафом, где висела уличная одежда Антона и его мамы.

– А я твою собаку сейчас видел на улице, – похвастал он, и тут вошла мама Антона.

– Коля пришел! Здравствуй, Коля! – обрадовалась мама.– Видишь, Антон заболел... Так кого ты сейчас видел?

Коля хотел повторить, что собаку он видел, но наткнулся на страшный взгляд Антона. Антон смотрел нахмуренно и изо всех сил мотал головой, заставляя Колю молчать.

И Коля сообразил.

– Да собаку, говорю, видел, она вместе с кошками гуляет.

– С кошками? – удивилась мама.

– С кошками и... котятами. Кошки котят вывели погулять, а собака их охраняет.

Коля и сам понял, что сказал несусветную чушь, но мама Антона уже не слышала его разговор. Она повернулась к пальто и проговорила радостно;

– Антоша! Да вот же твое пальто! Никто его не украл. Висит себе за шкафом, как я-то не заметила!

– Это мое пальто, – сказал обиженно Коля Кудлаев. – Мне его... – Коля хотел сказать, что пальто лишь вчера купили, но снова наткнулся на ужасный взгляд Антона. Как и в разговоре про собаку, Антон опять изо всех сил замотал головой. И Коля запутался окончательно в этом мире неожиданных тайн.

– Мне его поносить дали, на время.

– Поносить? – еще больше удивилась мама.

– Да, поносить, – начал развивать мысль Коля. – Двоюродный брат на юг уезжает, там тепло, зачем ему там пальто, он и дал.

В этих словах частица правды была, брат действительно уезжал в санаторий на юг.

– А мое пальто вчера украли, – вставил Антон. – Я шел из школы, остановился поиграть, оставил на скамейке...

– Да ну?! – удивился теперь и Коля, потому что вчера Антона он видел только в куртке. Но тут же сообразил, что мысль Антона требует развития. – То-то я смотрю, вчера в пальто ходил, а потом вдруг в куртке идешь...

Он подошел к вешалке и быстрее стал одеваться, чтобы не запутаться и не наговорить лишнего. Да и мало ли какие еще тайны могли быть у Антона сегодня.

Мама пошла Колю проводить до лестничной двери.

– А температура-то у него какая? – спросил Коля уже с площадки. Он заподозрил, что и болезнь – тоже Антонова выдумка.

– Температура высокая, – мама вздохнула, – тридцать девять и две температура.

– А пальто мы ему найдем, не волнуйтесь! – Коля запрыгал по лестнице с уже остывшим батоном в руке. Он и не догадывался, что весь разговор шел именно о его новом пальто.

(Окончание следует)